

Александр Цыпкин

ДОМ ДО СВИДАНИЙ

И НОВЫЕ БЕСПРИНЦИПНЫЕ ИСТОРИИ

Annotation

Александр Цыпкин — один из самых необычных литературных и театральных дебютов за последнее время. Его первый сборник лирическо-хулиганских рассказов «Женщины непреклонного возраста» стал самой продаваемой сатирической книгой в России в 2015 году. Тираж 50 000 экземпляров и первое место в рейтинге российской прозы сети книжных магазинов «Москва». Заняв его в августе 2015 года, Цыпкин до сих пор держится в топ-20, что является российским рекордом.

Рассказы, собранные в новой книге, читали со сцены такие актеры как Сергей Бурунов, Максим Виторган, Сергей Гармаш, Михаил Горевой, Ингеборга Дапкунайте, Виктория Исакова, Данила Козловский, Анна Михалкова, Михаил Морозов, Елена Полякова, Петр Семак, Павел Табаков, Полина Толстун, Андрей Ургант, Николай Фоменко, Константин Хабенский, Юлия Хлынина, Дмитрий Чеботарев, Катерина Шпица, и др.

- [Александр Цыпкин](#)
 -
 - [Много букв](#)
 - [Среднее. Сексуальное](#)
 - [Мышки по норкам](#)
 - [О счастье](#)
 - [Диагноз](#)
 - [Царапина](#)
 - [Это будет не трудно](#)
 - [Окно](#)
 - [Черная зависть](#)
 - [Управленческое. Эффективное](#)
 - [О демократии](#)
 - [Волшебник страны 03. Веселая драма](#)
 - [Маркуша и папочка](#)
 - [Бульварное](#)
 - [Жертвенное. Мужское](#)
 - [Геннадий Валентинович. Притча о загадочной женской любви](#)
 - [Друг](#)
 - [Любовь за две копейки](#)

- [Русский экстаз](#)
- [Список Феди](#)
- [Четыре-один](#)
- [Этюд спортивно-бордельный](#)
- [Первое сентября. Боль](#)
- [антракт](#)
 - [Детектор правды](#)
 - [Ислам подъезжает](#)
 - [Новости от водителей Uber. Артур из Краснодара](#)
 - [Из Одессы с любовью](#)
 - [Я — ваш Uber](#)
- [Второе отделение](#)
 - [Мечта](#)
 - [Этюд эпистолярно-бордельный](#)
 - [Пацанский подход](#)
 - [Национальный колорит](#)
 - [дом до свиданий](#)
 - [Деньги маленького мальчика](#)
 - [О позах](#)
 - [Ты здесь не живешь](#)
 - [Мистер Вульф](#)
 - [Сексизм](#)
 - [Сексизм \(часть 2\)](#)
 - [Открытое письмо](#)
 - [Честное Ленинское](#)
 - [Понятийная уха](#)
 - [Пауза](#)
 - [Астроном от эротики](#)
 - [Чуйка. Логика](#)
 - [Накипело](#)
 - [Кавычки](#)
 - [Э-ге-гей-карма](#)
 - [Цветы](#)
 - [Правила игры](#)
 - [Утренний «секс»](#)
- [Одним абзацем](#)
 - [Из жизни подкаблучников](#)
 - [Бессердечные циники](#)
 - [Женское](#)

- [Женское. Прожитое](#)
- [Дилер](#)
- [Люблю, когда меня ненавидят](#)
- [Татуировки](#)
- [Детское. Логичное](#)
- [Языковое. Убийственное](#)
- [Садись, два](#)
- [Школьная история](#)
- [Партия зеленых](#)
- [Клиентское](#)
- [Размер имеет значение](#)
- [Обожаю Питер](#)
- [Белая зависть](#)
- [Тщеславие. Лайфхак](#)
- [Милосердное](#)
- [О семейном счастье и посуде](#)
- [Родные](#)
- [Финиш шампейн](#)
- [Тайм-менеджмент](#)
- [Женская солидарность](#)
- [Купить помаду](#)
- [Гамлет](#)
- [Все мужчины проходили это](#)
- [Ничего святого](#)
- [Художественное](#)
- [Образование](#)
- [Принц](#)
- [На дне, или Добро пожаловать, месье Цыпкин](#)
- [Уважаю](#)
- [Оплачено](#)
- [Фундаментальное](#)
- [Рубрика «Фак-ап-дня»](#)
- [Бабушка](#)
- [Фамилия на «Ц»](#)
- [На массаже в реабилитационном центре](#)
- [Предусмотрительное. Гастрольное](#)
- [Ностальгия](#)
- [Пьеса «Фейсбук»](#)
- [Эзотерично](#)

- [Дорогостоящие покупки](#)
- [Паспорт](#)
- [Пуля и Бог](#)
- [The iron balls\[10\]](#)
- [Постправда](#)
- [Реставратор](#)
- [Светлые души](#)
- [Квантовое казино](#)
- [В женщине должна быть загадка](#)
- [Новая знакомая](#)
- [Винни-пух](#)
- [Откуда мы знакомы?](#)
- [Член абонента занят или находится вне зоны действия сети](#)
- [Наш еврейский вертолет](#)
- [Немного передохнул](#)
- [Родители — такие родители](#)
- [Удобно](#)
- [В темноте](#)
- [Кто любит крафт](#)
- [Летальный вопрос](#)
- [В одной фразе](#)
- [Когда папа — бессердечный кардиолог](#)
- [Одной строкой](#)
 - [Люблю пиздец](#)
 - [Решай быстро](#)
 - [Как можно понять, что человек «свой»](#)
 - [Кот](#)
 - [Женская логика](#)
 - [Прокрастинация](#)
 - [Питерские поймут](#)
 - [О женской логике](#)
 - [Разговор с женой после очередной свернутой моей головы](#)
 - [Блондин](#)
 - [Мама научит](#)
 - [Петербуржец](#)
 - [Wi-Fi](#)
 - [Переночевать](#)
 - [Пойдем в кино?](#)
 - [Не Анатолий](#)

- [Порядочность](#)
 - [СЕГОДНЯ его зовут Максим](#)
 - [Семейное](#)
 - [Друзья](#)
 - [Лучшие подруги](#)
 - [Пьем с англичанином](#)
 - [Сестра 15 лет](#)
 - [Чайковский Дунаевскому](#)
 - [Эпоха созерцания](#)
 - [ЛЮБОВНОЕ](#)
 - [Анализ конкурентов](#)
 - [Утреннее посольское](#)
 - [Россиянин в душе](#)
 - [В отделе салатов](#)
 - [Суровый юмор стюардесс «Belavia»](#)
 - [Ты мне позвонил](#)
 - [Себя не жалко](#)
 - [Прогноз погоды](#)
 - [Катарсис](#)
 - [Подумалось тут](#)
 - [Завтра](#)
 - [Бис](#)
 - [Ежовое](#)
 - [Откуда мы знакомы?](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Александр Цыпкин

Дом до свиданий и новые беспринципные истории

Посвящается опять мне

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

Дорогие читатели, хотя мне привычнее обращение дорогие зрители, так как, возможно, вы знаете, что я в основном рассказываю свои истории с театральной сцены. Поэтому давайте представим, что это не книга, а спектакль из нескольких историй. Возможно, какие-то заставят вас смеяться, какие-то плакать, а может они вообще вам не понравятся. Тем не менее все будет как в театре, два отделения и антракт, чтобы вы смогли сходить в буфет. Без буфета, сами понимаете, никак нельзя. Невозможно.

Начнем, пожалуй, с рассказа, которым я открываю практически все свои беспринципные чтения. Он короткий и емкий, в нем практически все, что я люблю: секс, сарказм, немного Питера, немного детства и «глубокая философская мысль», спрятанная за всем этим монументальным забором. Если честно, «глубокую философскую мысль» без такого предупреждения никто не видит, но она есть. Я точно знаю.

Занавес, поехали.

Много букв
Первое отделение

Среднее. Сексуальное

Речь о юности — времени одинокого проживания в культурной столице. Оба эти фактора не оставляли мне выхода, и приходилось вести разгульный образ жизни. Иногда снисходил до разового киносекса. Зовешь барышню домой посмотреть документальный фильм, а там как повезет.

Оффтоп. Помню, как уже в зрелом возрасте знакомая жаловалась на новоявленного ухажера: «Позвал домой посмотреть кино и начал, сука, смотреть кино».

Так вот. Очередной заход в кассу кинотеатра, ну то есть приглашение пойти погулять с последующим домашним «просмотром». Самое сложное для порядочного человека, пытающегося беспорядочно поступить на первом свидании, — это так пригласить в гости, чтобы не менее порядочная девушка, собирающаяся поступить тем не менее так же, как и я, оставалась чиста перед своей совестью. Игра идет по Станиславскому до последнего. Итак, гуляем мы по парку, ищу нужную светотень для главного предложения, и тут неожиданно в меня стреляют первым.

— Холодно, поехали ко мне, кино посмотрим, дисков новых тут накупила.

Хотел было повторить часто слышанное мною: «Ну только точно кино, и я домой». Но воздержался. Просто лениво так булькнул:

— А чего смотреть будем?

— «Том и Джерри».

Приходим. Дома нет даже телевизора. Начинаю смутно подозревать. И тут меня сгубило любопытство и жажда правды. Не помню формулировки, но смысл был такой: «А чем вызван настолько прямолинейный интерес к моей персоне?»

— Рекомендацию дали.

В те времена по телевизору шла навязчивая реклама под лозунгом: «Рекомендации лучших собаководов». Ощутил себя пуделем.

Но не это было самым ужасным. Я, как хороший пионер, стал париться насчет оправдания возложенных надежд. Кто меня рекомендовал, я не знал, но мерзкое для мужчины состояние «надо не облажаться» поселилось там, где только что порхали похотливые насекомые. И с каждой минутой бабочек было все меньше, а страха все больше.

Еще один оффтоп. В детстве мне, как и всем, периодически приходилось стоять на табуретке и читать стихи. Получалось сносно, пока

один раз мама не сказала: «Сегодня будут гости, надо постараться». Я все забыл, зарыдал прямо на сцене, и билеты зрителям пришлось вернуть. С горя и стыда залез под праздничный стол, куда папа решил открыть бутылку шампанского, чтобы пробкой не попасть в гостей. Попал он прямо в мою тихо рыдающую жопу. Мне до сих пор себя жалко, а все потому, что не надо было анонсировать мой успех.

Скажу так. Стихи тогда я прочел лучше, чем выступил в качестве любовника в указанных выше обстоятельствах.

Мост развелся не до конца, все время норовил свестись раньше времени и в итоге рухнул. Любые попытки повторного подъема приводили к картине: «Несобранный урожай». В такой ситуации остается шутить, а это, к счастью, я умею, независимо от состояния. Жег, как никогда. Барышня обхохотывалась. Пару часов шедеврального стендапа кое-как спасли ситуацию. Наконец я собрался домой и, уходя, извинился:

— Прости, рекомендации не оправдал.

— Наоборот, оправдал на сто процентов!

Я стал похож на красную лампочку рентгенолога.

— В смысле?

— Мне так и сказали, секс средний, но очень весело. А мне так грустно последнее время... у меня депрессия полгода уже. Меня никто вытащить не мог, а ты смог. Спасибо тебе, правда.

Показалось, что папа опять выстрелил мне в задницу шампанским.

Я лишь задумался о многослойности понятия «средний секс».

Дома до утра смотрел кино.

А ведь осчастливил все-таки девушку! Никогда не знаешь, чего от тебя хотят, за что любят и как именно ты можешь спасти близкого тебе человека.

Мышки по норкам

Иногда нам всем нужна последняя капля. Познакомился я в двухтысячных с человеком по имени Артур. Интересное было у него занятие, я бы даже сказал занятость: интервьюирование, отбор, обучение, прием на работу, разработка программы мотивации и системы оплаты труда, ну и увольнение. Да, вы угадали. Артур занимался кадрами. Если точнее, он был сутенером.

В Петербурге, особенно в тучные годы, проходило много конференций и форумов. Эти прекрасные события обеспечивали хлебом с напитками значительное количество горожан и гостей Северной столицы. А уж какой праздник происходил в душе девушек, не готовых работать в борделе, но стремящихся тем не менее как-то монетизировать хорошую генетику, и описать сложно.

Ведь это какие мужчины со всей страны приезжают!

4У-самцы: Ухоженные, Упитанные, Умные, Успешные. В России и бесплатно с такими переспать не зазорно, а уж за деньги — так просто святая обязанность. И лицо в каталогах продаж не светишь. Более того, иногда даже не нужно ложиться в постель. Просто походила из угла в угол на вечеринке — и домой, к Бунину с Бродским. Платят меньше, но и угрызения не грызут.

Так вот, Артур в этом подряде отвечал за многое, но главным, как я уже сказал, были кадровые решения. Технология следующая: назначался ресторан, его закрывали, пускали слух о кастинге, девицы приходили, располагались за столиками и пили чай. Со стороны — гламурное такое Иваново. Артур подсаживался к тем, кто проходил его визуальное сито, болтал, выяснял, на что барышни готовы, как у них с головой, и принимал окончательное решение.

Одним октябрём случилась в городе какая-то крупная конференция. И приехала на нее дама-начальница с девушкой-помощницей. Боссше, помогавшей чинушам разумно инвестировать за границей украденное, серьезно за сорок, ассистентке — несерьезно. Прибыли женщины заранее и пошли гулять по городу. Октябрь в Питере такой, что особо не пошляешься, и вскорости они решили согреться. Заходят в ресторан, их спрашивают:

— Вы на конференцию?

— Да.

— Работать?

— Да, а что?

— Тогда проходите.

Женщины переглянулись, но не обратили внимания. Ну мало ли, случайно попали в закрытый для участниц конференции общепит.

А далее случился прелюбопытнейший разговор с Артуром, который в этом кафе как раз оказался по работе.

— Девочки, не возражаете — подсяду, поговорим по душам?

Артур был хорош собою, и возразить ему было сложно. Тем более, по душам неожиданные гости этого кастинга говорили только между собой последнее время.

— Конечно!

— Я Артур.

— Мария и Анна.

— О как. Недолго вы имена выбирали, обычно все Марии хотят стать Анжеликами, а вы вот не паритесь.

— Ну вообще-то родители выбирали, — засмеялась тронутая вниманием мужчины Мария, привыкшая быть Марией Александровной. Хорош был Артур. Эх, хорош. Точнее, так плох, что не устоять.

— Ого! Редко я общаюсь с девушками, которые представляются своими именами.

— Где же вы их таких находите-то, скрытных? Нам стесняться некого.

В голове включившегося Артура проскочило: «Этой точно некого! Москва приехала».

— Побольше бы таких! Первый раз на конференции работаете?

— Да нет, я уже несколько лет по всему миру болтаюсь, а вот Аня, ассистентка моя, первый раз. Пусть хоть отдохнет, конференция — это ж не в кабинете с утра до вечера пахать.

Артур оценил чувство юмора бойкой представительницы старшего поколения, которая, конечно, чуть выбивалась из возрастных рамок, самим же им поставленных, но выглядела настолько лучше, а точнее качественнее абсолютно всех пришедших на этот конкурс красоты и чистоты, что он решил взять ее на борт в любом случае. Тем не менее наличие ассистентки разрывало все шаблоны. Он даже потерял ненадолго бронебойную вальяжность и стал похож на лингвиста в магазине сантехники.

— Ассистентка? Ага... м-м-ммм... То есть вы вдвоем, так сказать, трудитесь?

— Да. Аня всегда со мной. С прошлого места забрала. В моем возрасте как-то без ассистентки уже дурной тон, коллеги засмеют. Да и потом,

лишние руки. Столько же чисто технической работы, у меня уже иногда не хватает сил до конца дело довести.

Мария Александровна кокетничала и флиртовала. Этот кислород у женщин нельзя отнимать. Никогда. Никому. Без него женщины... нет, не умирают, они просто начинают дышать углекислым газом — человек привыкает ко всему. А вот Артур понял, что в профессии еще много, чего он не знает, особенно про доведение дела до конца.

— То есть Аня с тобой даже с прошлой работы! Завидная преданность. А если не секрет, что за работа была, как-то мне обычно про тяжелую судьбу приходится слышать. А ты такая жизнерадостная, позитивная, а главное — искренняя!

— Да ладно вам, в моем бизнесе без жизнерадостности никак. Люди верят только счастливым. Я была вице-президентом банка. Но такая тоска и скука, что ушла вот, скажем так, в консалтинг, помогаю в основном госслужащим в решении ряда интимных вопросов. Они же никому не доверяют, а меня давно знают. Мне можно.

Артур разное слышал в жизни и удивить такого эксперта было достаточно сложно, но такой дауншифтинг был радикален даже для него. Бог и дьявол питерских куртизанок раскрыл рот и превратился в мальчугана, попавшего на шоу Копперфильда.

— И... давно ты... занялась решением интимных вопросов государственных служащих?

— Года два, и знаете...

— Можно на ты.

— Ага, спасибо, знаешь, как глоток свежего воздуха! Единственное, конечно, приходится иногда работать психологом. Дел-то у них иногда на пять минут, а вот разговоров — на час. В основном про серую жизнь, жену, детей и любовниц, и что с ними со всеми делать. Скоро буду еще и за психоанализ брать.

Артур никогда не думал о работе проститутки, как о глотке свежего воздуха, но решил, что просто раньше не смотрел на это явление свежим взглядом, надышавшись свежим воздухом. Он даже себя стал как-то особенно уважать. Все-таки воздух людям несет. Свежий.

— Свежий воздух... Это ты так поэтично... А Аня спокойно эту перемену восприняла?..

Мария Александровна продолжила шоу.

— С радостью, да, Ань?

Аня кивнула. Мария Александровна так очевидно блистала и держала внимание красавца Артура, что конкурировать серенькая девушка не

решилась. Просто улыбалась. А начальница разошлась:

— Столько новых людей, навыков. Ей же потом цены не будет. Может, хоть замуж ее выдам. Два раза звали уже, но по возрасту не подходили. Богатые, но не настолько старые, долго проживут.

Мария Александровна хохотнула.

— Хотя такими темпами и меня скоро замуж нужно выдавать будет...

Жизнерадостности поубавилось.

— А что так?

Разговор ненадолго вышел из гротеска, и Артур ухватился за соломинку реализма.

— Моя новая работа мужу не очень понравилась. А особенно, что я опять зарабатываю больше, чем он. Если честно, мы в фиктивном разводе.

В голосе была печаль. Не хотела Мария Александровна разводиться. Страх одиночества и привычка. Привычка и страх одиночества. Марии Александровне некому было все это сказать, а тут незнакомец, мужчина, понравился, вырвалось. Как иногда в купе с соседом говоришь о самом сокровенном. Артур одиночество услышал, но решил к нему вернуться позже. В данную секунду его изумляла осведомленность мужа.

— Не ОЧЕНЬ понравилась?

— Ну, говорит, вообще — это мое право, но я часто допоздна работаю, дома не бываю. Еще ему мои клиенты, видите ли, кажутся ворьем. Он с парочкой знаком, так как мы иногда ужинать вместе ходили.

Говоря языком шоу Копперфильда, маленький Артур только что увидел, как дядя Дэвид превратился в Джона Сноу, отрубил головы всем зрителям, изрыгнул огонь и запел «Как упоительны в России вечера», но на хинди.

Он смог только выдать из себя:

— А ты что?

— Знаешь, муж может запрещать женщине работать с мультимпликатором два.

— Это как? Мульти... что?

Аня, которая последнее время стала Марии Александровне сестрой и лучшей подругой во всех ее драмах, знала историю из первых рук и поэтому скучала, удивляясь, правда, неожиданной откровенности скрытной обычно начальницы. Но тут улыбнулась. Теория с мультимпликатором два ей очень нравилась. Она решила обязательно найти себе именно такого мужа.

— Ну это если муж готов платить жене в два раза больше, чем жена сама зарабатывает. Тогда имеет право сажать под домашний арест для разведения кактусов. Я его честно спросила. Он не может. Поэтому я

работаю. Ну, как могу, так и работаю. А он моих денег не выдержал. Знаешь, мне кажется, он даже из-за этого перестал... Ладно, не важно, извини.

Мария Александровна поняла, что начинает говорить лишнее. Муж и правда перестал с ней спать. Эта метаморфоза поразительным образом совпала с ростом ее благосостояния. Первый раз, когда она сообщила о масштабном повышении своей зарплаты, он чуть ли не нарочито ей не дал, резко бросив: «Не хочу». Ей показалось, что какое-то внутреннее удовлетворение проскользнуло по его лицу в ответ на набухшие от обиды глаза не вовремя ставшей состоятельной тридцатисемилетней женщины. Муж мстил. Потом появилась молодая, бесцветная в остальном, любовница. А Мария Александровна ответить тем же не могла в силу принципов. Ей, конечно, предлагали, но... В итоге муж сказал, что хочет пожить один, но разводиться не спешил. Продолжал мстить.

— Не вынес он моей работы, хотя я честно обо всем ему рассказывала. Ладно, прости, ты же жизнерадостных любишь. Я помню.

Аня слушала и делала выводы: «Мой муж ничего не будет знать о моих деньгах, и вообще, карьеру нужно иметь в рамках разумного, как и внешность. Мышки по норкам. Так надежнее».

Тем временем Артур пытался проанализировать, что пил утром, внимательно посмотрел на пачку сигарет, понюхал кофе и сдался понять этот мир. Ушел в бизнес:

— Ну ладно, давай к делу. То есть я так понял, ты на конференции по полной работать готова, не просто на тусовках постоять. Хотя понятно, конечно, не твой уже вариант.

— К делу... Ну давай... По самой полной, тут же все основные клиенты, два часа плотной работы здесь, и он потом все деньги тебе принесет. Я же с самым ценным работаю, все слабые места знаю у человека, жене такого даже не рассказывают.

— Слушай, ты не обижайся, а вот точно Аню нужно брать сейчас? Ты-то как S-class выглядишь, отпарафинена, а она, ну прости, конечно, не очень проходит. Без обид, но руки, прическа, да и вообще, вялая какая-то. Тут все-таки тебя не все знают, народ новый. Может, ты одна справишься? Маш, что скажешь?

Повисла пауза. Аня опунцовела. Мария Александровна приняла эту претензию на свой счет лично, хотя понимала ее полную обоснованность. Как бы она ни заставляла ассистентку начать за собой следить, все упиралось в ее лень и чрезмерную лесть клиентов. Она давала Ане деньги, потом сертификаты на салоны красоты, потом абонементы в фитнес. Аня

кое-как привела себя в вид, достойный приемной, но не более.

— Ань, нет, ну правда, из тебя можно принцессу сделать за месяц, вот ты на свою ну... на начальницу посмотри. Не придраться же. Сколько тебе, Маш? 37–38?

— Не важно.

Мария Александровна растаяла внутри, но сдавать свою воспитанницу так легко не собиралась: «А, черт возьми, приятно, конечно, на семь лет ошибся! Это он еще грудь не видел... Ее, правда, никто не видел, э-э-эх...»

Артур продолжал:

— Я понимаю, деньги, время, зал, сиськи вон за десятку, но это же бизнес, и нужно соответствовать. Так что давай без Ани. А тебя я беру, у меня человека три-четыре прямо твои пассажиры, работаем пополам.

— Значит, так. Я не понимаю, что там у тебя за клиенты для меня, я обычно не жалуясь на низкий спрос, но Аня со мной везде будет. Вообще не понимаю, как это тебя касается. И пятьдесят процентов — это, конечно, ты совсем совесть потерял. За хорошего клиента готова отдать десять процентов с первого платежа. Ну ладно, двадцать. Потом он мой. И еще надо посмотреть, о ком вообще речь. Мы знакомы полчаса.

Ане стало стыдно за то, как она с подругами насмеялась над начальницей и ее несчастьем. Аня тоже не могла простить Марии Александровне ни красоты, ни успеха. А вот в голове Артура поселилось восхищение: «Есть еще женщины в России. Мы их всей страной топим, а они выплывают!»

— Да уж понятно, что ты потом его не отпустишь. Ладно, давай в порядке исключения твои семьдесят процентов. Аню бери, если хочешь, но поверь, она тебе все испортит. Сама потом разгребай. И деньги все с клиентов я получаю заранее, иначе потом вытряси с них чего! Но и еще. Это Питер, тут цены не московские, гости всё же на музеи тратят, душу развивают, на теле потом экономят, ну ты, думаю, в курсе.

Артур приструнил внутреннюю жабу, вспомнил о восхищении и сделал предложение:

— Максимум трешка за ночь, даже за такую, как ты.

Аня сменила красное лицо на пурпурное и решила не ставить чашку назад, чтобы не разбить звуком застывший воздух. Так и сидела, вечно пьющая чай.

Мария Александровна не зря была когда-то вице-президентом банка. Соображала быстро. Краснела редко. Пауза была короткая. Голос стал титановым:

— Я правильно понимаю, что ты решил, что мы проститутки?

Артур тоже не зря занимал свой пост. Более того, он успокоился. Мир все-таки не сошел с ума. Пауза была короткая. Голос стал неоновым.

— А я правильно понимаю, что понимаю неправильно?

— Мы что, на них похожи?

В вопросе слились негодование и любопытство.

— Все похоже, если на кастинг проституток приходят. Ты вокруг посмотри. Ничего не удивляет? Думаешь, в Питере мужчины закончились? Кстати, помощница твоя кастинг не прошла. А ты да. Лучшая в сезоне. Не знаю, обрадует ли это тебя.

Мария Александровна инстинктивно захотела дать Артуру по лицу, но остановилась и посмотрела на ситуацию с другой стороны. Это, пожалуй, основной жизненный навык, который приходит исключительно с возрастом.

— Аня, выйди, подожди меня на улице.

Артур никогда не видел такого моментального испарения человека и задумался о возможности телепортации.

Мария Александровна отличалась способностью убирать из разговора воду. Она задала вопрос.

— Слушай, а ты что, правда считаешь, что я... Ну, что кто-то готов три тысячи... за... ну... а то я уже, по-моему, сама скоро готова буду заплатить, если честно. Муж ушел к какой-то мышке, с клиентами нельзя, в метро не езжу.

— Не три, а пять. Я бы тебя на двушку кинул. Да ты в полном порядке! Я бы сам... Ну, взаимозачетом, чтобы трешку туда-сюда не гонять, раз ты сама готова платить, говоришь. Честное слово, сидел думал, как бы тебя на тест-драйв развести, но понимал, что не проканает. Вот тебе телефон. Я же все-таки лучше, чем мышка твоего мужа. Звони в любое время.

Мария Александровна потеряла в возрасте еще лет пять, уставилась в пустоту, отчетливо понимая, на кого именно она сейчас смотрит. Победила и, уходя, оставила мост не сожженным.

— Я тебе, Артур, позвоню. Позвоню. Взаимозачет же. Без комиссий?

— Без.

Через месяц она развелась. Через полгода вышла замуж.

Спать с Артуром Мария Александровна не стала. Прислала фотку из ЗАГСа с подписью: «Спасибо, Артур».

Артур внутри от этого треснул, что-то сломалось, что-то самое главное для мужчины. Дядя Дэвид улетел и оставил мальчика одного. Он стал искать такую же. А таких — одна на миллион.

Ведь по норкам мышки.

О счастье

Помню один из первых диалогов с канадским моим работодателем по случаю майских праздников. Девяностые. Я переводчик, организатор, секретарь, ксерокс, официант, водитель... Все в одном флаконе. Конференцию готовлю, в общем.

— Саша, а в честь чего эти ваши грядущие выходные?

— День труда.

— День чего???

Я был горд из-за того, что, пожалуй, впервые ко мне прислушались и выступил в притягательной роли «бывалого». Первый шаг к катастрофе почти всегда.

— Труда.

— Вы отмечаете день труда выходным?

— Четверг.

— И что вы делаете?

— В основном пьем и бездельничаем, раньше ходили по площади, но теперь как-то... лень.

— И все это в честь труда? Четыре дня?

— Ну да...

Я начал задумываться.

— За свой счет? Это такая традиция? Берете отпуск?

— Не-е, это государственные праздники, плюс выходные.

— То есть государство сознательно дает четыре дня на пьянство и безделье, чтобы отметить важность работы. Это многое объясняет из того, что я наблюдаю.

Майские я провел на работе, как и остальные студенты, искавшие легкие доллары на данном проекте.

— Цыпкин, блять, культуролог хренов, трепло, тебя кто за язык тянул про день труда Майклу рассказывать? Всех подставил, идиот!

Мне объявили бойкот и вскоре я уволился. Пошел работать на шведов. Нормальные ребята. Первой выходной.

А Майкл переехал в Россию и спился счастливым.

Диагноз

Рубрика «чем Бог послал» (имеется в виду, сам такое не придумашь).

Итак, у знакомой начала болеть голова. Не в смысле, что ей опостылил супружеский долг, а реально начала гудеть, даже во время исполнения оного. Русские люди делятся на две категории. Первые идут к врачу до того, как надо, вторые — после того, как надо. Вовремя — не умеет никто, отсюда все проблемы. Через месяц приема обезболивающих у девушки появилась мысль, что цитрамон не сдюжил.

Выбрала она модную клинику. Чуть ли не главный врач выслушала всё в подробностях и предложила немедленно переместиться в морг, сделав, конечно, для успокоения души МРТ. Дескать, понятно, что опухоль. Помочь уже ничем нельзя, поэтому готовьтесь. Но если денег не жалко, можно получить фактические подтверждения.

Несмотря на административный ресурс, МРТ показал, что опухоли нет. Завещание, из-за которого все уже успели переругаться и приобрести язву, было торжественно сожжено.

Осознав, что придется лечить, гуру выписала направления во все кабинеты клиники, кроме щитовой и серверной.

После трех месяцев анализов, приемов врачей и таблеток, посещения процедур и сеансов, список лекарств, необходимых для ежечасного употребления, перестал помещаться в outlook-календарь, а общий счет за карусель составил более трехсот тысяч, пусть уже никчемных, но все-таки рублей.

В итоге коллектив клиники, включая сисадмина, пришел к неутешительному выводу. Диагноза нет. Результата нет. Больной тем не менее жив.

История закончилась в кабинете, в котором и началась.

Пролистав результаты всего и вся, женщина выпуска середины прошлого века с научными и административными регалиями, вызывающими дрожь во всем квартале, надев посмертную маску Гоголя, заявила следующее.

— А я знаю, что с вами.

Голова от любопытства перестала болеть, а пациентка превратилась в одно большое ухо.

— И что же?

— Вы только серьезно отнеситесь к моим словам.

До этой неординарной рекомендации знакомая, разумеется, относилась ко всему несерьезно.

— Я думала, думала, и знаете что...

В ожидании катарсиса даже снег на улице остановился и прислушался.

— Сглазили вас!

Конец фильма.

P. S. Голова вскоре прошла.

P.P.S. Я вот думаю, с рублем та же беда. Сглазили его.

О роли деталей в судьбе Ивана Ивановича и Петра Петровича

Вот иногда кажется, как похожи у людей судьбы, характеры и мысли, только вот как пел БГ: «некоторые женятся, а некоторые так». Вашему вниманию предлагаются рассказы-близнецы практически о людях-близнецах. Итак, начнем.

Царапина

Жил на свете Иван Иванович Шнеерсон. Он был добротным еврейским мужем. «Два Никогда» бесконечно бунтовали в его голове, но победить их не представлялось возможным. Он бы никогда не бросил жену и никогда бы не смог оставаться окончательно верным. Отсюда переживания, расстройства желудка и провалы в расписании. Более того, г-н Шнеерсон входил в тот мужской возраст, когда временных подруг ночей суровых уже бессовестно было бы удерживать только на голом энтузиазме. Ему было около пятидесяти.

Подозрения в том, что он не Алан Делон и тем более не Рон Джереми, посещали его всё чаще, и ощущение несправедливости по отношению к своим любовницам Иван Иванович заливал подарками, но вел в голове невидимый баланс всех этих пожертвований, чтобы всё более-менее поровну. Но у жены всегда был контрольный 51 процент его подарочного бюджета.

Баланс этот видели только сам г-н Шнеерсон и его совесть. Остальные участники данного невидимого документа убили бы его автора, знай что они в нем значатся.

Проведя очередную сверку, Иван Иванович повез г-жу Шнеерсон в Милан. Причем не как обычно на распродажу, а прямо-таки в сезон.

Заходит наша семейная пара в модный бутик. Ольга Сергеевна налегке, а Иван Иванович на изрядном «тяжеляке». Его давят бесконечные пакеты и страх окончательной суммы.

— Я сумку, и всё.

Сумку выбрали быстро. Иван Иванович протянул карту и паспорт для оформления Tax free.

Русскоязычный продавец покопался в компьютере и отрубил г-ну Шнеерсону голову:

— Ну как вам покупки, которые вы сделали в сентябре? Всё понравилось?

Голова Ивана Ивановича покатилась из магазина, но на ее месте, к несчастью, выросла новая, и прямо на нее смотрели красные бесчувственные окуляры Терминатора Т-800 по имени Ольга Сергеевна.

— А я не знала, что ты был в Милане в сентябре!

Иван Иванович проглотил утюг, пакеты стали в десять раз тяжелее, мозг отчаянно пытался найти выход. Выход был найден в молчании,

прерванном вопросом Т-800 продавцу:

— Вы ничего не путаете?

Г-н Шнеерсон читал про йогов, передачу мыслей, и вообще, смотрел «Матрицу», как там граф Калиостро ложки гнул. Он собрал все свои извилины в копье и метнул его в мозг продавцу. Оно со свистом пролетело в пустой голове исполнительного товарища, который сдал Ивана Ивановича со всеми органами:

— Нет, нет, у нас же система. Вот, был 16 сентября, купил две женские сумки.

Утюг в животе заботливого любовника начал медленно, но верно нагреваться.

— Какая прелесть! Если я не ошибаюсь, в сентябре ты летал с партнерами в Осло.

Изнутри г-на Шнеерсона запахло жареным. Как, впрочем, и снаружи.

— Хотел сделать тебе сюрприз и заехал, пока были распродажи, чтобы купить подарки на Новый год тебе и Сереже (сын). Ну и стыдно стало, что экономлю, не стал рассказывать.

Смотреть на Ивана Ивановича было очень больно. Он из последних сил играл человека, стыдящегося своей жадности. В сентябре он и правда был в Милане, и правда из жадности. Одна из его пассий была выгуляна по бутикам, так как в балансе г-на Шнеерсона на ее имени значился зего.

— Ванечка, как трогательно, что ты настолько заранее озаботился.

Иван Иванович выдохнул. Ольга Сергеевна вдохнула:

— У меня только один вопрос, а зачем Сереже на Новый год женская сумка?

Остывающий утюг вновь раскалился.

— Я ее Оле купил (девушка сына).

— Ты же ее ненавидишь. И где они сейчас, эти щедрые подарки?

— В офисе, и, кстати, это, конечно, только один из подарков. Просто безделушка.

Счет Ивана Ивановича был большой, но очень чувствительный. Как и сердце. Оба в этот момент расчувствовались.

— Ванечка, Новый год в этом году для тебя настает сразу как мы вернемся, практически в Аэропорту. Чего ждать? Молодой человек, а покажите, пожалуйста, какие именно сумки купил мой муж.

— Одной уже нет, а вторая вот. Последняя, кстати,— пустоголовый продавец продолжил сотрудничать с полицией и указал на какой-то зеленоватый кошмар.

— А такую сумку ты кому купил, мне или Оле? — спросил

Терминатор, внимательно изучая болотного цвета изделие.

Сумка была не только бездарна, но, как говорят, чуть менее чем самая дешевая в данном магазине. Именно сумки Иван Иванович купил тогда сам, как бы сюрпризом, пока его временное развлечение грабило Габану.

— Оле, — прожевал (промямлил) Иван Иванович.

— Хорошего ты мнения о ее вкусе, интересно, что ты мне купил. Спасибо, пойдем.

Из Милана семейная пара должна была поехать во Флоренцию и потом домой в Петербург. Ивану Ивановичу вживили чип и посадили на цепь сразу при выходе из бутика.

Он вырвался только в туалет, набрал помощницу и сказал срочно позвонить в бутик, визитку он взял, найти идиота продавца, отложить чертову зеленую сумку, прилететь в Милан, купить ее и еще одну на выбор помощницы, но подороже, снять все бирки и чеки, срочно вернуться и положить всё это ему в шкаф в офисе.

Ошалевшая помощница видела и слышала всякое, но такое несоответствие мышиноного писка своего шефа и сути вопроса она понять не могла. Тем не менее утром следующего дня рванула в Милан и исполнила все указания.

28 ноября, в Новый год, Иван Иванович вручил своей жене темно-синюю сумку, внутри которой лежали серьги с сапфирами. Большими незапланированными сапфирами. Также он передал Сереже сумку для Оли и конверт самому сыну. Ольга Сергеевна еще раз внимательно посмотрела на безвкусный подарок Оле и скептически покачала головой.

Вечером Т-800 примерил серьги.

— Дорого?

— Ну да... — взгрустнул Иван Иванович.

— За всё, Ванечка, нужно платить, особенно за доброе сердце... пороки и слабости. Хотя не могу не оценить твою находчивость и оперативность. Знаешь, я тобой просто восхищаюсь. Ведь можешь, когда хочешь, все очень быстро решить.

Утюг начал оживать, слюна застряла в горле, так как Иван Иванович боялся ее слишком громко проглотить. Он не понимал одного. Кто же его предал...

— Думаешь, кто тебя сдал? Не переживай. Ну не бывает двух зеленых сумок с абсолютно одинаковыми царапинами. Прости, не бывает, — сказала с доброй улыбкой умная женщина.

Восхищению и раскаянию Ивана Ивановича не было предела.

А вот другая история, казалось бы только имена изменены, да детали некоторые... но... хотя давайте сначала ее расскажем.

Это будет не трудно

Петр Петрович решил секвестировать бюджет на секс. Не потому, что деньги стали кончаться, а за компанию и из-за появившегося внутреннего оправдания. Кризис. Если бы его не было, его стоило бы придумать. В тучные годы жадность — это порок, а в нынешние — добродетель. Главное — научиться верить в то, что кризис есть. Вот лежало у тебя в микроволновке сто миллионов долларов на черный день. Ударил по ним серпом геополитический интерес. Осталось пятьдесят. Разумеется, нужно снизить зарплату водителя, отказать жене в сумке и сыну в самокате. Именно такие шаги спасут ваше состояние. Здесь чупа-чупс не купил, там чаевые зажал, глядишь, миллионов двадцать и наскоблил. Конечно, все это возможно, если научиться технике мгновенной скорби. Это искусство. Моментальное преобразование в отца двухсот детей, потерявшего работу. Два урока данной техники, и вы можете перестать выплачивать дивиденды, сокращать персонал, отменять корпоративы и вообще тратить деньги на близких вам людей.

Так вот Петр Петрович Шмуэль месяц потренировался и решил наконец избавиться от очередной содержанки. Она ему обходилась в триста тысяч рублей в месяц плюс транспортные расходы и талончики на питание. Г-н Шмуэль разделил все расходы на количество минут секса в месяц и получил сумму, которая его очень раздосадовала. Он вдруг понял, что зарабатывает в минуту меньше. Потрясающим открытием он поделился с друзьями. Те разумно предложили увеличить количество минут. Наш математик потратился на магические таблетки и чуть не сдох прямо в момент исправления финансовой отчетности по своему сексуальному активу. Угрюмый Петр Петрович не знал, что делать, — и тут этот кризис. Коммерсант овладел упомянутой выше техникой мгновенной скорби и поехал соскакивать с крючка.

Встречу назначил не в уютном скворечнике, а в самом что ни на есть публичном месте. Он разумно считал, что ни до, ни после секса такой разговор вести не солидно.

Речь жертвы кризиса была хорошо подготовлена. Он долго распространялся на тему незащитности российского предпринимателя перед лицом кровавой американской военщины, пытался открыть компьютер, чтобы все доказать, постепенно начал вести разговор к неспособности в таком напряжении дать Свете все, чего она заслуживает,

но был вовремя остановлен.

— Петь, ты что хочешь, чтобы мы расстались?..

— Я не хочу, я этого не хочу больше всего на свете, но... Тяжело говорить, но кризис по мне сильно ударил, что я ну... В общем, у меня такие долги, что я не очень сейчас себе могу позволить такую роскошь, как личная жизнь.

Петр Петрович должен был своему водителю за кефир. Это всё.

— Так все плохо? Совсем-совсем денег нет?

— Совсем...

— Как же так... Ну Петенька, ну хочешь, отдашь когда сможешь, ну через месяц, я кое-что накопила...

— Да тут одним месяцем не обойдешься... А я, знаешь, слишком хорошо к тебе отношусь, чтобы эксплуатировать.

— Ты меня не эксплуатируешь. Ну просто если бы ты хоть раз сказал, что у тебя ко мне что-то, кроме постели, я бы вообще никогда вопрос денег не поднимала. Я все-таки не совсем еще сука.

Где-то внутри Петра Петровича сработала сигнализация. Минное поле! Надеть каску! Срочно покинуть помещение! Но жадность, как всегда, победила. Зародившаяся в недрах второго подбородка мысль о возможной халяве начала свербить и требовала уважения.

— Ну вообще-то у меня к тебе не просто секс... Ты что... Ну разве не видно по мне. Я к тебе очень привязался. И вообще, можно сказать, влюблен, так что мне, если честно, очень тяжело будет расставаться. Очень...

Петр Петрович вновь применил технику мгновенной скорби.

Светины глаза заслезились.

— Правда... Я думала, тебе вообще наплевать на меня. Петечка, ну конечно, если все искренне, то давай вместе подумаем, как выйти из ситуации. Может, работу мне найдем, я готова переехать в более дешевую квартиру, да и вообще, хочешь, в Сочи поедem летом.

Петр Петрович терзался, с одной стороны, он понимал, что по итогу какие-то расходы останутся, но сам факт отжатия партнера по цене приводил его к своеобразному оргазму.

— Ты меня сейчас так расторгала... Я уж и не верил, что такие девушки остались. Плохо я о людях думаю — по себе сужу... Ну давай попробуем, я за несколько дней пойму, что там у меня получается, и решим, а в Сочи не сильно дешевле, кстати. Так что, я тут, на Истре, гостиницу присмотрел, поедem туда на недельку, когда я своих отправлю на... дачу под... под Владимиром.

Петр Петрович чуть не прокололся, своих он как всегда собирался отправить на дачу под Биарицем, но в данных обстоятельствах такое признание сломало бы всю стратегию переговоров.

— Я готова и на Истру. Я с тобой почти везде готова.

Петр Петрович ощутил себя настоящим Талейраном.

Вечером он решил закрепить на позициях и написал в «Вотсапе»:

— Светочкин, я правда очень-очень хочу, чтобы мы были вместе. Спасибо тебе за чуткость. Я надеюсь, скоро все образуется и эти сложные времена мы пройдем вместе.

Ответ пришел незамедлительно.

— Котик, если бы я раньше знала, что ты правда хочешь быть со мной, мы давно так и поступили, мне самой было очень неудобно и противно.

— А я стеснялся тебе сказать, думал, посмеешься над старым, лысым дедушкой.

— Ты не старый и очень милый. Жаль, мы с тобой не встретились раньше. А то бы сейчас вместе ездили на дачу во Владимире.

Петр Петрович как раз был доволен, что не встретил Свету раньше и не сел в тюрьму за соращение малолетних.

На следующий день Петр Петрович пожал то, что посеял.

— Петя, у меня есть два вопроса. Кто такая Света, и зачем тебе, сука, дача во Владимире. Зачем тебе вообще дача в России, ты ударился в патриотизм?

Жена Петра Петровича задала вопрос голосом, не оставляющим никаких других интерпретаций, кроме тотального кошмара. Было ясно, что речь идет не об абстрактной Свете.

Петр Петрович набрал в рот Тихий океан.

— Ладно, черт с ней, с дачей, меня волнует эта курица Света. Я обычно закрываю глаза на твои попытки молодиться, но это уже перебор. Может объяснишь мне, почему я сегодня получила эту петицию. Юлия Викторовна прочла со своего телефона.

— «Ваш муж любит меня, а не вас. У нас все серьезно, если вы женщина...», написано, Петенька, через «Ч», «... дайте нам быть счастливыми», написано, как ты понимаешь, через «Щ». «Отпустите его. Зачем вам муж, который любит другую». И правда, Петь, зачем?

Тихий океан испарился, оставив во рту Петра Петровича пустыню Сахару. Тем не менее он попытался соскочить.

— Я вообще не знаю, о ком ты говоришь, это какая-то ошибка!

Юлия Викторовна снизила голос до скрежета.

— Я тоже надеюсь, что это какая-то ошибка. Ты даже себе не

представляешь, как я надеюсь. Потому что, если ты любишь Свету и у тебя есть дача во Владимире, то Света и дача во Владимире — это все, что у тебя останется после нашего развода,— процентов семьдесят богатств Петра Петровича было спрятано через жену.— Но вот в чем дело, у меня принтскрины твоих сообщений, из которых следует, что ты, козел старый, любишь Свету и у тебя есть дача во Владимире. Показать?

— Не надо. Я соврал!

Лязгнул фальцетом рот экономного мужа. Петр Петрович немедленно бы получил первый дан по искусству внезапной скорби, но сейчас все было честно. Ответ был ледяным.

— Разумеется, ты соврал. Я хочу знать, кому именно.

— Ей. У меня нет дачи во Владимире, у меня нет к ней никаких чувств, я хотел сэкономить и получить...— Петр Петрович думал, что не решится произнести эту фразу, но справился: — ... получить секс бесплатно за любовь! Сказал, что разорен, придумал про дачу! Мне очень стыдно, очень!

— Перед кем?

— Перед всеми стыдно.

Он почти выл.

Наступила тишина. Петр Петрович молчал, потому что думать не мог. Юлия Викторовна молчала, потому что думала.

— Пять карат.

Петр Петрович чуть не взорвался. Он не имел ничего общего с бриллиантами, но знал, что это очень много. На эти деньги можно было бы содержать целый гарем в течение долгого времени. Он хотел было начать по привычке торговаться, но понял, что если когда-либо торг и был не уместен, то именно сейчас.

— Хорошо.

Как паста из тюбика выдавились слова:

— В каждое ухо и на палец.

Юлия Викторовна хорошо знала советское кино.

— Петя, я очень, очень, очень не люблю жадных мужчин. Будем выжигать. А то мне за тебя стыдно. Перед Светами.

Она уже почти вышла из комнаты, но вдруг остановилась, просияла и добавила:

— Слушай, Петь, а давай и правда купим здесь дачу, хорошая мысль тебе в голову пришла. Но не под Владимиром, а дорого, на Новой Риге. Точно. Завтра займусь.

Петр Петрович начал стирать из телефонной книги все женские имена.

Окно

Иногда так ошибешься в человеке, что потом еще долго приходишь в себя. Интересное, кстати, выражение, задумался однажды противоположно ли оно по смыслу фразе: «выйти из себя». Так или иначе — поколебал тот случай мою бесконечную уверенность в способности разбираться в людях.

Но по порядку. У этой истории даже имеется пролог, чуть ли не длиннее самого повествования.

Самые счастливые люди встречались мне на вокзале. Они вскакивают в последний вагон «Сапсана» за миллисекунду до отправления. Чаще всего у них одышка, дрожь в коленках, пот фонтаном и выражение абсолютного умиротворения на лице.

Даже самые отъявленные аристократы, если их никто не видит, как зайцы скачут по вокзалу, когда опаздывают на поезд. Смотришь, вроде человек, а на самом деле заяц с чемоданом, чаще — с двумя. В момент прыжков он обещает себе: 1) пойти на спорт; 2) всегда выходить заранее; 3) купить ботинки поудобнее.

Но это все в будущем. А сейчас он бежит изо всех своих скудных сил и когда успевает, то нет его счастливее. Даже если цель поездки — развод, похороны, увольнение или теща. Оргазм вбежавшего в последний вагон.

Итак, я именно в этом состоянии. Отхрипевшись на бортпроводницу, я поплелся в свой вагон. Прихожу. Рядом со мной сидит парнишка лет восьми-девяти. Как только я обозначил свое присутствие, его бабушка обозначила свое, одновременно спросив и приказав:

— Молодой человек, вы не возражаете, если мы с дочерью посидим рядом, поговорим? А вы на мое место садитесь, пожалуйста. Спасибо.

Пассажирка закончила со мной и дала распоряжения внуку.

— Митя, води себя тихо, дяде не мешай, слушай книжку. Нам с мамой поговорить надо.

Я был готов ехать даже стоя, поэтому оккупацию своего места не заметил бы в любом случае, и, разумеется, согласился. Бабушка мне не понравилась. Она мне напомнила фильм «Пятый элемент», в котором чудовище натянуло на демоническую голову благообразное человеческое лицо. Глаза все равно выдавали мерзость, а кожа ходила ходуном. Женщина была объемная, с мощными руками, шеей — ошибкой скульптора и мелкими глазами за мелкими очками. Мне в какой-то момент показалось, что у нее раздвоенный язык и третье веко. Никакая она не бабушка. Бабка.

Не хотел бы я оказаться на месте Мити или Митиной мамы. В последствии я понял, что они со мной согласны.

Митина мама сидела у окна с потухшим лицом и сцепленными руками. Куцая, худенькая, какая-то заброшенная и безжизненная. Мне показалось, в ее глазах была мольба не соглашаться, когда бабка со мной договаривалась. Повторюсь, реально никто со мной не договаривался, просто известили. Вежливо. Как хороший палач.

Итак, мы расселись. Через минут пять я понял, что за важный разговор. Бабка при рождении проглотила рупор и как бы я ни хотел избавить себя от ее болтовни, все равно погрузился в семейные проблемы моих соседей.

Митиного папу хаяли. С беспощадной любовью настоящей тещи. Исходя из слов бабки-змеи, ее зять был убийцей Леннона, Графом Дракулой, Шариковым и футболистом сборной России в одном лице. Ничтожество и монстр, бабник и социопат, ужасный, равнодушный отец и в то же время плохо влияющий на Митю (так как слишком сильно его любит своей паскудной любовью). Мало зарабатывающий, но слишком много работающий. Я бы хотел таким родиться. Абсолютно все недостатки собрались в одном человеке. Жалкие возражения дочери глушили динамитом.

— Что ты о мужиках знаешь?! Я вон сразу поняла, что твой отец скотина, а то бы так и жила с ним.

— Давай о папе или хорошо, или никак. Мам, я прошу тебя.

— Нет уж, пусть и там все слышит!

Думаю, несчастный мужик отправился в мир иной именно по причине бабкиного замечательного характера. Наслушался, так сказать. Но это всегда наш собственный выбор. Всегда.

Митя в какой-то момент снял наушники и тоже прислушался к разговору. Ему было больно. Он пронзительно смотрел на меня, как бы пытаясь сказать: «Это все не так». Но не решался. Кроме этого, паренек был простужен и периодически чихал. После каждого чиха бабка вставляла свое, с позволения сказать, лицо в проем между креслами и с удовлетворением маньяка в анатомичке чавкала: «Вот, правду говорю», — и продолжала свой выпуск программы «Пусть говорят». Митя сдерживался, чихал внутрь себя, но иногда звук вырывался, и вновь жаба светилась радостью, легитимизируя наброс волею высших сил. Митя видел в своем чихании какое-то предательство отца, он после каждого появления бабки взглядом извинялся передо мной, мол: «Не правду говорит, не правду!»

Каждый безголосый крик сокращал жизнь будущего взрослого Мити,

выжигал ему сердце, делал неврастеником, иссушал душу, а вот бабка, уверен, прибавляла еще год к своему очень полезному земному существованию. В какой-то момент мальчик усилием воли справился с рефлексом и затих. Бабка пару раз взглянула в щель крысиными глазками, проверяя, где застряла ее эзотерическая поддержка, но огнем не выключила.

И тут я тоже вдруг захотел чихнуть. Не знаю, что со мной произошло. Может, аллергия, может, за компанию, но я начал набирать в легкие воздух, морщить лицо, характерно моргать, практически выстрелил и... увидел Митино лицо. Он умолял не делать этого, не участвовать в травле его отца, себя сдержать он-то смог, а меня-то как?! В его глазах застыла беспомощность и какая-то безнадежность. Весь мир был против маленького мальчика. Я понял, что если подставлю паренька, то не прощу себя. Никогда я еще не замораживал воздух внутри носоглотки. Мне казалось я сейчас лопну, неразорвавшийся снаряд крутился волчком у меня голове, и я ждал, когда мозги разлетятся по вагону. Глаза вылезли из орбит, но мальчик так их гипнотизировал, что вдруг все прошло. Я расслабился. Мы оба улыбнулись. Мы ее победили. Не будет ей поддержки! Наша взяла!

И тут какая-то сука слева чихнула.

Старуха чуть ли не заорала: «Правду говорю». Я и Митя — оба стали искать подонка, но он затихарился и больше не издавал ни звука. И правильно. Убил бы.

Через некоторое время мокрая от слез дочка/мама пошла в туалет. Она с тоской посмотрела на Митю, но не стала брать его с собой. Мальчуган заплакал. Завыл, точнее. Тихо так заскулил, чтобы бабушка не услышала, наверное. Мне показалось, что слезы прожгут его сиденье.

Я сидел с комком в горле. В голове стучало: «Что же ты делаешь, сволочь, что же ты делаешь...» Вспомнилось, что один раз уже повторял эти слова.

Не помню, какой год. Я радостно живу на Караванной под самой крышей. Эх, было хорошо. Караванная. Крыша...

Еда квартиру не любила, и поэтому я периодически спускался в окружающие шалманы с целью добычи мамонта. В соседнем доме располагался паб, и там я регулярно убеждал себя в полезности для моего здоровья пива с сосисками.

Кабачок невеликий, завсегдатаи узнавали друг друга в лицо и вскоре я познакомился с Бинго. Бинго получил свое прозвище за то, что постоянно говорил: «Бинго». Даже когда ему приносили 0,5. Если честно, я забыл, как его звали в реальности. Да это и не важно. Он был выше меня, уже в плечах

и шире в мыслях. Бинго рассуждал столетиями. Как-то мы пили в рюмочной на Пушкинской:

— Вот меня интересует, Пушкину сейчас важно, что он наше всё, или нет? Нет, ну правда, вот он там сидит бухает с Дантесом.

— Почему с Дантесом?

— Ну а с кем еще ему бухать? Не с женой же. Дантес о нем всю жизнь думал, самые близкие люди, если не брать в расчет дуэль, но кто старое помянет?..

— Разумно.

— Так вот, бухает он с Дантесом, и тут им новости от нас утренние, мол, Пушкин супермен, а Дантес скотина. Мне вот любопытно, это имеет для них какое-то значение, или нет?

— Прости, а почему ты так паришься из-за этого?

— А ты не догоняешь?

— Нет.

— Это же сильно упрощает мою жизнь. Если Пушкину там все равно, то мне уж подавно можно не напрягаться в попытках оставить след.

Бинго залпом убрал очередную сотку. Я воздержался. Мне стало вдруг неуютно от этой темы.

— А ты хочешь оставить след?

— Я начал об этом задумываться.

— Давно?

— С утра.

— Тяжелое утро было?

— Утро легкое, только если ты зря живешь. У нормального человека утро должно быть тяжелым. Да нет, утро было обычное. Деда тут встретил. Хочу комнату свою сдать, вот он меня и грузанул.

Я удивился. Бинго жил в отличной двухкомнатной квартире в соседнем со мной дворе. Она ему досталась от бабушки, и для двадцатипятилетнего историка, рухнувшего в менеджеры какой-то бессмысленной конторы, такая жилплощадь должна быть пределом мечтаний.

— В смысле, свою квартиру сдать?

— Нет, есть маза именно сдать комнату.

— Чтобы с тобой кто-то жил? На хрена?

— Да ты понимаешь, тут какое дело, иду я домой, а во дворе дед гуляет. Приличный такой, в пиджаке, очках и с палочкой. Видит меня и спрашивает: «Молодой человек, вы не в курсе, здесь никто квартиру не сдает во дворе?» Я сначала мимо ушей пропустил, а потом решил, дай разузнаю что к чему. Подумал, может сдам свою хату, но выяснилось, что

деду квартира нужна на несколько часов днем. Ну женат он, я так понял, завел зазнобу. Судя по всему, отель дорого, а квартирка моя в самый раз.

— Так и сказал?

— Ну я спросил: «Из-за бабы?» Он говорит: «Да». Вроде как она тут рядом бывает, и так всем удобнее. Просил не болтать.

— Ты не болтаешь, как я погляжу.

— Ой, да хорош тут мне дворянина включать, кроме тебя, никто не знает. Вот всем интересно, с кем там у деда роман. Короче, подумал я, а чего мне комнату-то не сдать днем, и деньги не лишние, и деда осчастливлю. С работы успею свалить еще. Мы с ним так умеренно выпили, все обсудили, как говорит наш начальник, «вин-вин ситуэйшн».

— А почему в итоге ты про след-то заговорил?

Бинго нахмурился, как будто я ему напомнил о зубном.

— Да мы с дедом разболтались у меня на кухне, когда квартиру показывал. Он какой-то ученый советский. Все разумеется накрылось, но где-то есть завод, на котором что-то работает, что он придумал. И я так понял, хреновина эта переживет и деда, и нас с тобой, потому что, разумеется, с тех пор ничего не поменялось на заводе. Так он гордится, что, помимо детей, оставил след. А я что оставляю? Ну хорошо, если детей, а в остальном, судя по нынешней ситуации, след будет, как от укуса комара: краткосрочный, но раздражающий. И тут мне показалось: выход есть. Если на том свете мне след не нужен будет, то на этом я как-нибудь с собой договорюсь. А вот если выяснится, что мне и там этот дед с вопросами своими неприятными являться будет, то как задним числом след нарулить? Поэтому я и напрягаюсь с утра. Завтра, думаю, работу по этой причине пропустить.

Я сразу решил, что не надо мне с таким дедом встречаться. Очень вредный для спокойной жизни человек. Тем не менее однажды пересеклись. Эти минуты я запомнил на всю жизнь.

Как вы понимаете, Бинго сдал распутному дедушке одну из своих комнат. Борис Сергеевич устраивал любовь раза два-три в неделю, чаще всего в одно и то же время. Предупреждал заранее о визите и оставлял после себя идеальный порядок. Нам даже как-то становилось стыдно за собственную расхлябанность и бардачность. Присутствие деда мы опознавали по вымытым чашкам, иногда бокалу, какой-то новой еде в холодильнике и открытым занавескам на кухне. Более всего нам хотелось выяснить, кто-же его избранница. Ну как так?! Палочка, очки и три раза в неделю. До подглядывания опуститься мы не посмели, но судьба решила все сама.

Борис Сергеевич был до предела педантичен и если предупреждал, что покинет обитель в шесть, то в шесть ноль одну можно было заходить в пустую квартиру. Мы с Бинго на теме следов в истории очень подружились и все чаще заменяли паб либо его, либо моей кухней. И вот как-то, условно в шесть тридцать, идем мы к нему в квартиру, зная, что дедушка полчаса как должен уехать. С нами в парадную заходит миловидная женщина лет тридцати, обычная такая, не описать иначе, кроме как прохожая. Поднимаемся по лестнице и выясняется, что мы в одну квартиру. Сцена немее не придумаешь.

Мы тут же начали нагло изучать объект любви нашего жильца. Нет, ну прям хороша. И главное — никаких стеснений. Лицо даже не изменилось, когда мы встали у одной двери. Мы уже хотели как-то свалить, ну мало ли ошибся со временем Ромео, но не успели. Дверь открылась. Борис Сергеевич был в расстегнутой рубашке, бледен и измучен.

— Верочка, спасибо что приехала. Мальчики, простите, что задержался. Сейчас мне укол сделают, и я уйду. Извините, нехорошо стало. Да вы проходите в кухню.

Борис Сергеевич был один. Только стакан воды на столе.

— Борис Сергеевич, убьет это вас когда-нибудь. Ну я же вам уже сто раз говорила, так нельзя. Старый вы для таких волнений.

Мы тоже подумали, что как-то не очень изобретатель выглядит. Пора заканчивать с любовью. И тут же решили сами отжигать, пока вот такая с иглой не придет с того света вытаскивать.

Вера достала какие-то таблетки, штуку для измерения давления, шприц и увела деда в спальню. Вскоре они вернулись.

— Борис Сергеевич, всё. Хватит. Запрещаю как врач и как друг. Умрете прямо здесь, сгорите, а вы ей еще нужны, как-нибудь все образуется.

Борис Сергеевич опустил голову.

— Ну дай я последний раз, и пойду...

Он подошел к окну, стоял без движения минут пять, смотрел куда-то во двор, хотя я не очень понимал, что там такого интересного.

Я тихо спросил Веру:

— Куда он смотрит?

— Можно я расскажу, Борис Сергеевич?

Дед посмотрел на нас печально-счастливыми глазами и разрешил:

— Да теперь уж можно, все равно уезжаю.

— Внучка там его гуляет. У вас детский сад во дворике. Вот он и приезжает на нее смотреть. Родители так развелись, что их с бабушкой к внучке не пускают, только с судебными приставами, и каждый раз мамаша

придумывает, как все сорвать. Вот он и ездит сюда все время. Сидит часами, и смотрит, и смотрит...

Я никогда не слышал до этого, как стучит мое собственное сердце. Стучит в каждом капилляре. И стыд... Такой тупой сверлящий стыд. Я не выдержал:

— Борис Сергеевич... Зачем же... Это же... Это же так больно...

Борис Сергеевич взглянул в окно еще раз, надел пиджак, посмотрел на нас тепло и изменил мой мир:

— Как вас зовут?

— Саша.

— Больно, Саша, в пустое окно смотреть, а в это просто тяжело. До свидания, ребята. Верочка, давайте до метро вместе дойдем.

Борис Сергеевич вышел из квартиры и больше не возвращался.

Бинго долго молчал, а потом сказал то, что жило в моей голове: «Что же вы делаете, сволочи, что же вы делаете...» Каждый раз, проходя этот двор, я смотрю на окно. Мне кажется, оно выгорело, как волосы у маленьких детей, бегающих летом под солнцем. Они не знают, откуда тепло. Да им и не важно. Тепло, и хорошо.

Ну а солнце... Солнце рано или поздно сгорит, пытаясь нас согреть.

Черная зависть (О любви. Порнографично в меру)

Пролог

Недавно я был в бане. Общей. Помимо завсегдатаев, в этот раз прибыла группа иностранцев с целью экскурсии «до национального колориту». Они вошли в парную, как в музей, улеглись на самый верх и стали ждать, как мне кажется, мыльного массажа и happy-ending. Банные «дембеля» посмотрели на «салаг» с сочувствием и ехидством. Последним зашел маэстро с опахалом.

— Ну что, мужчины, погреемся?

— Николай Петрович, у нас тут санкционный товар неожиданно в парной обнаружился. Что делать будем?

Все засмеялись, громче всех смеялся хор санкционного товара, так как русского языка не понимал. Меньше всех — «экскурсовод».

— Ну как что, сожжем к ебням.

В бане я редкий гость, стою тихонечко внизу и до реального жара не доживаю, но тут решил продержаться.

Пар пошел, Николай Петрович начал отжигать в прямом смысле этого слова. Опахало разгоняло горячий воздух и даже внизу становилось практически невыносимо. Через минут пять-семь начали раздаваться полуистеричные реплики.

— Петрович, жги! Баня для русских! Янки гоу хоум.

— Холодно что-то, поддай!

Первый иностранец не вытерпел и с какими-то проклятиями на испанском вылетел из парной. Трое оставшихся держались. Наши тоже постепенно сдавались.

— Сдохнешь тут с этими санкциями,— с этими словами из «медного быка» вылез пухлый мужчина с затылком профессора. Вскоре наверху остался один иностранец и горстка бывалых. Наши отчаянно вопили:

— Дождем пармезан!

Я практически лег на пол, но терпел. Из любопытства. Рядом со мной вжался в доски «экскурсовод».

— Помрет же сейчас...

Он не выдержал и взмолился:

— Я вас очень прошу, предлагаю ничью, убьем парня — меня ж посадят.

— Ну что — ничья?!

Крепкий, сука, ну ладно, дадим гражданство, если что. Ничья!

Испанец стек в душевую, но лицо его светилось счастьем. «Дембеля» жали ему руку и стыдили остальных. Никто ничего не понимал, но было весело и интернационально.

Я гордился теми и другими, думал о простоте международных отношений и вспомнил неоправданно забытую уморительную историю из девяностых о «негре» в бане. Заранее прошу прощения, в данном произведении «негр» используется как исторический эвфемизм и цитата. Обиженные могут назвать меня «снежком». А так, разумеется, мы говорим об афроамериканцах, но в 94 году мы этих слов не знали, и их точно не знали основные герои рассказа.

Переходим к основной части этой предельно романтической истории.

Девяностые. Еще недавно американцев мы видели только по телевизору, затем они стали присылать нам гуманитарную помощь и наконец приехали сами. Авантюристы, туристы, экономисты, представители бесконечных фондов и, разумеется, студенты по обмену. Уже сейчас я понимаю, что даже студенты были авантюристами, иначе как объяснить столь необдуманный поступок молодого человека из благополучной страны. В Америке, как мы знаем, есть не только белокожие, но и их антиподы, которые тоже решили попробовать Россию на вкус.

С одним меня свела студенческая судьба. Звали его по нынешним временам эпически — Карл.

Карл, его звали Карл. Карл! Карл!

Тогда его имя вызывало другие ассоциации. Он никак не мог понять, почему его все спрашивают про кораллы, а один из нашей тусы даже попытался перевести скороговорку на английский. Венцом каждой вечеринки с участием Карла было чтение им знакомого всем с детства речитатива.

Мы пили спирт Рояль с вареньем и ухохатывались над дутыми губами, пытающимися произнести заветную Клару и Со.

Я хорошо запомнил Карла. Некоторое время мы переписывались, и каждый раз, заходя в бургерную Carl's Junior, я думал, что надо бы узнать, как там мой загорелый друг.

Карл был американец, по-моему, из Сиэтла, приехал по обмену чуть ли не в Кулек (Институт Культуры), сейчас не вспомню уже. Был тщедушен и стеснителен. В какой-то несуразной одежде, с грустными глазами и

веселыми скулами. Черный как ночное море, то есть с чуть заметным отблеском.

Виделись мы нечасто, он был из другого ВУЗа, и пересекались только на квартирных тусовках. Тем не менее я как большой международник показал парню музей и однажды позвал в баню.

Меня самого туда пригласили, скажем так, спортивного вида товарищи. Они предупредили, что баня общая и будут также дружественные представители организованной преступности, которые тоже любят народные традиции.

Прибыли вдвоем в самый разгар мытья. Встретили нас сначала тишиной, а потом дружной сатирой уровня школьных анекдотов:

— Саня с рубероидом пришел, а крыша у нас вроде не течет, да, Серега? — рука Сереги была размером с пол Карла.

— Свет не выключайте, проебем негра. Как его найдешь в темноте.

— Не мог негритянку братве подогнать?!

— Сейчас мы его отмоем наконец!

— Он по-русски понимает,— предотвращая разгул фантазии, порадовал я общественность.

— И мы понимаем, так что пусть не ссыт. Hello Africa! Sit down. Пусть пожрет хоть нормально, доходяга. Голодаем, недоедаем? Слышали!

— Я из Америка, спасибо.

— Охренеть! И правда говорит!

— У него папа врач, между прочим.

— Да ладно, мы шутим, дружба народов, все дела, пойдем париться.

В парной дословно повторилась сцена из московской бани, разве что вместо опала раскручивали простыню, да шутки про Карла были пожестче, но не обидные. Американец держался молодцом и вскоре все вывалили в душевую. Карл снял простыню в ожидании своей очереди и создал вокруг себя вакуум. Голого Карла мы до этого не видели. Увидели.

Тишина была пронзительной. Грубо говоря, если сложить все, что у нас было, получилось бы то, что имел Карл. Вы помните руку Сереги? Ну вот немногим меньше. Общественность взирала на достоинство с достоинством.

— Нда... — разрезал воздух самый возрастной товарищ. В этом «нда» можно было услышать столько оттенков, что хватило бы на отдельный рассказ. — Хорошо, что я это только в старости увидел.

— Саня... А ты на хуя его привел? — с тоской, переходящей в «предъяву», спросил Серега.

Карл, вероятно, не первый раз был в такой ситуации и даже вроде бы

покраснел, по крайней мере, белками глаз. Красные глаза. Тщедушный Карл. ОН. Суровые мужчины. Тишина, непробиваемая даже журчанием воды в душевых.

Неожиданно ситуацию разрядил еще пока счастливый человек, выливший на себя ведро ледяной воды и вбежавший в душевую с гиканьем:

— Э-э-э-эх, водичка, аж мозги съежились, х... бы свой найти!

Этого вакуум не выдержал. Смех разорвал в клочья баню и ближайшие здания. Ничего не понимал лишь Карл и тот, кто, как ослик Иа, потерял свой хуй. Но и он скоро догнал. Затем начал смеяться Карл. Смех — это все-таки высший Божий дар. Он нас мирит со всем и со всеми. Последний рубеж.

Но вернемся в реальность.

Вечером я понял, что мужчины не меньшие сплетники, чем женщины. Знакомых мне парней в бане было пятеро. Девушек троих из них я знал. Все трое позвонили мне с однотипным текстом.

— Саш, я все знаю про Карла (звучало, как будто Карл гей-инопланетянин), моя подруга ОЧЕНЬ хочет пригласить его на свидание. Я тебе больше скажу, мы все хотим, чтобы она его пригласила на свидание (я уже полгода безрезультатно обхаживал эту подругу, мне было очень обидно).

Итого, через час три красивые девушки были готовы прибыть безотлагательно.

Серега позвонил сам:

— Слушай, там этот твой друг со шлангом может к нам приехать, мы девчонок вызовем, любых, в смысле любого цвета, но привези его, не отрежем, пусть не очкует! Вези, блять!

От пятого сигнала не было. Оно и понятно.

Я приехал в общагу к Карлу и обрисовал перспективы грядущего разгула. Очень хотелось погреться в лучах славы. Работа на контрасте меня не смущала.

Грустные глаза моего друга терзались. Видна была внутренняя борьба. Он встал, веселые скулы осунулись, дутые губы терлись друг о друга. Я не мог понять, в чем дело.

Не буду утруждать английским. Оказалось вот что — у Карла была девушка. Он ее любил. Будучи совершенно нормальным мужиком, Карл изводился от соблазна, но...

— Сука твой Карл, эгоист и придурок. Два раза нас с дерьмом смешал. Физически и теперь морально. И ты тоже мудака, на хера было всем трещать, что он мол верный. Сказал бы, не стоит! У всех отлегло бы, а ему

по хуй. А теперь у нас только о Карле и разговоров, Ирка о нем всем рассказывает, и на меня при этом смотрит, как на дерьмо какое-то. Не приходи с ним больше, убью на хрен.

— Хорошо, Серега. Прости, затупил...

— Эгоист и придурок. Так и передай.

В эгоизме Карла обвинили все. В эгоизме! Карл!

P. S. Он мне прислал ее фотку. Маленькая счастливая китаянка. Серега кричал: «Как?!» и пытался изобразить соитие.

Через год китаянка его бросила. Серегу эта новость сделала счастливейшим из людей.

— А знаешь почему? Потому что эгоист и придурок, делиться надо с людьми. Его Бог наказал.

Серегина система ценностей пришла в норму. Он успокоился.

Управленческое. Эффективное

Вот всегда хорошо утром созвониться с приятелем.

Есть у него жена. Дома ее все боятся. От мужа и жалюзи до детей и комаров. Казни происходят бессистемно и непредсказуемо. Особенно регулярно рубят головы домработницы и водителя. Фрекенбок-джан вообще заходит в дом, только если хозяйка его покинула, а шофер плотно сидит на седативных препаратах. За лишние вопросы отрезают мизинцы, за недостаточно быструю реакцию на невысказанное пожелание королевны мизинцы пришивают обратно задом наперед.

По этой причине лишний раз никто ничего не спрашивает и процветает трусливая хозяйственная самодеятельность. Видит, к примеру, домработница, что дверь перекосило на 0,1 мм, она срочно вызывает МЧС, и все вместе они решают проблему. Лишь бы раньше, чем Сауронша заметит. Только чеки успевают оплачивать. Доверие полное. Расходов особо никто не считает. И вот подходит на днях к моему приятелю делегация из домработницы и ее жуткого страха.

— Мне кажется, новый обогреватель сломался окончательно. Два раза его в ремонт сдавала, и ничего...

— А что с ним случилось?

— Не греет. Из него вообще никакой воздух не идет, ни холодный ни горячий. Наверное, брак в вентиляторе какой-то. Эти все навороченные новые обогреватели, конечно, не надо покупать. Только деньги тратить потом на ремонт.

— Ну давайте я посмотрю. А он где?

— Да я его пока в гардеробную поставила. Сергей (водитель) вчера занес вечером, говорит, все работает. А я включаю, и ничего...

— Ну пойдемте включим, может, там розетка сломалась.

В просторной гардеробной, как новогодняя елка светился измученный бесконечным ремонтом, но бесшумный от рождения ионизатор воздуха.

P. S. Более всех порадовали водитель и дом быта. Им сказали чинить прибор. Они чинят. Уверен, еще пара итераций и ионизатор начал бы кипятить воду и сушить белье. А куда бы он делся? Жить все хотят.

И так в каждом втором бизнесе.

О демократии

Помню, в двухтысячных был у нас тренинг для персонала. Мутный маэстро в намеке на деловой костюм учил жить посредством нехитрого колдовства. Одним из цирковых номеров была игра в демократию. Если мне не изменяет память, по правилам, мы оказались на необитаемом острове и нужно было решить, остаться или свалить на плоту ... из песен и слоооов, всем моим бедам назлооо... ой, извините, замечтался.

Так вот, шестнадцать человек должны были принять демократичное решение, но по авторской модели голосования, преимущества которой доказывал тренер. Сначала нас разделили на четыре четверки и в них начались ожесточенные прения. Потом каждая четверка приходила к единому мнению, выбирала лидера и создавалась четверка лидеров. Они, имея мандат от избирателей на право представлять их интересы, уже принимали после дискуссии окончательное решение. Я не хотел валить с острова, а предлагал обосноваться и ждать инопланетян. Из вредности.

Свою четверку я кое-как убедил. А потом уговорил и лидеров. Ну что значит убедил — дожал беспощадным давлением и истерикой. В итоге маэстро получил вердикт от группы: остаемся на острове. Он расплылся и сказал:

— Вот видите, что значит общее решение.

Потом попросил поднять руки тех, кто изначально хотел оставаться на острове. Ни одной. В недоумении он спросил, а кто после убеждений захотел зависнуть на Мальдиве? Ноль рук. Технология трещала по всем швам. Автор тоже.

— А почему вы все тогда послушали Сашу и подписались!?

В тишине отчетливо прозвучало анонимное:

— Заебал, мы сдались. Извините.

Все закивали.

Волшебник страны 03. Веселая драма

У меня есть «почти сестра» (далее ПС). Ей не повезло. Она умная, красивая и молодая. И ни один из недостатков до сих пор не прошел. Она делает все возможное, но даже пьянство не помогает. Как понятно, терпеть такую никто не хочет. Нет, ну кому это надо, чувствовать себя полом в балетном классе. Все замечательно, лежишь себе в окружении красоты и большого искусства, но при этом по тебе постоянно ходят и не дай Бог трещина какая или неровность. Тут же достают рубанок и давай обтачивать. Если ты бетонный или каучуковый — тебе все равно, но мужчины чаще всего, как мы знаем, деревянные и не выдерживают. Хотя того стоит. Так сложилось, что очередной яшень не осилил задачу и отциклевался в ноль. Свалил то есть.

ПС погрустила, поисколола куколку, повыкидывала фотографии, да и стала ходить на свидания. На указанные выше недостатки тут же слетелись малоопытные деревяшки и принялись изображать корпоративную социальную ответственность. Главная ошибка недалеких принцев, узнавших, что у девушки личная драма и разбитое сердце, — это попытка показать себя с лучшей стороны и быть тетей Таней из «Спокойной ночи, малыши». Они начинают сочувствовать и усиленно лечить душу: цветы дарят, заботу проявляют, доброго утра каждый день в СМС желают, в постель не тащат. Короче, ведут себя омерзительно, а главное бессмысленно. Даже если их и используют в качестве нурофена, то светит им лишь побыть bridge-boy. И вот один такой мягкотелый бурундук (хороший парень, кстати, душевный и открытый, либо играющий в такого, что тоже через раз) на N-ом свидании вдруг завел разговор о состоянии здоровья. Мол, все ли у «почти сестры» хорошо. Лицо при этом состроил, как будто ПС пришла в ресторан без головы.

— Ты себя хорошо чувствуешь? Развод — это такой стресс, иммунитет может упасть. Если надо, у меня прекрасные врачи есть.

Нормальный такой комплимент для девушки, согласившейся на встречи в надежде прогнать тоску и нагнать самооценку. ПС сделала вид, что спросили не ее и перевела беседу в привычное русло таких свиданий: «Свет мой, зеркальце, скажи».

Ухажер функцию зеркальца выполнил, ПС была объявлена всех румяней и белее, но минут через двадцать тема медицины вновь всплыла. Румянец вызвал подозрения в краснухе, белизна — в нервном истощении.

С заботой, достойной лучшего применения, ПС предложили ничего не бояться и сознаться, а лучше завтра же поехать на чекап в любую страну. Дескать, уже все организовано. ПС однажды предлагали отвезти на Лазурку, многократно в Дубай и бесчисленное количество раз в Московскую область. Но пытаться соблазнить многопрофильной клиникой как-то не рисковали.

— Нет, ну правда, я ведь чувствую, с тобой что-то не то. Я все устрою. Иногда надо себя побережь, доверится близкому человеку. Здоровье — это серьезно.

ПС ушла в туалет, посмотрела в нормальное отражение, позвонила подруге, маме, друзьям по работе и устроила допрос с пристрастием. Все сообщили, что она никогда не была так хороша, и товарищ просто маньяк, который хочет секса в операционной или мертвецкой.

ПС так парня и спросила. Я же говорил — умная и красивая, чего ей терять. Гражданин вспыхнул, вскочил до потолка, закудахтал, что его оскорбили в лучших чувствах и что он не такой, а весь прямой. Обиженный врач вошел в роль и чуть не выпалил, что бабам от него только одно и нужно. Но одумался. ПС извинилась и попросила объясниться.

— Просто пойми, ты третий раз за вечер меня к врачу пытаешься отправить. Я не понимаю почему.

— У нас не первое свидание, и я который раз вижу, как тебе звонит врач или ты ему. Прости, у тебя экран большой. И так как он не записан у тебя по имени, значит это не друг, а именно врач. Вот я и волнуюсь, хотел заботу проявить, а ты... Ну как ты могла?

— Какой врач?!

Мало того, что ПС всегда бесили попытки влезть в ее жизнь, так еще и с врачом она никаким не разговаривала.

— Ну у тебя кто-то записан «03». Скорая же или кто-то для скорой медицинской помощи. Я же могу еще пока построить простейшую логическую цепочку.

ПС поняла бесперспективность ужинов с таким логичным прынцем и, не слишком долго думая, посадила хорошего и искреннего воздыхателя на кол. Чокнулась с ним, попросила, чтобы до дна (ну опасалась в лицо содержимое получить), и сказала как есть.

— «03» у меня записан человек, с которым я трахаюсь, когда не с кем, а очень надо. Чтобы не трахаться с тем, с кем не надо. Ты в телефон чужой меньше смотри.

Заботливый ожидаемо превратился в Агента Смита, наговорил гадостей, разделил счет и лопнул.

Я спросил «почти сестру»:

— А почему ты не начнешь встречаться с «03»?

— Он меня каждый раз воскрешает. Но если я начну с ним жить, кто меня потом воскресит?

Маркуша и папочка

— Цыпкин, всё. Пиздатушки Маркуше. Запалила его промискуитет. Готовь печень, на следующей неделе будем кабрик обмывать.

Девушки с филфака удивительным образом миксуют изощренный мат и речь интеллектуала, создавая свой собственный язык, в равной степени неповторимый и узнаваемый.

И вот, что отличает использующих мат, как украшение, от тех, кто просто не знает других слов. Мнение спорное, но мое, поэтому бесспорное. Образованные граждане редко используют матерные слова по прямому смысловому значению, зато регулярно изобретают что-то новое. Помню мой юношеский восторг от недавно услышанного, как оказалось, классического «солнечный пиздадуй».

Карина была в этом смысле ювелиром. Цитаты французских эссеистов она чередовала с многообразием нецензурной лексики и сбивала с ног практически любого мужчину, особенно вылезшего из грязи в князи на сверхзвуковой скорости девяностых. Таким был ее Марк, которого кроме как Маркуша мы не называли. Никто не понял, как из любовника он стал мужем, особенно родители Карины, но браки известно где совершаются.

Маркуша был старше нас лет на десять, вхож в мир сомнительных товарищей и сколотил на этом входе неплохой капитал. Веселый и добродушный, если речь шла не о возврате денег, обалдуй, любивший Карину всем сердцем. Но вот другими частями тела он иногда любил других девушек. Первые несколько лет кое-как держался, а потом... Фактуры у Карины не было, только чуйка. Обычно этого женщине достаточно, но она особо не волновалась. Надо сказать, сама Карина тоже ангелом не была и, вероятно, имела какой-то свой кодекс измен.

— Если просто хуепутает моделей, то поймаю — влипнет на машину новую. Если узнаю про роман, любовь и так далее — сразу вышвырну.

У Карины имелся серьезный папа, спавший и видевший процесс вышвыривания Маркуши.

Тем не менее на каком-то этапе — то ли из профилактики, то ли из любопытства, а скорее гены разыграли — захотелось Карине узнать про мужа чуть больше, чем он сам рассказывал. Я работал в сотовой компании — и из меня почти все вынимали душу насчет того, как бы что вынуть из телефона любимого.

— Никак. Да и потом, вот узнаешь ты, и что?

— В папочку собираю. Пригодится.

Гены есть гены. Папочка у Карины любил папочки.

И вот такой звонок. Я знал, что Маркуша рано или поздно влипнет, но решил попробовать спасти ситуацию убеждением.

— Как запарил-то?

— Телефон оставил, ну я поползала, понаходила, ебака наш кнопку delete игнорирует.

— Не запарен, что ли, телефон?

— Ну щаз. Но Маркуша же у нас не Лобачевский. Пароль для сейфа в отеле изобретать не стал. Оказалось у него пин-код карточки такой же и на айфоне, разумеется, он же.

— Что нашла?

— Стандартный ювенальный ебаторий, но ничего серьезного. Старее Маркуша. Но на папочку хватило. Я все распечатала, завтра устрою сцену, кину ему на стол и уеду к папе за город. Приваливай на шашлык и шоу. Будешь свидетелем возвращения блудного мужа с последующим распятием. Ты друг семьи, подтвердишь мои рыдания.

На следующий день Карина позвонила сообщить об отмене шоу.

— Отскочил Маркуша! Накрылся кабрик вагинально. Захожу к нему в кабинет с папочкой и намерениями. Вижу, Маркуша что-то в стол прячет и сам похож на обосравшегося дикобраза.

— Это как?

— Ну весь грозный, иголки во все стороны, а в глазах ужас. Я прям запарилась, что это он в стол прячет, дай думаю, проверю потом. Сделала вид, что просто так зашла. Утром вошла в его стол. Пусто, как в Маркушиной голове. Но я еще чуть поискала и нашла.

— Что нашла?! У него с кем-то роман?!

— Папочку я нашла.

— Какую?

— На себя папочку.

— А там?..

— Там? Там, блять, по ленинским местам! Не Бог весть что, но передумала я кабрик выжимать. Вот ведь Маркуша, хуй как груша. За это и люблю.

Так и живут с папочками спящими. Мирно. В любви и взаимопонимании.

А папочки — они такие. Успокаивают.

Бульварное

Сегодня утром, практически на ровном месте, жизнь нанесла мне удар. Могла бы предупредить, между прочим. Не чужая, вроде.

Итак, год назад я купил пальто. Я бы даже сказал с придыханием и умеренным вожделением — ПАЛЬТО. Вкуса у меня нет, цвета сочетать не способен, продавцам не доверяю. Поэтому радостно хожу в черно-сером. Но в миланском аутлете впал в забытие по причине 80 % скидки и купил себе отчаянно (для такого аскета, как я) зеленое пальто «Etro». Дома развернул, испугался собственной смелости. Одних оттенков малахитового в подкладке этого бушлата было пять. Не бойтесь, все чинно-благородно, без всякой там толерантности и яркости. Тем не менее очень страшно. Сразу же захотел его сдать, но именно поэтому аутлет и расположен в двух неделях пешего пути от цивилизации, чтобы такие малахольные, как я, не возвращались.

Переехало пальто со мной в Россию. Остальные вещи отреагировали на появление нового жильца приблизительно так же, как яйца в холодильнике принимают киви (оборот бессовестно украден у народного). С отвращением и завистью.

Я хоть и безвкусен, но понимаю, что к зеленому надо что-то еще такого же цвета или как-то подходящего. На момент покупки, бутылочным у меня было только лицо, но потом и оно загорело. Задумался. Пришла в голову мысль купить изумрудный перстень, но задушило такого же цвета земноводное. Болотные сапоги аналогичного оттенка плохо смотрятся в Москва-сити. Огуречные перчатки хочется бросить в лицо самому себе. Грущу. Ношу серенькое привычное, по вечерам отгоняю моль от сокровища.

И вдруг, не поверите, в каком-то практически секонд-хенде попадаетесь мне на глаза шарф. Ну идеально подходит!

Купил, принес, поженил. На следующий день назначил встречи всем, кому возможно, и с шести утра ринулся покорять Москву. Лайки ставили прямо на шинель.

На следующий день шарф проебал. Не потерял. Я никогда ничего не теряю. Я именно проебываю. То есть я в принципе не могу вспомнить, в какой момент видел вещь в последний раз.

Рыдаю. Слезы не крокодиловы, как было бы уместно с точки зрения оттенка, а настоящие, с неподдельной ненавистью к себе. Ну что ж я за

мудак-то такой, а!..

Снова хожу в асфальтовом. Подходящих палантинов больше не видел. Встречи не назначаю, работаю по телефону. А зачем... Что мне людям показать? В течение всей зимы пальто смотрит на меня с укоризной. Тоска и бессмысленность. Даже дни стали пепельными. Весна и моль с каждым днем подбираются все ближе. Подумываю о салатном лаке для ногтей. К стилистическим ограничениям добавились климатические. Холодно так, что с голой шеей не побегаешь, а остальные шарфы, как вы догадались, серые. Выхода нет в любом случае.

Наконец сегодня, собираясь на день рождения к Виктору Шкипину, взбунтовался. Черт с ними, с правилами! Надену пальто. Ну хоть на один день вырвусь из рамок и стандартов. Потеплело ведь, пойду расхристанный и разнузданный, зеленый и счастливый.

Пальто не надевается. Что-то мешает.

«Нда... Вот что значит зависелось без мужика. И все-таки почему же мне руку-то не вставить. Да что-же там такое?!»

Твою ж то! ШАРФ. Он три месяца, сволочь, именно в рукаве и жил. Взял я ножницы и захотел прикончить обоих, но сдержался. Просто избил.

Шатаюсь теперь по родному уже Гоголевскому туда-сюда. Обращают.

Носишь серое, а «Шарф» все время рядом. Всегда. Просто нужно в рукаве посмотреть. Он, сука, точно там.

Жертвенное. Мужское

Встречи с друзьями — теперь не только повод выпить, но и возможность услышать романтические, высокодуховные истории из жизни сограждан. Обсуждали на днях мой пост про долги детям и родителям, и вот...

Итак, одни сограждане развелись. Они собирались жить долго, умереть в один день, обзавелись двумя детьми, собаками, квартирами, машинами, отпусками, обоями и заборами, но потом муж не вынес мусор.

Супруги разобрали проступок на семейном совете, приняли решение, что это тупик, и расстались.

Все прошло без бойни. Дети с мамой. Общайся — не хочу. Но, как это часто бывает в жизни, наследники начали немного на папу подзабывать. Учатся в младше-средних классах, уроки, секции, не до отца. Если только он не возит на машине или не покупает велосипед.

И вот случилась ситуация. То ли день рождения они папин пропустили, то ли еще какой игнор был включен. Но товарищ загрустил. Пьет в компании друзей и делится переживаниями. Всё достойно, никого не винит, просто грустит.

Выступление сольное. Тема: «А я для них столько...» С каждой рюмкой вес сделанного возрастает, тоска накатывает, неблагодарность — налицо. Повторюсь, мужик с понятиями, никаких обид, просто наблюдение за событиями. Приятели сочувствовали, но в пределах разумного — дети, что с них взять! Вырастут — стакан воды-то подадут. Мол, мы все для них на жертвы идем. И тут последовал ответ, поставивший оратора на другую ступень в рейтинге поступков отца:

— Да я, ребята, понимаю, я же не про деньги или вещи, я же всю душу вкладываю... Сколько раз себя ломал... Да я ради них!

Он замолчал, выдохнул, маханул стопку, закусил болгарским перцем и отрезал:

— Я ради них... завгороно^[1] выебал!

Р. S. Мнение автора может не совпадать с оценкой жертвенности, определенной героем. Цитата с нецензурным глаголом сохранена.

Геннадий Валентинович. Притча о загадочной женской любви

Геннадий Валентинович жил не зря. Редко кто может похвастаться, что по-настоящему нужен людям, будучи всего лишь московским силовиком не Бог весть какого, но все-таки полета, а не ползка. Очень часто человек его должности у россиян вызывает либо ненависть, либо равнодушие, либо страх. Иногда эти три отношения меняются местами.

Геннадия Валентиновича многие искренне любили, причем и мужчины и женщины. Он умел помочь, когда нужно, и при этом оставался в тени. Никогда не требовал особого внимания, хорошо знал о своей роли в жизни каждого, кого он облагодетельствовал, но не напоминал о ней. Да, он иногда мог позвонить в ночи или написать своим подопечным, но это происходило в исключительных случаях, и все ему это прощали. Даже жены крышуемых им предпринимателей достаточно средней, по меркам российского «Форбс», руки. Была, правда, у Геннадия Валентиновича тайна...

Но подождите, не все сразу.

Коля, Толя и Боря дружили давно, у каждого была традиционная для отечественной экономики смесь собственного бизнеса и управленческой позиции в госкорпорации. При таких делах очень нужен свой человек хотя бы в какой-то силовой структуре. Никогда ведь не знаешь, откуда прилетит граната, могут и бизнес прижать, а могут и в хищениях авторучек обвинить. Вот на такой случай и был у трех друзей в книжке записной телефон волшебного Геннадия Валентиновича. Как человек военный покровитель любил не деньги, точнее не только деньги, а прежде всего уважение, которое в его понимании выражалось в личных визитах по соответствующим праздникам. Отслужил Геннадий Валентинович в трех родах войск, поэтому пил кроме Дня Чекиста еще в День ВДВ и День Пограничника. Прибавим 23 февраля, 9 мая, День Конституции, День Независимости, День Народного Единства, 7 Ноября, Новый год, Рождество и почему-то день рождения пионерской организации. Этого секрета Геннадий Валентинович не выдавал, но все знали о его любви к дате. Поговаривали, в юности был он влюблен в пионервожатую.

Если прибавить встречи по делам самих, так сказать, управленцев, то в год набегало около двадцати визитов к покровителю. Каждый сопровождался неким символическим и не очень подношением, а также

абсолютно несимволическим возлиянием.

Самое смешное, что день рождения у солидного человека приходился на несолидное 14 февраля. Когда в Россию пришел богомерзкий День святого Валентина, Геннадий Валентинович со своим отчеством попал в достаточно комичную ситуацию. Его, настоящего генерала, друзья поздравляли валентинками с самыми нежными подписями. Он чуть ли не через Госдуму хотел провести закон о запрете праздника, но ресурса не хватило. Ходил слух, что даже на самом верху посмеивались над казусом военного. Как вы понимаете, подарки на 14 февраля покупались Колей, Толей и Борей сначала ему, а потом уже женам.

С этим они тоже смирились, как и с тем, что вечера Дня всех влюбленных жены часто проводили одни. Геннадий Валентинович отмечал ДР не каждый год, но если уж праздновал, то масштабно. Правда, чисто в мужской компании. Жена Геннадия Валентиновича была строга и боролась с его пьянством, поэтому в один прекрасный день ее просто отстранили от участия в праздниках, чтобы гости не слышали бесконечное: «Гена, хватит, у тебя же сердце».

Иными словами, Геннадий Валентинович был незримым членом семьи трех друзей, жены передавали ему привет и безделушки из поездок, он им — цветы в дни рождения. Не пропускал никогда.

Еще Геннадий Валентинович был образцовым приверженцем семейных ценностей. Коля, Толя и Боря рассказывали, как генерал учит их уважать брак. Сам он женился лейтенантом, и развод считал событием невозможным. Друзья делились с супругами архаичными воззрениями их учителя, посмеивались над ним, а вот жены на своих девичьих посиделках в тайне надеялись, что влияние и авторитет силовика не даст их мужьям вести себя неприлично и, уж точно, думать о разводе. Женщины любят военных, а уж семейно-ориентированных тем более. Каждый раз, когда жены видели, что звонит Геннадий Валентинович, они расплывались в улыбке и махали в телефон рукой.

Надо сказать, дело свое товарищ генерал знал хорошо. Он понимал, что не валютой единой сыт обыватель. Помогал и с устройством в нужные школы, и в нахождении правильного врача. Даже маму одной из жен помог похоронить на достойном уважаемого человека кладбище.

Не случайно в Новый год один из первых тостов в семьях Толи, Коли и Бори был всегда за здоровье и долголетие Геннадия Валентиновича.

Все было хорошо в судьбе российского силовика за исключением одного не самого значимого, но все-таки дефекта. Пустяк, скажете, но все равно неприятно.

Геннадий Валентинович не имел тела.

Все у него было, судьба, должность, праздники, жена, дети, начальство, подчиненные, даже завистники и враги, а вот тела не было.

Он был, как бы это помягче выразиться, фантомом. Геннадием Валентиновичем Боря, Коля и Толя давно договорились записывать в своих телефонах любовниц. Пришлось придумать ему жизнь, которая со временем обросла самыми яркими, а главное, удобными подробностями. Ну вот разве не гениально было родить Геннадия Валентиновича 14-го февраля и иметь возможность всем троим легитимно отсутствовать до утра в такой важный для любвеобильного человека день. А три рода войск и день пионерии? А прочие радости?

И самое главное — все три жены знали же о благодетеле Геннадии Валентиновиче, человеке с большой буквы. Звонит в полночь телефон у мужа, он его даже не убирает с дивана, понятно же, что Геннадий Валентинович беспокоит по делу важному, особенно если выйти и вернуться с каменным лицом, а потом набрать друга и сказать: «Тебе уже звонил? Да, сказал про проверку, надо что-то решать завтра будет». Ну какая жена будет выступать против таких звонков, тем более, если на девичниках только о Геннадии Валентиновиче и разговоры. Менялись пассии, а вот имя святое оставалось в телефоне всегда.

И вот как-то накануне 14 февраля Боря ужинает с женой.

— Как будете генерала завтра поздравлять?

— Позвоним. В этом году Геннадий Валентинович решил всех поощрить. Сказал, отметит с женой и детьми.

Так совпало, что у Бори и Толи происходила плановая смена состава, поздравлять особо было еще некого — инвестиции в подарки мужчины начинали после трехмесячного тестдрайва. Колю уговорили поддержать компанию.

— Так что завтра пойдем с тобой в ресторан.

— Слушай Борь, один вопрос меня только волнует последнее время.

— Какой?

— А почему именно Геннадий Валентинович?

— Что почему?

Боря спросил легкомысленно, не отвлекаясь от пасты с креветками и пытался завернуть морепродукт в спагетти.

— Ну почему вы для своих любовниц выбрали именно такое имя. Почему не Иван Петрович или Петр Иванович... Кто придумал?

Боря машинально продолжал крутить вилок, и капли соуса летели ему на рубашку. Глаза он поднять боялся. Слишком сильным был удар в

солнечное сплетение. Жена спросила его настолько ровным голосом, как будто речь шла об имени собаки его сестры. Она спокойно налила себе бокал вина и продолжила.

— Да не переживай ты так. Нет, мне правда интересно, ведь кто-то же придумал это. Вообще, конечно, талантливо, и про день рождения 14 февраля и про помощь родственникам нашим. То есть вы даже жертвовали заслуженной нашей благодарностью и все лавры отдавали ему. Шедевр. МХАТ. Кстати, мне даже приятно, что ты мои чувства оберегал. Это сегодня редкость. Обнаглели все в конце.

Боря со школы не испытывал такой странной смеси стыда, страха и растерянности, поэтому задал, наверное, самый глупый и не самый своевременный вопрос.

— А как ты узнала?..

Ира усмехнулась

— Да, действительно, сейчас это самое важное. Хорошо, давай обмен секретами. Ты мне говоришь, почему Геннадий Валентинович, а я тебе — откуда я все узнала.

Боря наконец посмотрел жене в глаза. В них была отстраненность и теплая печаль, на какой-то момент ему даже показалось, что это не печаль, а равнодушие.

— Коля придумал лет десять назад, когда телефон какой-то девицы записал на обратной стороне визитки реального Геннадия Валентиновича. Жена визитку нашла, когда пиджак в химчистку относил, ну и спросила, нужна ли ему карточка Геннадия Валентиновича. Так он и появился. Прости. Я даже не знаю, что сказать...

— А чего тут говорить, ничего удивительного. Слушай, извини, а любовь ко Дню пионерии откуда взяли? Пионерок вроде сейчас нет или вы по старым запасам решили пройтись?

— Толя наряжал свою телку одну пионеркой.

Боря был так раздавлен, что сливал всех подряд.

— Смешно, хорошо хоть не октябренок. Ну ладно, секретом на секрет. Есть версии, кстати, у тебя?

Боря из транса не выходил, поэтому отвечал, как на уроке.

— Позвонила, а там женский голос? Телефон пробила? Телки сдали?

— Я не унижаюсь слезкой, а женщинам в России можно доверять. Не сдают обычно. Да все просто. Не поверишь, меня мой любовник в телефон записал Геннадием Валентиновичем, а я, как ты понимаешь, несколько изумилась. Спросила, почему именно так, он мне и сказал, что у него у всех друзей так любовницы записаны, долго смеялся, ему казалось это очень

забавным. Вы же, мужчины, язык за зубами держать не умеете, хуже баб, ей богу. Ну вот я решила перед разводом у тебя все-таки утончить, ну мало ли — совпадение. А ты сразу со всем согласился.

Боря поплыл и даже пропустил пассаж о любовнике.

— То есть ты не знала наверняка...

Ира искренне улыбнулась.

— Нет, не знала.

Муж был настолько ошарашен всем калейдоскопом событий, что вместо эмоций впал в разгадку ребуса. Он пытался выстроить логическую цепочку, словно вышел из кино, которое не понял, и теперь спрашивал у жены ее версию. В его глазах застыло какое-то мальчишеское непонимание. Оно Иру даже насмешило.

— Запутался? Ну да, если бы ты не сознался сразу, я, может быть, и стала дожимать, уж больно много деталей достоверных, не ожидала, что вы так запаритесь.

— Подожди... Ты сказала «перед разводом»?

— Да, я завтра подаю на развод.

Голос стал жестким.

— Я ничего не понимаю... А если бы ты не узнала про Геннадия Валентиновича, то почему ты подала бы на развод?

Борино лицо выражало максимальную степень непонимания.

— Потому что я тебя разлюбила, ну и мне кажется, что полюбила другого. Не хочу проверять, будучи замужем. Я уже давно решила, просто Новый год, каникулы, не до того было. Что ты застыл? Это вы, мужчины, уходите к кому-то, а мы чаще от кого-то. Меня Геннадием Валентиновичем почти год назад назвали; если бы мне было это настолько важно, я бы уже тогда тебя спросила.

— В смысле разлюбила?

Слова Боря осознал, а содержание нет, поэтому зацепился за самое понятное.

— В прямом... Борь, ты пойми, я ухожу не потому, что у тебя есть любовницы. Ты как-то перестал быть для меня мужем и мужчиной. Ты просто остался хорошим человеком, а этого так мало... так мало.

Боря постепенно начал осознавать всю происходящую катастрофу, но продолжал свое: «Что? Где? Когда?»

— А ты уходишь к тому, кто назвал тебя Геннадием Валентиновичем?

Ира вздохнула.

— Вот я поэтому и ухожу, что ты задаешь такой пошлый вопрос, зная меня вроде бы десять лет. Неужели ты думаешь, я хотя бы день тогда

прожила под таким именем в чужом телефоне. Я не ханжа, но все-таки.—
Да, вот еще, не переживай, твоих друзей я женам не сдам. Пусть Геннадий
Валентинович живет долго, хороший мужик, цельный, с понятиями.

Друг

Утром шел по Гоголевскому. Гуляет мама с малышом и престарелым псом. Я не сильно разбираюсь в породах — овчарка какая-то, мне кажется. Удивительно, как по собаке виден возраст — движения чуть размазанные, взгляд уже почти человеческий, глаза как будто улыбаются печально. Ребенок с ней играл, что-то там лопотал, шлепал ладошкой в варежке по морде. Пес все, разумеется, терпел, и даже, мне кажется, ощущал свою незаменимость для маленького человечка. И так тоскливо стало, что этого лучшего на сейчас друга малыш потеряет, к сожалению, достаточно скоро...

Вспомнил историю, рассказанную моим товарищем. У него родился ребенок, и дома тоже жил пес, давно жил. Когда малышу исполнилось года три, хвостатый товарищ заболел и стало ясно, что не вылезет. То ли по космической воле, то ли по мудрости, но малыш с родителями переехали в город. Ему сказали, что друг его останется за городом. Пес умер.

Парнишка все время спрашивал, когда они поедут к другу. Родители не выдержали, срочно взяли щенка, дали ему вырасти в загородном доме и только после этого наконец туда привезли ребенка. Наверное, когда-нибудь сыну скажут, что это не совсем тот его приятель, хотя кто же знает... может, и тот. Да и не важно уже. Друг уже у малыша в сердце, точнее, в нем есть место для друга.

А еще я вспомнил, как тоже гулял маленький с мамой и с собакой. Звали его Сантар. Он, как вы понимаете, не просто так на улицу ходил, а занимался контролем территории. Подбежит к пограничной березке, поднимет лапу и отметит. Я очень любил своего друга и во всем старался быть похожим. Мама иногда отвлекалась, я стремительно косолапил к дереву, поднимал ногу и тоже, собственно, отмечал. Разница была в том, что на Сантаре не было штанишек и комбинезона. Маме это очень не нравилось, так как сразу же приходилось идти домой. Я же начинал реветь, не понимая, что вдруг так мокро-то стало. Вскоре уже меня водили на поводке, а Сантар носился свободным. Потом я вырос. Мой друг поступил сообразно возрасту. Но я его иногда вспоминаю. Надеюсь, и он меня — добрым лаем.

Любовь за две копейки

1990 год. Свен из Швеции на лыжных соревнованиях, проходивших в Финляндии, был катастрофически споен советским спортсменом-любителем. В результате бурной ночи умерли надежды Свена на призовое место и родилась крепкая мужская дружба. Если быть точным — место скандинав занял последнее.

Он сошел с дистанции в сугроб уже на первом повороте. Российский друг даже пытался его вытащить на себе, пили все-таки вместе, но собутыльник влип в снег и не хотел из него просыпаться. Наш же бодрячком всех обставил, дыхнул огнем на награждавшего, передал кубок горевавшему другу и обязал прибыть к нему в Москву. Обменялись адресами, потом парой писем, и наконец швед собрался в страну страшных, но замечательных людей. Ехал он практически на электричках. Последний этап — ночной в Москву из Питера.

Мама Свена собирала его, как на войну. Войну, правда, с женщинами. Она наслушалась о российских гарпиях, которые точат клюв на незащитных женихов-иностранцев, и приказала, чтобы он даже не разговаривал с существами без мужских половых признаков. По ее мнению, все женщины в России были хитрыми ведьмами, похожими на героиню фильма «Чужой». Нет, не на Сигурни Уивер, а на то самое чудище. То есть вопьется в мальчика, он в себе перевезет ее через границу, а она вырвется на волю, оставив бездыханное тело Свеночки с разорванной грудью.

Шведы, хоть и викинги, но мамам верят. Свен смотрел на любую барышню, как на собственную смерть. Когда ему улыбнулась великовозрастная проводница с огромным обручальным кольцом, он сразу сообщил ей одну из фраз, выученных на русском языке.

— Я женат и у меня трое детей.

— Экой ты шустрый, внучек,— тепло похвалила боязливого девятнадцатилетнего потомка варягов добродушная русская тетушка.

Ответа Свен не понял и быстро спрятался в купе. Там его ждали. Трое, как водится, с напитками. Но Свен боялся исключительно женщин, поэтому, успокоившись в мужском коллективе, начал русский трип. Попутчики были веселые, язык с грехом пополам знал один, но водка — коннектинг пипл (с).

Как вы понимаете, телефонов мобильных в то время не было и

инструкции у Свена были следующие: прибыть и ждать на платформе, пока Слава его встретит. Если в течение получаса никого нет, то найти две копейки и позвонить Славе домой. Мало ли, что случится. Дома будет Славина мама, она даже худо-бедно говорит по-английски. Швед так же выписал себе на бумажку фразу: «Дайте две копейки».

Очнулся наш турист от ласкового похлопывания по лицу бабулей-проводницей. Свен мгновенно протрезвел, хотел было выпалить про детей и жену, но язык его не слушался.

— Москва! Приехали!

Глаза у Свена не видели, ноги не ходили, легкие не дышали. Кое-как он оделся, проверил вещи, документы и деньги — ничего не пропало. Вышел на платформу и стал ждать. Стоял гость с трудом, опирался на висящий на спине рюкзак. Никто не появился. На шведа начали подозрительно смотреть редкие посетители опустевшего перрона. Свену стало не только плохо, но и страшновато.

Он поплелся на вокзал, здание двоилось, хотелось немедленно умереть. К счастью, он откопал записку с номером телефона, но встал вопрос двух копеек. Прокляв свою безалаберность — он не мог понять, почему не попросил их у своих попутчиков, — иностранец начал бросаться на прохожих, тыкая в них бумажкой и лепеча отдаленно напоминающее: «Дайте две копейки».

А теперь вот представьте. Девяностый год. Вокзал. Вы тихо мирно с котомками, котом и рассадой шлепаете на дачу. За свою жизнь вы не видели ни одного иностранца, более того — уверены, что они пришельцы. И тут на вас помидорно-огуречного бросается нечто бесформенное и бухое. Нечто яростно рычит и тычет в вас каким-то листком, повторяя «копэки, две копэки». Не каждый такое переживет. Можно и в дурку попасть. От Свена народ ожидаемо стал удирать.

Наконец какой-то молодой субъект откликнулся. Он вслушался, впереживался и даже пробулькала что-то на английском. Свен почти рыдал. Он поверил в человечность. Спаситель явился до второго пришествия и предложил поменять страждущему две копейки на десять долларов. Иноземец начал знакомиться с особенностями национальной охоты.

Торговля привела к курсу две копейки — один доллар.

Надеюсь, никому не надо говорить, что первую монету автомат съел. Спаситель, который вызвался проводить Свена до будки, засиял и обнадежил:

— It eats money, it's normal. Do you need more dve kopeiky^[2]?

Свен проклял лыжи.

Его предупреждали, что женщины в России едят мужчин, но о том, что телефон ест деньги, мама не говорила.

— Yes. I need^[3].

— Ten dollars, but you are my friend, so five, but not one^[4].

Бедолага вспомнил, как от него бежали остальные жители страны, и достал пять долларов. Вот был же курс, ну ведь был же!

На второй раз звонок прошел. Свен взвыл. На том конце женский голос сносно говорил по-английски. После некоторых разъяснений выяснилось, что либо номер записан неверно, либо автомат ошибся, но попал наш швед в другую квартиру. На этой же улице, но соседний дом. Отчаянию туриста не было предела, он посмотрел на мессию и представил, сколько будет стоить его дальнейшая помощь. На удивление голос из трубки (Свен на минуту потерял антиженскую концентрацию) сказал, чтобы он ждал на вокзале и ни с кем не разговаривал. Девушка пообещала, что заберет его через час у памятника.

Валютный махинатор поинтересовался, как дела, расстроился, что все хорошо, и на последок спросил, нет ли у шведа жевательной резинки. Ответ был достоин потомка безжалостных покорителей Европы:

— Ten dollars, but you are my friend, so five^[5].

Спаситель немедленно унесся.

Лида приехала. Как обещала. Ей было лет двадцать, не назвать красавицей, но есть в русском языке слово, которое мы чаще всего используем вместо имени: зайки, котика и эй ты, как тебя. Я о словах милый/милая. Мужская версия отдает ранней импотенцией, а вот милая по отношению к девушке — это очень точное определение. Душевная теплота, оформленная в симпатичное, безопасное лицо, лишенное, может, какой-то особой харизмы или сбивающей с ног угловатости, но дающее надежду на спокойствие. С такой девушкой хочется идти за руку по парку и не думать. Просто отключить нейроны от анализа и греться мизинцами.

Свен почему-то забыл мамины наставления и не сообщил, что является многодетным отцом. Он и сам-то не был мистером Олимпия. Более того, в Швеции к нему очереди из невест не наблюдалось, а иначе стал бы он жить с лыжными палками.

Лида поздоровалась с ним за руку и сказала, что отведет к Славе, который, наверное, что-то перепутал. Слава, как потом выяснилось наконец, переоценил силы и проиграл дуэль водке. В момент, когда его друг торговал валютой, наш гуляка спал. На вокзальной скамеечке. Он приехал за час и решил вздремнуть. Свен и Лида прошагали практически мимо

него.

Лида предложила погулять по Москве. Свен немедленно согласился. Последний раз он гулял с девушкой давно. Казалось, что, может быть, и никогда.

Неожиданно после расспросов о знакомстве со Славой Лида застенчиво поинтересовалась.

— Свен, вы, наверное, не женаты?

Образ мамы немедленно нарисовался во всю сталинскую высотку. Она на столицу СССР продиктовала правильный ответ. Сын оглох. Лида ему так нравилась, что он, думаю, бросил бы даже троих детей в тот момент.

— Нет.

— А хотели бы? Мне кажется, мужчинам это не надо, вот скажите честно.

Свен замолчал. Он понимал, что такие вопросы просто так не задают, и не ожидал на первой же встрече обсуждать брак с русской девушкой, но его воспитали честным человеком. Он посмотрел на трогательную, странно одетую Лиду, на ее маленькие пальцы, кудряшки, собранные на макушке, тонкие губы, которые привыкли быть сжатыми, и подумал, а хотел бы он с ней быть вместе, а если да, то разве он не сделал бы предложение прямо сейчас, как честный человек. И вдруг понял, что хотел бы. Говорят, бабочки живут в животе. Нет, на самом деле они летают по позвоночнику. Свен оказался влюбленным. По самые бабочки.

— Да... Очень.

— И что, даже такую, как я, могут позвать замуж... По любви?

Лида спросила с какой-то тоской, точнее — со страхом, и даже не сразу произнесла «по любви».

Роса выпала у Свена по всему телу. Он моментально стал «счастливым и пьяным», от этого набрался мужества и выпалил.

— Я бы позвал хоть сейчас.

Но швед есть швед, разум заставил добавить логичное:

— А почему вы спрашиваете?

Лида не смотрела на Свена и задумчиво-печально отвечала:

— Да меня замуж позвали вчера... А я сомневаюсь, я-то его очень люблю, а он, мне кажется, просто хочет жить в Москве. Я же не очень красивая, а он... Он такой... Зачем я ему... Вот я и переживаю, очень переживаю... Даже сбежала из дома от всех разговоров с родителями, сказала, надо другу помочь. А вам и правда надо было помочь. Спасибо, что поддержали. А у вас, кстати, девушка е...

Затем она наконец взглянула на шведа, по которому было видно, что он

впервые услышал треск своего сердца.

Что ж, грудь шведу разорвали, как и было обещано, но мама все-таки оказалась не права. А такое знание всегда стоит достаточно дорого.

Русский экстаз

Иностранный студент, прибывший в Россию по недоразумению (родственники посчитали это школой жизни), пал жертвой чар одной девицы. Предстояло знакомство с родителями в расширенном составе. Папе выбор не нравился, и он решил испортить праздник, достав какой-то адский самогон, чтобы выбить неготового к такому испытанию парня из колеи. Праздник начался. В чувака заливают пойло, неожиданно один из друзей девушки уводит иностранца «поговорить». Через пять минут тот с выпученными глазами возвращается и забирает свою любовь «поговорить». Весь текст был на английском, но тут на русском.

— Лен, я все понимаю, Россия. Ты меня предупреждала, но вы тут вообще без барьеров?! Твой друг предложил мне шесть таблеток экстази, ШЕСТЬ, чтобы мне стало хорошо после такого количества алкоголя. Сказал, что совсем другие ощущения. Другие, блять, ощущения! Ты понимаешь, что от такого набора я просто умру, я уже не говорю о том, что наркотики вообще не моя тема! Я не буду их есть, сразу могу сказать!

Барышня тоже плохо относилась к наркотикам и, дослушав историю до конца, нашла ловкого товарища. Устроила разнос.

— Федя, ты что, охуел?! Тут тебе что, наркопритон? Ты чего моему немцу колеса впариваешь?! Ты вообще в своем уме?! Он же подохнет от них! Еще столько предложил, вообще мозгов нет.

— Да он и без них подохнет! Ты видела, что и сколько он пьет. Его же твой папаша даже не водкой поит, каким-то самогоном шестидесятиградусным. Это его хоть как-то снимет!

— Снимет?! Я что-то не слышала, чтобы водку колесами снимали, еще шестью! Ты же еще ему продать их хотел наверняка.

— Лен, ты нормальная? Ты меня за кого держишь? Я ради него пошел и купил их.

— Куда ты пошел купил?

— Да у вас напротив аптека.

— У нас что, на улице аптека открылась???

— Она здесь всю жизнь.

— Пиздец, завтра ментам сдам. Где она, в каком доме???

— Напротив, из окна у тебя видна... Ты чего?

— Из окна у меня нормальная аптека видна, а не точка по торговле вашим дерьмом.

— Каким дерьмом?
— Ты меня за дуру держишь? Может, ты экстази в аптеке купил?! По рецепту? Мама выписала? От гриппа!
— Какое экстази???
— А ты Герхарду что, блять, предложил, слабительное?!
— Нет... Уголь активированный, шесть таблеток, по таблетке на 10 кг, я прикинул. А он что тебе сказал, что я ему экстази предложил???
— Ёёппппп, я еще думаю, что он несет про огромные колеса, black editon.
— Понаехали, блять, наркоманы! Одно экстази на уме, идиот! Спасти хотел!
— Нда, Федюнчик, слушай, а с углем это ты правильно придумал... Надо ему принять его. Хотя чего-то я не уверена, что уголь папин самогон возьмет...

Лена нашла своего немца и увела на «поговорить».

— Слушай, эти таблетки и правда надо принять.
— Я не бу...
— Тихо, это не экстази.
— А что?!
— Уголь.
— ЧТО?!
— Это чтобы водка на тебя не действовала.
— Какой уголь, из шахты?!
— Не совсем из шахты, он обработан специально. Но да, уголь как уголь
— А зачем вы едите уголь?
— Чтобы нейтрализовать водку.
— ... знаешь, когда я подумал, что твой друг предложил мне шесть таблеток экстази, я решил, что вы просто ненормальные. Но если вы пьете литрами водку и заедаете ее углем, чтобы она не действовала, то вы отъехавшие на всю голову. На всю, понимаешь?! Это не лечится!
— Я все понимаю... Правда... Но ты уголь выпей, пожалуйста. Утром поговорим. Без угля утро у тебя не наступит никогда. Вот это точно.

Список Феди

Иногда приходит письмо с сайта, и ты по первым строчкам понимаешь, что не случайно. Вроде бы и нет ничего, кроме фразы: «Александр, хотел вам кое-что рассказать в связи с одним из Ваших постов последних». Но в предложениях какая-то вибрация...

Вот очередное письмо от человека, попросившего имя его не называть, а с историей поступить по моему усмотрению.

У него был друг. С института. Как это часто бывает, с годами встречались все реже, но тем не менее пересекались регулярно. Он резко взлетел.

А нам всегда сложно видется как с теми, кто рванул наверх, так и с теми, кто рухнул. Тяжело найти общие темы, если один выбирает самолет настоящий, а другой — игрушечный ребенку, но и тот купить сможет только после зарплаты. Обоим стыдно отчего-то смотреть в глаза. Богатый чаще всего хочет либо поскорее встречу закончить, либо начинает искать, как помочь. Иногда даже что-то получается, и друг детства превращается понемногу в должника. Отдавать, как понятно, особо нечем. Крепкая дружба становится песчаной и рассыпается.

Так в итоге к определенному возрасту люди рассредотачиваются по компаниям схожего достатка и социального статуса. Исключительно разбогатевшие и исключительно обедневшие ожидаемо становятся одинокими. Нет, ну понятно, что деньги притянут приятелей, да и среди новых знакомых могут попасться очень достойные люди. Иногда друзья и вовсе бизнес вместе с юности ведут. Но это, скорее, редкость.

Написавший мне письмо попал в группу умеренно успешных и поэтому жил счастливо, окруженный компанией друзей ранней молодости. А его однокурсник Федя, как принято сейчас говорить, выпрыгнул в космос. Высокомерным не стал, но на встречах курса появлялся нечасто, особенно после какой-то пьяной разборки, когда один из участников собрания «старых добрых друзей» обвинил Федю в разграблении страны и прочих стандартных грехах. Даже потасовка завязалась. Бизнесмен ушел с солидным бланшем под глазом.

Все потом устыдились, так как Федя был самым обычным предпринимателем, на трубе не сидел. Понятно, что чист перед законом не был, но перед совестью обычной человеческой, говорят, долгов неоплатных не имел. Ну разве что слыл излишне бережливым. На всякие праздники

обычно дарил что-то из того, чем торговал. То все на день рождения микроволновки получают, то часы, то скидки мощные на туры куда-нибудь. Все смеялись, что ждут, когда Федя купит кладбище и будет у всех закрыт достаточно дорогостоящий вопрос. Цитировали классический анекдот: «Место на кладбище нашел, но похороны завтра».

После памятной драки встречаться друзья стали еще реже, но Федя не пропадал, звонил, иногда звал в гости за город. С детьми все, конечно, приезжали. Водные мотоциклы, футбол, шашлык, да и потом дача питерская у Феди была, скажем так, демократична. Не вызывала приступов комплекса неполноценности. Правда, Федя все больше времени проводил в Москве, семью туда перевез, так что дружба становилась празднично-сетевой. Однако про дни рождения новоявленный москвич не забывал. Более того — оставался верен себе и даже практически оправдал кладбищенские ожидания.

В один год друзья по очереди получили на дни рождения сертификаты на посещение модной в городе клиники. Как раз стали появляться программы популярного нынче чекапа. Шутки по этому поводу зашкаливали. Все разумно отметили Федину исключительную расчетливость. Приходишь к нему в клинику проверяться, там, конечно, тебе находят Большую медицинскую энциклопедию, и начинаешь бесконечно инвестировать в бизнес друга юности. В благодарственных СМС и звонках умоляли Федю вернуться в торговлю бытовой техникой. Он даже обиделся на кого-то, ответил, что наконец что-то толковое подарил. Трое друзей, включая автора письма, стали думать, чем Феде ответить. Собрали небольшую сумму и купили Феде подарочный сертификат на десять посещений дорогой московской парикмахерской. Именинник был лысый практически с института. Вручить вызвался автор письма. Накануне даты звонит имениннику, трубку взяла жена.

Оказалось, Федя умер месяц назад. От рака. Болел год почти, боролся, но... никому, кроме семейных, не сказал. Уехал в Германию, там и ушел. Как собаки от хозяев в лес сбегают умирать, чтобы не мучить их, наверное, понимают, что сердца рвутся. Просил и на похороны никого специально не звать, а просто при случае всем сообщить. Так же жена сказала, что он просил передать троице студенческой, пусть они считают его последней просьбой использовать те сертификаты, если еще не нашли времени.

У него не было никакой своей клиники, просто Федин рак практически пропустили. Не факт, что вытащили бы, но шансов было бы больше. Вот он и стал близким дарить на дни рождения один и тот же подарок. Хотел кого-то спасти. Придя в себя, друзья все как один пошли по врачам. У одного и

правда нашли полип нехороший в нехорошем месте. Успели. После таких событий они стали либо уговаривать знакомых самих провериться, либо тоже дарить походы на анализы. Никто уже не смеялся над таким презентом. Круги по воде начали расходиться.

Прошло уже восемь лет. С тех пор известно минимум о шестерых, которых благодаря Фединному толчку вытащили, считай, с того света. А эти трое в каждый его День рождения приезжают к нему на могилу. Всегда. Без прогулов. Там, на кладбище, все демократично. Старые друзья вспоминают молодость, и все равны.

Четыре-один

Мне лет двадцать, может. Внешность сомнительная, опыта ноль, желание бесконечное. В какой-то момент рядом появилась девушка, смирившаяся с первым, не знавшая о втором и ценившая третье. По ряду индикаторов стало очевидно, что пора переходить к активным действиям. План-перехват по поиску свободной квартиры результат не дал, но неожиданно мама испарилась на целые сутки и я немедленно затащил девушку (по-моему, Марину) домой, в мои фамильные апартаменты на проспекте Солидарности.

Квартиры лоу мидл класса в Советском Союзе были маленькие, но уютные. Из спальни легко можно было дотянуться рукой до холодильника. Единственная проблема — соседи слышали, не только как ты его открываешь и закрываешь, но даже как глотаешь мерзопакостную ряженку. Это обстоятельство приводило меня в ярость. Жильцы регулярно вызывали милицию, чтобы уговорить наши пьяные тусовки, жаловались маме, та меня стыдила и всячески вразумляла, дескать нельзя людям мешать отдыхать. Но речь не о пьянстве с мальчиками, а о сексе с девочкой. Тоже, оказывается, можно расшатать соседям нервную систему.

Я не очень люблю шумных женщин. Как-то мне все эти визги джунглей кажутся неэстетичными и отдающими дурным воспитанием. На меня мама никогда не кричала, почему тогда это тело безымянное должно на меня кричать? Стоны еще я мог перетерпеть, а вот громче — увольте. Марина была другого мнения. Нет, мне, конечно, было приятно ощущать себя неистовым гигантом, но мысль о соседях меня очень деморализовала.

Рубрика оффтоп.

Помню, были мы с приятелем в отпуске и пошли на дискотеку. Я зацепил барышню, как-то уболтал на посещение гостиницы и оставил товарища дожимать выбранную им опцию. Жили мы в соседних номерах, и я услышал как он вернулся, хлопнув дверью. Я как раз занялся реализацией моих примитивных фантазий. Тихо так, по-семейному. А вот за стенкой началась оргия и концерт хора имени Пятницкого. Наш секс на фоне этого воя быстро закончился, а вот друг мой решил побить все рекорды. Мы с подружкой как-то робко пытались шутить, вот, мол, счастье у людей. Попробовали матч-реванш. На нервяке я, разумеется, не вышел даже из трех минут, а за стенкой не переставали показывать, что такое настоящий секс. Моя спутница не выдержала и сказала, что спать в этом бедламе

невозможно, и уехала домой. Я надел наушники и выключился.

Утром на завтраке маэстро спросил:

— Ну как твоя пышечка?

— Ну ничего так. А ты как?

Хотя спрашивать было бессмысленно.

— Да никак. Пришел в номер и два часа порнуху смотрел. Надеюсь, не очень громко. Надо сегодня в другом месте рыбу половить.

Но вернемся в мою квартиру. Итак, она на мне, она, ну скажем так, мешает соседям спать. Скажу честно, я смирился с дискомфортом сограждан и отдался чувству собственного величия.

Да, я такой. Я лучший, детка.

Детка завелась, и мы использовали месячный запас презервативов. Все три из пачки. Когда они кончились, я наконец отполз. Я был измучен, но никогда я не ощущал себя настолько крутым в постели. Марина меня несколько изумила:

— У тебя что, больше нет презервативов?! Ты издеваешься?

Я подумал, сколько же полегло на тебе, Марина, бойцов, и проблеял:

— Нет...

Гостья была разочарована.

Я врал. Один, подаренный мамой на совершеннолетие, отложенный, так сказать, на черный день, у меня был. Но я не сдал наш с мамой секрет.

Ранним утром меня навязчиво растолкали. Я пытался вспомнить, как изображал спящего, когда мама меня будила в школу, но мама никогда не будила меня таким способом, как Марина. Она, как Архимед за рычаг, взяла меня за истерзанную плоть, повернула к себе и строго спросила:

— Может, все-таки есть?

Мне, впервых, снова захотелось, а вовторых, снова захотелось ощутить себя Казановой. Я вдруг вспомнил, что есть.

И опять опера Набукко. На этот раз, правда, с каким-то особым финалом. Думаю, в моей школе было слышно. Марина упала на кровать и медленно произнесла, сквозь негу:

— Забил-таки гол престижа.

Мы с плотью и величием застыли.

— В смысле?

— Счет четыре — один. Я спать.

Папа у Марины был тренером по футболу.

Я решил, что секс — не мое.

Этюд спортивно-бордельный

Рано или поздно в мои рассказы о публичных домах должен был вклиниться спорт. Казалось бы, как могут переплестись игры взрослых с мячом и взрослые игры без мяча. Могут, оказывается. Результат — стрельба, полиция и плачущие жрицы любви, лишившиеся места работы. Записана история была в двухтысячных, а когда произошла, кто теперь вспомнит.

Но сначала лирическое отступление. Стеснение. Замечательное и очень человеческое состояние. Как вы понимаете, без стеснения в борделе нельзя. Особенно, пока он не стал тебе домом родным. Стеснение приветствует уже при входе в подъезд.

Петербургские публичные дома средней и средненькой руки расположены в таких же средних и средненьких кирпичных домах постройки счастливого XIX века. Почти весь двадцатый век в квартирах этого дома были коммуналки — символы СССР. Потом СССР неожиданно умер, а коммуналки выстроились в очередь на новую жизнь. Но стать борделями повезло не всем. Некоторые квадратные метры остались в состоянии «ад на гастролях», другие попали в категорию «ад на ремонте», ну и какие-то переродились в отдельные квартиры. В итоге сам дом становился коммунальным. На разных этажах одной лестницы мог жить авторитетный предприниматель, продавщица овощного, студенческая пара, арендующая комнату у какой-нибудь бабули, иностранец, которому впарили квартиру Лермонтова, и именно в ней он стрелялся с Андреем Болконским, обязательный алкоголик, заливающий всех без разбору и наконец десяток проституток в уютной атмосфере постсоветской причудливой роскоши квартиры номер 8.

Все жильцы не идиоты и знают, что квартира номер 8 — это не школа ораторского мастерства, хотя близка по духу. Более того, клиент квартиры номер 8 тоже понимает, что если он стоит у двери, а с верхнего этажа идет бабушка с авоськой, то она в курсе, зачем он здесь: «Паскуда похотливая, кобель бесстыжий». Особо малахольные начинают паниковать, изображать работника собеса или агитатора на выборах. Спрашивать: «В этой ли квартире находится музей кактусов имени Фрунзе?» Но бабку обмануть можно. Авоську нельзя. Авоська смотрит прямо тебе в душу и спрашивает: «То есть с женой мы не можем, с женой у нас только 29 февраля, скотина эгоистичная, а ей каково?»

Ну а если покупатель любви невезучий и напарывается на алкаша, то вообще можно аневризму приобрести. Он же сразу начинает орать на весь подъезд: «Ну что, трахаться пришел, а мне бухнуть не на что». Шантажист либо получает в рупор, либо деньги. Моментально. За годы работы он выучил, от кого что ожидать и вычисляет трусливо-милосердных по шагам.

После парочки таких столкновений посетители притона начинают стесняться еще накануне, зайдя в булочную. Им кажется, что даже рулет с маком догадывается, куда этот фрукт в костюме завтра в пять собрался. Что уж говорить о прохожих на улице в непосредственной близости от заветной квартиры и тем более о жильцах. Очень это все стеснительно и не продумано.

Тем не менее некоторые до искомого будуара доползают. Им открывают двери, предварительно изучив в электроглазок. Девушки стараются тоже взглянуть, кто пожаловал, а то ведь город маленький. К одной работнице умудрился попасть ее же бывший однокурсник. Сидели час. В итоге ушли оба. Она в слезах. Забрал, говорят.

Но и видеоконтроль можно пройти. Оказываешься в прихожей. Иногда, конечно, бывают логистические конфузы. Уходящий и приходящий клиент встречаются в дверях. Новички пытаются прикинуться обоями. Бывалые шутят: «В команде „Зенит“ замена».

Затем конвейер отправляет страждущих в гостиную, где все события этого боевика и разворачивались. Однажды осенью на «шикарном» диване дома свиданий у станции метро Чернышевская оказались задницы двоих москвичей. Они закончили все свои столичные дела, собрались в аэропорт, но неожиданно вспыхнули страстью. Абстрактной. Безадресной. Покопались в интернете и нашли, где с этим вопросом разбираются. Стеснений не испытали, квест прошли.

Сидят в гостиной, ждут, когда перед ними продефилируют нимфы, свободные в данное время. В эту секунду московский черт нашептал гостям включить телевизор. Показывали футбол. Последние три минуты матча между «Зенитом» и «Спартакoм». Потребители платной любви попросили дать им досмотреть игру и впились в экран. Дело к ничьей, но на последней минуте питерские футболисты недоглядели и пропустили. Московские болельщики не подумали, в каком они городе, и бурно стали праздновать победу, параллельно забыв, зачем они пришли. Неожиданно в глубине борделя тревожно хлопнула дверь и в коридоре послышались медленные, но тяжелые шаги. Москвичи всегда знают, когда идет он. Неповторимый, трогательный и неотвратимый русский пиздец. Чувствовать его первыми — уникальный дар столичных жителей. Гости

поняли, что каменный гость топает к ним и что речь пойдет не о любви.

Коля-Башня вошел в гостиную борделя в черных спортивных штанах, костюмной белой рубашке, тоскующей по утюгу, резиновых тапках на одну босую ногу, другую в носке. В руках у Коли был пистолет, в глазах — тоска, алкоголь и жажда. Жажда событий.

Коля жил в публичном доме уже третью неделю и прошел все стадии семейной жизни.

Безудержный секс, секс по расписанию, увиливание от секса, ненависть к сексу, пьянство, футбол.

Те же стадии он прошел сначала за три года с женой, потом за год с любовницей, и когда судьба уpekла его в храм разврата на неопределенный срок, а дао повторился, Коля отчаялся. Отмечу, что находился он в борделе по весьма прозаичной причине. Его хотели убить, и он прятался.

Коля-Башня, бандит средней руки, не рассчитал прыжок в финансовое будущее и падал. За ним летели на истребителях кредиторы и неубитые конкуренты. Добрые люди сказали ему залечь на дно немедленно, где бы он сейчас ни находился, потому что хвост висел на Коле, как бобровый воротник на шубе Шаляпина. В момент того звонка Коля лежал на моральном дне, а именно на Кристине и Карине, если быть до конца точными, то между ними. Телефон сообщил, что выходить из борделя Коле не следует. Возможно, никогда, но точно на ближайшие пару недель. Как он провел их, мы знаем. Безудержный секс с неограниченным количеством партнерш скатился в безудержный просмотр футбола. Он все время переключался с испанской лиги на российскую, выдерживал полчаса, ощущал безнадежность, отхлебывал из горлышка ближайшей бутылки и проводил параллели со своей жизнью. Коля-башня понимал, что его существование — это отечественный футбол. Деньги вроде есть, но он никому не интересен. Заработки шальные, и детям особо нечего рассказать о нем в школе. Настроение от этого не улучшалось, но оставался патриотизм городского масштаба.

«Зенит» Коля любил. Очень. Всем упитым нутром, уставшим от четырех стен, погони и бесчувственного секса, Коля желал победы любимой команде. Особенно в борьбе с ненавистными москвичами (заказали Колю тоже люди с внутренней стороны Садового кольца). Поэтому, услышав победный вой из гостиной борделя, Коля-Башня остался просто Башней, встал с нар, достал пистолет, загнал патроны в патронник, поленился натянуть носок и открыл дверь в новое будущее.

— Раздевайтесь.

Дуло уперлось в потный лоб одного из гостей северной столицы

— Зачем? — дребезжащим голосом поинтересовался второй.

— Трахаться будете. Вы же за этим пришли.

— С кем?

— Друг с другом.

Москвичи застыли. Коля дважды выстрелил в потолок. Управделами борделя влетела в комнату:

— Коля, ты что делаешь?! Сейчас менты приедут!

— Приедут.

— Тебя же заберут, а там или комаровские, или, как их, из Москвы, тебя найдут!

— Найдут.

Жизнь Коле разонравилась окончательно, и ему стало все равно.

— Раздевайтесь.

Коля направил ствол на дрожащее колено одного из болельщиков.

Через 28 секунд два дряблых, тридцатипятилетних, обнаженных тела стояли у дешевого рояля, с помощью которого в будуаре периодически устраивали караоке. Коля выкинул одежду в открытое окно.

— Ну давайте. Говорят, вы в Москве все это умеете.

Коля вложил в это «умеете» все презрение настоящего ленинградского гопника к ненавистному городу.

Парни из белокаменной были обычными менеджерами, о пистолетах только читали, на футбол ходили раз в год и то в ложу, но русского человека нельзя прижимать к стене. Особенно при дамах.

Один из нудистов посмотрел в Колины мутные глаза и голосом партизана, идущего на расстрел, отрезал: «Трахаться не буду. „Спартак“ — чемпион». Коля медленно поднял пистолет на уровень глаз своего визави, но между ним и смелым красно-белым встала управделами борделя и со слезами на глазах спасла сразу четыре жизни в этом салоне, включая свою.

— Не надо, Коленька. Не надо... Я тебя только полюбила. Не губи себя и мальчиков, они вон смелые оказались.

Коля пистолет не опускал. Управделами срочно начала работать мистером Вульфом. Менты были свои, разумеется, но вызов проигнорировать не могли, и, значит, минут через пять их можно было ожидать. Одежду москвичей уже выбросили и пришлось импровизировать. Единственного клиента срочно выпроводили, сказав, что грядет облава. Ствол спрятали. Носок на Колю надели. Обнаженным, так сказать, фанатам объяснили, что выход один — либо заткнуться и слушать режиссера, либо уехать с милицией в качестве потерпевших, но потом все будут знать, где и в каком состоянии их взяли. Артисты согласились. Столичным франтам

заклеили на всякий случай скотчем рот и розовыми наручниками приковали к батарее.

В дверь постучали.

— Вы тут чего, совсем охренели? Лариса, что за пальба?

Управделами приступила к выполнению служебных обязанностей.

— Это не пальба — это фейерверк.

— В честь чего?

— У меня свадьба! Вот жених — Николай. Он в белой рубашке по случаю праздника.

— Поздравляю! А эти два почему голые и к батарее прикованы?

— BDSM.

— Чо?

— Ну типа кукольного театра для взрослых.

— Кукольный театр, говоришь? А кто Карабас-Барабас?

Женщина вошла в роль, взяла плетку и игриво дала показания.

— Я, но не Карабас, а Госпожа. Не волнуйтесь, никакого насилия, просто маскарад в честь праздника.

— А куклам нравится?

Мент посмотрел на участников мапет-шоу, на плетку в руках управделами, потом на фалоиммитатор, стоящий на рояле. Лариса училась на театрального режиссера, любила художественную достоверность и за пять минут собрала декорации.

— Нравится, я спрашиваю?

Куклы усердно закивали.

— Пиздец, что в стране творится, — стал сокрушаться капитан милиции. — Ладно, сейчас комнаты проверим и поехали отсюда.

Кроме девушек, в борделе никого не было, и наряд не стал задерживаться.

— Лариса, мы на субботник к вам в среду. И можно без этого вашего ВЛКСМ?

— BDSM.

— Ну да, без него. По старинке.

Коля отсиделся в борделе и открыл с Ларисой спортивный бар.

«Спартак» в том сезоне что-то выиграл.

Первое сентября. Боль

Тяжело в школе оставаться без друзей.

1 сентября девятого класса. Я приезжаю с дачи и более всего жду встречи со своей компанией. Еще трое таких же оболтусов. За восьмой класс, как мне казалось, мы особенно сдружились. Развлекались безбожно. Ну к примеру, ездили в Гостиный двор, примеряли идиотские женские шапки и дико ржали, пока нас наконец не выгоняли. И еще много интересного. Но лето — это три месяца. За три месяца все могло раствориться, даже крепкая мужская дружба. Тем не менее я верил в чудо. В школу летел на крыльях, бежал из автобуса, готовый броситься в объятья мушкетерам. Девяносто дней спустя! Ищу. Кто-то сказал, что они на третьем этаже в каком-то пустом кабинете. Сердце стучит. Подхожу к открытой двери, вижу — сидят. Занимаю проем и оттуда бросаю:

— Здорово, отличники!

Все трое обернулись, равнодушно сказали:

— Привет.

И отвернулись. Мой мир рухнул. Не хотелось плакать в 14 лет, но я был готов. А чего я ожидал и, главное, с чего? Ну потусили в прошлом году. За лето все забылось... Больно, конечно, так их ждал. Парни...

Тут один снова на меня, застывшего в дверях, посмотрел. Глаза округлились:

— Цыпкин, это ты?!

Все трое разом вскочили.

— Ты что, блять, нитратов объелся? Ты где ходишь, мы уже час тебя ждем!

За лето у меня сломался голос, я вырос на двенадцать сантиметров и отрастил волосы.

Я никогда не был таким счастливым.

Антракт, друзья мои. В антракте принято болтать с друзьями о мелочах, а я подумал: ну мало ли, вы сейчас одни и вам не с кем заняться таким важным для полноценного театрального перерыва делом. Поэтому я о вас позаботился и подготовил на такой случай несколько коротких зарисовок, пусть они вас развлекут, пока я готовлюсь ко второму отделению.

антракт

УВЕРистическое

Детектор правды

Вызываешь такси. Ты очень важный, успешный и, главное, с безупречным (как тебе кажется) вкусом. Особенно в музыке. Только высшие материи, только известные посвященным имена и мелодии.

И тут карета. В ней на вожжах, разумеется, простолюдин. Приходится дышать с ним одним воздухом. Хорошо, что не долго. Но слушать его колхозную музыку?! Увольте. Не успевает наша высокомерная задница усесться, а уже выпрыгивает изо рта грубо-недовольное:

— Переключите радио, пожалуйста.

Слово «пожалуйста» сказано таким тоном, что слышится: «быстро, блять!»

И вот звуки уже слетают со связок, но неожиданно мы замолкаем. По радио (шансон, русское или другая дача) играет та единственная попсовая песня, которая нам нравится. Да, она одна. Да, нам стыдно, но мы знаем наизусть ее слова. Мы смотрим, чтобы окна были закрыты, не отвечаем на звонки, меняемся в интонации, и, снизойдя до вежливости к плебеям, говорим: «А сделайте погромче, пожалуйста». И «пожалуйста» звучит как «братан». Мы подпеваем, неслышно шевеля губами, пританцовываем, беззвучно шевеля ступнями, вспоминаем юность, становимся проще и счастливее.

Песня заканчивается, мы грустим и слушаем, что же будет дальше по этому немыслепожатному радио, а внутренне благодарим судьбу, что посылает нам людей поприветственнее, иногда. И таких у водителя десятки в день. Сам он любит джаз или того хуже, «Pink Floyd», но пассажиры все время просят сделать погромче «Иванушек» или «Руки вверх». Вот он и мучается, останавливая любимый диск и включая беспощадно-попсовое радио, как только сажает нового человека.

Ислам подъезжает

Утренний Uber порадовал меня сообщением осмысленным и беспощадным:

«Ислам подъезжает».

Едем ржем с Исламом, что один раз он религиозного клиента от Синаногги забирал. Вот было шоу. Пардон, в беседе выяснили только что, что это был Музей толерантности. Не суть. И все смеялись. И ничего. Хороший мужик.

Новости от водителей Uber. Артур из Краснодара

Гражданина тормознули нукеры из ДПС. Нашли какое-то мелкое правонарушение. Ждут подношения. Водитель инициативы не проявляет. Пауза.

— Командир, может, договоримся?

— Ну ты сделай предложение.

— Выходи за меня.

Отпустил. В слезах.

Пишут, что диалог популярный, но для меня его открыл именно этот товарищ. Так что вся слава Артуру.

Из Одессы с любовью

Uber, ну очень веселый водитель лет пятидесяти.

— Здесь поворачиваем?

— Я плохо знаю Москву.

— Приезжий?

— Я петербуржец.

— Ну усратья можно. Извините, я из Одессы, я любя.

Я — ваш Uber

В Москве водители Uber иногда обижаются, когда я открываю дверь и спрашиваю:

— Вы мой Uber?

Несколько опечалено отвечают:

— Ну я не Uber, я Алексей.

А я ведь не из высокомерия, а просто каждый раз забываю.

В Питере жду машину. Водитель — женщина.

Я мистер вежливость. Открываю дверь, имя, блять, опять не посмотрел...

— Вы мой... ангел?

В ответ самодостаточное:

— Я ваш Uber.

Второе отделение

Мечта

Однажды мой товарищ Кирилл влип. Мы были знакомы по даче, в городе общались реже, поэтому, встречаясь летом, начинали беседу с сочинения: «Как я провел зиму».

Последнюю школьную зиму мы провели тяжело. Все готовились к поступлению, пытаясь втиснуть между тусовками репетиторов и подготовительные курсы. Некоторые еще и любовь пробовали запихать в это расписание. Ну как любовь?.. Похотливые пробы пера.

Кирилл обгонял нас всех в развитии и еще в прошлое лето рассказывал о прелестях легкой эротики. От зависти мы, как могли, пытались исключить его из наших рядов, так как слушать о живой женской груди было невыносимо, на рыбалке особенно. Ну представьте. У тебя клюет. Ты мечтаешь о леще. А тут: «А вот, если еще и попросить ее...» Теряешь и сознание и леща. Обидно вдвойне. А самому сказать нечего. За одиннадцатый класс мне кое-как наскреблось, чем ответить, и я ждал каникул, чтобы наконец, умножив всё, что было, на три, заткнуть ненавистного соседа.

Кирилл прибыл мрачный. Мы сели в лодку, достали сигареты ВТ, я блеснул зиппой, утопленной моими кривыми руками уже через день, и поделился опытом сатанинского петтинга.

— Ну а ты как?

— Да пиздец, на прошлой неделе родители запалили меня дома. Такая разборка была, как будто я трахался с нашим попугаем. Мать орала, что я животное и что она не потерпит шлюх в своем доме. Отец хоть молчал, и то хорошо.

После слова «трахался» я сразу понял, что могу свои невинные истории свернуть в трубочку и скурить, поэтому вновь превратился в слушателя.

— А с кем запалили-то и как?

— Да с химичкой нашей.

Мне захотелось немедленно утопиться. Именно утопиться. Потому что убийство Кирилла ситуацию бы не спасло. Он бы и из-под воды смотрел на меня с презрением и снисхождением.

Оставалась последняя надежда на то, что она старая и, соответственно, страшная. У нас была в школе учительница английского. Мы обожали дискутировать на тему, неужели и в таком возрасте она кому-то нужна.

Старухе было 36. Сейчас, смотря на фотографии, могу ответственно заявить: «Я бы — да».

Наскоблив внутри равнодушия, я спросил:

— Сколько лет?

— На грани. Двадцать пять.

«Сука, блять, сука, сука и сволочь!!!» — это были мысли.

— Если симпатичная, то можно, — это были слова.

— Симпатичная!

— А случилось-то что? — я начал мысленно изготавливать куклу вуду.

— Родаки уехали в Ригу и с какого-то хрена вернулись раньше. В самый разгар, прикинь, заявили. А мы так шумели, что на лестнице слышно было. У нас же дверь, считай, картонная. Так что говорить, что химию учили, было без понту. Знаешь, мама так ее обзывала... Я не думал, что она слова такие знает... Сказала, что всю жизнь ей сломает, по судам затаскает. Я за химичку волнуюсь теперь. Ну в чем она виновата...

— И что теперь будет???

— Я пытаюсь маму уговорить, что сам виноват, что инициатива моя, что химичка ни при чем, но чего-то пока бесполезно.

— Может, отцу с ней поговорить?

— Он сказал, что я для мамы самое дорогое и ей нужно время, чтобы понять, что я вырос, и в моей жизни могут быть другие женщины, и чтобы я не принимал близко к сердцу такую ее реакцию. Я задумался. А ведь правда, я же у нее один, и какая-то другая женщина в тот момент для меня важнее, чем мама. Я просто не думал об этом. Наверное, папа прав. Так что пока мама не привыкнет к тому, что я взрослый, не буду ей особо ничего рассказывать. Папа, конечно, офигенный, так быстро мне все разложил. Тоже переживает за нее.

Я согласился с мудрым мужиком. Ведь действительно это же практически ментальный слом для матери. Мальчик больше не только твой. Вспомнил о своей маме. Распереживался... Как все-таки здорово, когда отец тонко чувствует отношения матери и сына. И правда, папа у Кирилла крутой.

Через неделю Кирилл, стоя у картонной двери, услышал, как мама кричит его отцу:

— Не принимать близко к сердцу?! Успокоиться?! Эта шлюха сначала тебя трахала, а теперь Кирюшеньку!

Это был последний гвоздь в мои новые комплексы неполноценности. Я запил.

P.S. В какой-то из летних вечеров Кира, глотнув газированного

разбавленного спирта, сообщил, что наконец понял, почему химичка после первого раза сказала, посмотрев на их фотографию с отцом, что он исполнил ее заветное желание. Мы еще отхлебнули адского пойла из дачных чашек с отбитыми ручками и согласились, что женщина тоже имеет право на мечту.

Этюд эпистолярно-бордельный

В домах терпимости тоже отмечают Международный женский день. Ряд клиентов заезжает исключительно поздравить. Цветы, подарки, напутственные речи и никакого секса. Времени нет. Ну к вечеру, конечно, собирается небольшой квартирник отъявленных негодяев, а вот днем все как у секретарши директора: очередь бессмысленная и бесконечная.

Около пяти вечера заехал к одной из фей ее несистемный клиент. Ну, то есть не приличный семьянин, являющийся раз в неделю, а плохо предсказуемый подлец и мерзавец. То неделю не выкуришь из пространства, то целое лето ни слуху, ни духу. Cashflow не спланировать. В этот раз тоже ворвался без звонка, на голове — снег, в голове — ветер. Даже имя говорящее. Вася.

— А я мимо ехал. Дай, думаю, поздравлю, и, надо же, твоя смена, а то Новый год-то закосил.

— Я бы даже сказала, задушил.

— Ну не успел я, мы куда-то там срочно улетали, зато сейчас я как восьмимартовский Дед мороз.

Товарищ приволок какой-то невообразимый косметический набор, сертификат на салон красоты и торт.

— Да я с вами диабет заработаю или прыщами покроюсь. Но худшее — это цветы. Вот что мне с этой оранжереей делать? Лучше бы деньгами, ей-богу, — в комнате у девушки было букетов десять.

Гость, как я уже сказал, был на редкость дезорганизованным и сумбурным человеком, поэтому моментально предложил следующее:

— А давай я у тебя куплю их? Мне куче народа нужно дарить цветы сегодня, а в цветочных очереди на час.

Сделку оформили без нотариуса, о цене не спорили. На следующий день креативный даритель явился с шампанским и рассказал, как он стал чуточку седее.

Выходя из борделя, Вася дал себе слово, что жене все-таки купит букет в нормальном цветочном магазине. Он очень старался обещание выполнить, даже решил, в какой киоск заедет, но не хватило денег. А кредитку принимать отказались. Ломиться куда-то стало неожиданно лень, и это божественное чувство победило разум и совесть. Маэстро решил не поздравлять сестру, один веник у него оставался, и он поехал сразу домой. Букет, надо отметить, был прекрасен. Гораздо лучше, чем могла бы

получить половинка нашего героя, если бы он выбирал его сам. Жена была в восторге и сразу же пошла делать из букета икебану — что-то там резать, чистить и закатывать в банки, как грибы, чтобы цветы стояли в вазе года три минимум. Этот женский феномен необъясним. Его просто нужно принять.

Вася переоделся в домашнее, сел за условно-праздничный стол, налил вина и увидел, как жена входит в комнату со слезами на глазах и с запиской в руке.

Как это часто бывает в таких ситуациях, мужское лицо само принимает правильное выражение радостного придурка и не снимает его, пока по нему не начинают бить. В то время как Васино левое полушарие клялось всем богам держать слово, данное хотя бы себе, правое пыталось угадать, что же в записке, и составить сценарий обороны. Но что пишут проституткам на Восьмое марта парень не знал, а время на ответ стремительно заканчивалось.

Жена села напротив, подняла бокал и предложила тост:

— Давай за тебя сначала, за лучшего из мужей.

Лучший из мужей понял, что ситуация гораздо хуже, чем можно представить. Если бы на него сейчас наорали или даже вмазали пощечину, это означало бы, что обида тяжела, но излечима. Такой сарказм свидетельствовал о полном провале.

Лицо все еще не могло ничего выговорить, его хозяин автоматически чокнулся, проглотив вино вместе с бокалом.

— Вот честно, ты хоть и бестолочь, но написал лучшее, что мог. Каждая женщина о таком мечтает, и главное ведь — запрятал записку. Я случайно нашла. И на принтере напечатал, вот лентяй, хотя с твоим почерком я тебя понимаю.

Пока муж прожевывал бокал, оба полушария медленно, но верно осознали, что их не разрубят топором, и записка в букете содержит что-то приятное и универсальное. Но стало любопытно что.

— Что правда, что ли? — умиление в глазах женщины не проходило.

Правду Вася не знал.

— Конечно!

— И не думай о деньгах, ну сколько можешь, столько и зарабатываешь, я же, слава Богу, не за деньги с тобой сплю.

Василию снова стало дурно.

— А текст в записке отличный, и знаешь, хуже было бы наоборот. Тебе любая женщина скажет.

На Васиных мозгах можно было жарить бекон. Он стремительно

напивался, чтобы хоть как-то сбежать от реальности.

— Слушай, а подпиши ее, пусть хоть детям на память останется. Вырастут — отдадим в качестве рекомендации к употреблению.

Уши Васи горели, как кремлевские звезды. Теперь просто стало стыдно. Полупарализованными руками он взял записку.

«Ты мой лучший секс, я твой худший кошелек. Спасибо, что терпишь. С Восьмым марта!»

Пацанский подход

Подруге муж сделал подарок. Настоящий. Честный.

Можно, конечно, обвинить дарителя в эгоизме. Дескать, это безделушка самому себе, но давайте откровенно, мы всегда делаем подарки самим себе.

Ну вот купили мы женщине уют. Кому? Ей? А рубашки чьи?

Айфон? Так мы же в него будем слать всякий спам.

Бриллианты? Ну тоже себе, ну чего врать. Вы же будете ходить с женой по приемам, мило прятать глаза в ботинки и елозить губами по воздуху: «Ну да... Я купил, ерунда. Ой пустое, ну побаловал. Нет, не 0,9 карата, что вы!» (не ври — 0,9, единица сразу резко дороже, а сертификат ты уже три месяца на работе забываешь). Или на машину разорились, так ей же вас пьяного и придется возить, или пиво — тоже ясно кому.

Так что сиськи — не исключение. Но по опросу Евада-центр, именно это лучший из возможных подарков даме. Кстати, у него большое преимущество. При разводе хрен распилишь или отберешь. Мужчина уходит из семьи с одним чемоданом, а женщина с высоко поднятой новой грудью. Достойный и нужный знак любви. Два знака.

Встав с операционного стола, подруга моя тут же озаботилась, даже помрачнела. Грудь требовала аплодисментов. Правда, идеальная работа. Срочно нужно эту красоту показать. Кому-нибудь, а лучше всем, а она верная жена и благопристойная девушка. То есть любовника нет, а голые фотки в Инстаграм вешать — себя позорить. Домашний кот кастрирован. Остается лук в купальнике. Но не на озере же фотосессию делать. И глядки с турнепсом тоже не лучший локейшн. Дело было в мае, и в голову стремительно пришла мысль. Мальдивы. Пожелание было озвучено дарителю. Тот понял, что коробка к груди будет дороже груди, но остался мужиком и тут же согласился, сразу выдав кешем сумму. Однако после этого задал очень разумный вопрос: «А тебе лететь-то можно? И вообще путешествовать? Может, хоть через пару месяцев».

С момента операции прошло не так много времени.

Так как деньги были уже отданы, подозревать мужа в попытке малодушно скрысить поездку возможности не представлялось, да и скажем прямо, там товарищ такого масштаба личности, что в иерусалимский соккер не играет. Да и про подарок это я, конечно, литературизировал, он просто оплатил необходимое действие и позаботился о здоровье.

Грудедержательница по вышеуказанной причине таки решила сходить к врачу. Тот помял свою работу, потом помял свой подбородок, помолчал, сделал фотку рентгеновскую и слился куда-то из кабинета. Пришел через пять минут с благими вестями. Консилиум ехать разрешил. Скатертью дорога.

Жена примчала домой, схватила чемодан, накидала десять тысяч купленных под новый размер купальников и собралась в аэропорт. Муж пожелал удачи и отметил, что доктор их настоящий пацан. Туристка и грудь зависли. Что бы это значило?

Консилиума, как оказалось, не было. Доктор вышел из кабинета, позвонил мужу и спросил, что жене говорить, отпускать или пусть на даче красуется. Получив разрешение, суд Мальдивы одобрил.

Тост за любовь, дружбу и щедрых мужей.

Национальный колорит

У подружки муж из Нидерландов. Жизнь познакомила его с нашей бытовой коррупцией, но они с коррупцией не сразу поняли друг друга. Отмечу, что товарищ очень хорошо говорит по-русски, а вот чувствовать зов русской души еще придется научиться.

Первый раз он поставил в тупик работницу ветеринарного контроля в аэропорту, пытаясь вывезти из России кота. Многие знают, что легче атомный реактор протащить через границу, чем условного Барсика, к которому нужно приложить кучу документов, включая справку, что кот не находится на учете в психдиспансере и не имеет судимости. Причем срок действия справок, разумеется, пару часов, и поэтому получить все документы так, чтобы они были действительны, все равно невозможно.

В итоге NN с котом был остановлен на границе. Какая-то из девятисот справок была не действительная уже две минуты. NN попросил сжалиться, кот тоже попросил. Оба сказали, что будут благодарны. Наивный европейский юноша не знал, что в русском языке словосочетание «быть благодарным» имеет только одно кодовое значение.

Тетка ему что-то там поставила и спросила:

— Ну и где благодарность?

NN чуть ли не со слезой в голосе произнес:

— Большое, большое спасибо,— пожал руку, обнял еще раз, поблагодарил и пошел восвояси.

Его ожидаемо обматерили словами, значения которых он потом выспрашивал у домашних.

Рискну предположить, что ни один кот после нашего в тот день Россию не покинул. У котов нашли неоплаченные штрафы или незадекларированный мех.

Затем NN решил обзавестись российским паспортом на основании бытия мужем. Жена, надо сказать, получила паспорт Нидерландов за три дня. Наш герой прочитал список из требуемых документов и понял, что проще коту обрести российский паспорт, чем ему. Особенно порадовало получение справки из тубдиспансера. Как понятно, получать ее нужно именно там, куда ходят больные тем, чем будущий российский гражданин не должен болеть. Логично, что уж.

Собрав весь архив, он по совету друзей пришел в ФМС в районе пяти утра. У дверей стояло человек десять. NN обрадовался. Оказалось, десять

человек — хранители очереди, в которой числится население небольшой страны, и нужно каждый день в течение нескольких лет приходить отмечаться. Какую-то бабушку, пытавшуюся продать очередь, взяли с поличным и... (Сцены насилия и жесткости.)

NN внешне не походил на большинство страждущих паспорт и каким-то образом продрался к начальнице. Она завела разговор о бедственном положении всех сотрудниц данной конторы. Мол, им даже иногда к чаю не на что купить конфеты. Историю о конфетах она повторила дважды, представив в виде доказательств информацию о зарплатах своих коллег. NN сказал, что будет очень благодарен.

Он понимал, что спасибо теперь не прокатит, но почему-то буквально воспринял жалобу на отсутствие сладкого в меню у чиновников. Что он сделал? Тут не обойдется без Карла. NN сам дома испек торт! Торт, Карл!!! И приволок его на следующий день в ФМС. Паспорт уже был готов, и его не отдать не могли, но вот торт понимания не нашел. NN узнал новые слова из русского языка, чуть не попробовал лицом свою кулинарию и был оскорблен в лучших чувствах.

После второго провала NN понял, когда в России говорят «спасибо на хлеб не намажешь», масло дарить не стоит.

дом до свиданий

Такие истории случались где-то в двухтысячных и стали основой для целого ряда художественных произведений разной степени жестокости. Но эта все-таки еще и о любви. Каждый ее понимает по-своему.

Достаточно богатый человек по имени Вадим возвращался домой на Остоженку и вдруг почувствовал легкий тычок в свой достаточно дорогой автомобиль. Он не знал, насколько сильно и в какую сторону толкнет его жизнь бампер маленького типично женского «Пежо».

На момент ДТП Вадим был в разводе, но в отличие от многих собратьев по статусу, не мог найти в таком семейном положении никаких, казалось бы, очевидных преимуществ. Поэтому в пятницу вечером он не собирался чередовать наркотики с фрикциями, а ехал домой. Он планировал почитать, проверить на вкус новую кухарку, поболтать по скайпу с сыном, живущим в туманном городе, взглянуть на достижения венгерской порнографии (Вадим был настолько зануден, что смотрел ее всегда с самого начала и не перематывал) и, собственно, лечь спать.

Суббота ожидалась предельно насыщенной событиями. Компьютерные игры, легкий спорт, разбор почты и, если повезет, яркое пятно в виде поминок человека, которого надо навестить в гробу, так как ранее времени не было, а он злопамятный и точно пересчитает всех, кто не пришел. А зачем нужен такой недоброжелатель, отваливший на страшный суд первым? Мало ли, наболтает там лишнего... Тем более, на общем фоне беспросветного существования и похороны, знаете ли, повод для радости.

Вадим болтался между зрелостью и началом старости, то есть иногда думал, что ему 49. Реально ему было почти 56. К данному возрасту он подъехал с капиталом почти в 25 миллионов долларов, созданным без трупов и откровенных кидков; бизнесом, работающим почти без его участия: сыном, считай иностранцем, думающим, что папа живет в экране скайпа; ушедшими родителями; отошедшими друзьями и партнерами, их заменившими.

В общем, одинок был Вадим до слез, а еще скучен, умен, добр, несуразен и по-старому романтичен. Деньги, кстати, он тоже заработал от полной безысходности. В загулы его не брали, в запои тоже, даже в футбол в детстве играли без него. Никуда Вадима не звали. Творческого потенциала в себе он не обнаружил. Начал с юности пахать и думать головой. А в России это такая редкость, что почти всегда приводит к

финансовым результатам. Кроме того, Вадим справедливо считал, что деньги сделают счастливыми — нет, не его, разумеется, — а его будущую семью. Так и случилось, но после семи лет брака жена честно сообщила об угасших чувствах, взяла совсем немного денег в дорогу и вышла замуж по простой, как советские обои, любви. Любви к хорошему сексу. Об этом она сообщила Вадиму на каком-то из детских дней рождений, когда они оба напились и разоткровенничались.

Бывшие супруги после развода часто остаются друг для друга родными людьми, а это почти всегда рано или поздно приводит к плохому управлению и ненужной правде.

Я, как мог, описал тоскливого героя, и пора перейти к самой истории.

Итак, в Вадима въехали. За рулем он был сам, поэтому выходить для выяснения отношений пришлось тоже самому. Встретили предпринимателя слезами и баррикадой. Девушка в «Пежо», вероятно наслышанная, что бывает за царапину на такой машине, как у Вадима, вжалась в кресло, пыталась набрать страховую, умеренно плакала и не открывала дверь. Вадим округлым лицом и не сильно лысой головой кое-как внушил доверие, появилась щель в окне и туда он просунул белый флаг парламентария. Условия переговоров были следующие. Соня (так ее звали) ни в чем не виновата, спокойно ждем ДПС и расстаемся друзьями. На Остоженке была зима, а в «Пежо» — тесно и почему-то холодно, поэтому участники аварии переехали к Вадиму в салон.

— Куда торопились?

Вадим обладал удивительным качеством для достаточно серьезного бизнесмена — обезоруживающей непосредственностью.

Соня была, по понятным причинам, в несколько плохом настроении.

— Да куда особо.

— Пятница, вечер. Думал, только я никуда не тороплюсь.

— Те, кто говорят, что спешат, убеждают себя, что им есть куда спешить, а я не обманываю. Телевизор от меня не убежит.

Вадим ощутил эту странную вибрацию внутри. Мы ее все знаем. Так интуиция говорит, что встречаем человека, который неожиданно может стать близким.

— Соня, я так понимаю, у вас стакан всегда наполовину пуст? — Вадим понял, что хочет запомниться, как-то зацепиться словами за растерянную и поэтому особенно трогательную случайную знакомую.

— А для Вас?

— Смотря, кто наливает.

— Смешно, и кто Вам сегодня наливать будет?

— Сегодня телевизор. У нас с вами предельно романтическая ситуация, сюжет для кино. Встретились два телеодиночества.

— Встретились вообще-то наши машины... А вы водитель или владелец? — спросила Соня с некоторым кокетством.

— А что это меняет? — Вадим сказал это по-доброму, без какой-либо обиды, скорее пытаюсь удержать разговор.

— Всё. Если такая машина ваша, я прямо сейчас еду с вами смотреть телевизор. Даже если его нет. Шучу. Просто пытаюсь понять, вы из какой группы несчастных людей.

Соня сказала это без сарказма. Ей тоже хотелось удержать разговор, а иногда прямой удар — самый эффективный способ заставить человека обратить внимание.

— Несчастных?

— Ну вы умны и одиноки. Все же просто, если вы водитель, то слишком умный, если владелец, то слишком одинокий.

Вадим начал в Соне медленно тонуть.

— А может, я вру, пытаюсь как-то завязать контакт с красивой девушкой.

— Врать вы не очень умеете, извините.

— Обидно даже как-то. Машина моя, а Ваша? — откуда у Вадима проснулся юмор? Никто не знал. Даже машина, а она знала о Вадиме все. Он с ней делился.

— Моя нет.

— А чья же?

— Банка. Еще года три, потом станет моя. У вас есть банк?

— Нет, я его продал, там было слишком много чужих машин.

Соня улыбнулась и замолчала, Вадим не нашел, как разговор продолжить, и выпалил первое, что пришло в голову.

— А, кстати, хотите музыку послушаем?

— Я уже успела наскучить?

— Нет, что вы, просто вырвалось. Вы что любите?

— Сейчас момент истины.

— Почему?

— Близость возможна только между людьми с похожими музыкальными вкусами.

У Вадима от слова «близость» в животе взорвался набор юного энтомолога. Этот факт он тщательно пытался скрыть.

— Почему?..

Ну у меня целая теория, сейчас постараюсь объяснить, извините, если

сложными словами, мне они нравятся, а на работе как-то применять особо не удастся. Музыку мы любим бессознательно. На уровне инстинктов. Похоже на сексуальное влечение. Согласитесь, можно объяснить другому, чем хорош писатель, художник или скульптор, ну то есть убедить полюбить, и иногда это получается. А музыка либо нравится, либо нет. Извините за прямоту, стоит или не стоит. И ничего с этим не сделаешь. Это, так сказать, как сейчас модно говорить, наш самый тонкий мир. И если он у людей похож, значит, что-то общее у них может быть и на чувственном уровне. Я люблю U2. Но вы вряд ли.

Вадиму показалось, что подогрев сидений возомнил себя плитой. Про секс он вообще не мог ни с кем говорить, даже этого бы хватило для катастрофических волнений, а тут обожаемая им музыка и такая очевидная, но не приходившая в голову теория.

— Я тоже люблю U2... любимая группа.

Соня, смешав подозрение и азарт, посмотрела Вадиму прямо в глаза.

— Не обманываете?

— Нет, вот видите сколько альбомов с собой вожу. Сейчас, сейчас достану, вот «Joshua Tree», вот «Zooropa», вот «The Best».

Вадим с таким неподдельным простодушием стал доказывать свои музыкальные пристрастия, что, казалось, пробил Сонино недоверие к владельцам дорогих машин. Она первый раз искренне улыбнулась.

— Надо же. Вы для U2 вообще-то староваты.

— А вы молоды.

— Я всегда слушала музыку старше себя.

— А я младше.

Соня опять улыбнулась. Вадим вдруг поверил в чудо.

— Соня, а Вы что завтра делаете?

— Ничего особенного, а Вы?

— Я иду на похороны...

Вадим застрял — фраза прозвучала не то чтобы очень уместно. Повисла пауза.

— Вы хотите меня позвать на свидание на кладбище? Это более чем креативно. Боюсь, у меня нет подходящего наряда.

— Нет, конечно, я просто растерялся, а на кладбище и правда нужно заехать. Давайте выпьем кофе после моих похорон.

Как будто ветер сдул с Сони легкомыслие...

— Отличное название для романа. Вадим, Вы давно не звали никого на свидание?

— Ну... да. Давно.

— Можем сходить вместе на похороны. Я так понимаю, они для Вас формальны.

— Почему вы так подумали?

— Ну как-то вы не похожи на человека, потерявшего недавно кого-то близкого. Близких, мне кажется, у Вас вообще не так много.

Сказана была фраза с какой-то печалью, но без сочувствия. Скорее с поддержкой.

Вадим снял еще один слой брони.

— Не много. Это верно. А как Вы угадали?

— Теплые у вас глаза, а человек вы уже не молодой, как будто накопили и не отдали.

И еще один слой...

— Надо же, не думал, что у меня какие-то особенные глаза. Спасибо, как-то неожиданно, сегодня в глаза-то редко смотрят. И все-таки на похороны я схожу один, как-то странно туда прийти парой.

— А что? Я стану самой обсуждаемой новостью поминок, и все забудут про покойника? Вас снимает светская хроника?

— Нет, я не очень светский...

— Жаль. Всегда мечтала попасть в светскую хронику, пусть даже на похоронах. Ну тогда жду ваших предложений.

Лишившийся доспехов мужчина стремительно молодец, и первыми вернулись присущие ему с детства несуразность и растерянность — качества, за которые мы и любим по-настоящему.

— Я за вами заеду и мы... мы что-нибудь будем делать. Не знаю даже, что пока.

— Давайте и правда сделаем что-нибудь. А я согрелась. Хорошо все-таки, когда печка работает нормально.

Она сняла шерстяные перчатки и на безымянном пальце грустно блеснуло кольцо. Оно, как часто это бывает с такими кольцами, пыталось спрятаться, но не удалось.

Вадим застыл. Крылья бабочек осыпались. Соне стало неожиданно стыдно и неудобно. Она так привыкла, что мужчин ее кольцо скорее успокаивает, что забыла о возможной обратной реакции. А Вадим на глазах терял юность, возвращаясь в реальный возраст, но процесс шел неравномерно и в итоге в машине оказался старый мальчик, которого опять не взяли на каток.

— Мы не живем вместе, просто мой муж не самый простой человек, и мне пока не удастся развестись. Чтобы его не злить, я ношу кольцо, да и лишних предложений меньше.

Соня осеклась, но было поздно.

— Значит, мое лишнее. Извините, конечно, нужно было спросить.

— Ваше не лишнее. Это вы меня простите, я должна была сразу сказать, но как-то все быстро получилось. Правда простите, если для вас это неприемлемо, то я пойму, но мы действительно не живем вместе. Господи, что я несу. Мы же просто собрались увидеться. Короче, я не только водить не умею, как оказалось, но и на свидания ходить.

Соня смущенно, но с какой-то надеждой посмотрела на полностью вернувшегося в свои 55 одинокого человека. Вадим ответил одним из самых удивительных человеческих взглядов. Взглядом живого существа, ощутившего свою нужность.

В окно постучал сотрудник ДПС.

Через полгода они поженились. Вадим, обогащенный опытом бизнеса сложных девяностых, очень быстро разрулил ситуацию с Сониным бывшим уже мужем. Да так, что Соня осталась еще и со значительной по ее понятиям суммой денег. Мальчишки, которых сверстники не берут играть в футбол, иногда вырастают в акул.

Однажды Соня услышала, как Вадим разговаривает с теми, кого считает врагами. Это было одно из самых больших удивлений в их совместной жизни, потому что в остальные дни с ней был все тот же несуразный старый мальчишка с первого свидания. Соня стала свободной и, главное, финансово независимой. После этого Вадим, который, может, и имел некоторые сомнения в ее мотивации, не долго думая, сделал предложение. Он прямо и четко сказал, что в таком возрасте все понятно с первых трех встреч. Как с музыкой. Либо да, либо нет.

В ответ Соня улыбнулась и согласилась, хотя странный ветер опять подул в ее лицо.

Она была бесконечно права: музыка и секс. Эти две материи очень сложно обмануть. Практически невозможно, если ты не гений лжи.

Необычная для двух абсолютно немодных людей любовь к модной группе и непрекращающееся физическое притяжение опять же двух далеких от Камасутры мужчины и женщины спаяли их судьбы больше, чем это могли бы сделать интеллект, деньги или уважение. Вадим однажды спросил Соню:

— А музыка и секс всегда переплетаются? То есть как ты думаешь, если людям нравится одна и та же музыка, между ними обязательно будет страсть?

— А у нас страсть?

Соня засмеялась.

— Да шучу, ну знаю, нам же хорошо вместе и музыка нравится одна и та же, значит, работает моя теория.

В постели им было и правда хорошо. Не страстно, Соня не шутила, а просто легко, приятно, свободно и тепло. Есть такая глупая фраза — хороший любовник. В ней все фальшиво. Это всегда зависит от двух людей и их воздушных переплетений.

Итак, совершенно неожиданно перед самым наступлением ранней старости Вадим стал счастлив. По-настоящему. Он был нужен, его любили, он в это верил. И, как часто это бывает, несчастье не заставило себя долго ждать. Сердце. Неотложка его вытащила. Но вскоре врачи сказали, что нужно сделать не самую сложную, но все-таки рискованную операцию.

Вечером Соне позвонили с закрытого номера, подул ветер. Утром она поехала на встречу.

— Соня, сейчас самое удобное время. Тебе повезло, контракт закончится раньше.

Сергей Петрович, как и в первую их встречу, был весел, легок и совершенно беспощаден в выражении своих казавшихся искусственными глаз.

Соня вспомнила, как он буднично предложил ей необычный контракт. Брак с хорошим человеком и 30 % наследства после его ухода. Никто не говорил об убийстве, но почему-то Сергей Петрович уверенно предсказывал недолгую семейную жизнь.

В этом же ресторане она впервые изучала его жизнь, музыкальные и сексуальные пристрастия, любимые книги, характеристики бывших подчиненных, слушала запись телефонных разговоров и уже тогда начала испытывать к нему какую-то симпатию. Ну какую могла. Несколько прошлых личных историй избавили Соню от каких-либо сантиментов или рефлексий. Она верила только в себя и в наличные деньги. Цитата старая, но верная.

— Вы его убьете?

— Нет, конечно, просто несчастный случай на операции. Мы стараемся не особенно торопить время, но, если все складывается, то чего тянуть. Все договоренности в силе. 30 % наследства оставь себе, остальное мы выведем, скажу как. А что, ты уже привязалась? Так бывает в первый раз... Да и потом он и правда неплохой мужик. Даже странно, что это так в итоге никому и не понадобилось... Молодой человек, я определился — буду «Вителло Тонато».

Профессионалом был Сергей Петрович. Никаких дребезжаний.

— Да, наверное... Вы правы. Он хороший человек. Я привязалась, что

ли, это U2 еще. Сама теперь слушаю каждый день. Слушайте, а можно...

— Контракт отыграть назад?

— Глупый вопрос, понимаю... Автокатастрофа для двоих?

— Ты о нас плохо думаешь. Мы же не звери. Тем более, повторяюсь, у тебя первый опыт. Можно было предположить, что ты не справишься. Отыгрывай. Расскажи ему все.

От Сергея Петровича остались только бездонные глаза, и две пропасти посмотрели прямо на Соню.

— Он от этого сам умрет. Нам работы меньше. Он же почти год уже в абсолютном счастье. Поверь, если ему сейчас дать право выбора, он сам с анестезией нахимичит, чтобы только ничего не знать и уйти счастливым. Ему 56, он любим, по-настоящему любим, как ему кажется, мы со всех сторон его проверяли, даже в самолете попутчик его разболтал. Он тебе абсолютно верит. А в твоём лице — всему миру.

Соня как будто поняла, что такое быть всем миром для одного человека, ноша, которую не очень хочется нести. Сергей Петрович продолжил:

— Да я знаешь сколько бы отдал на его месте, чтобы меня так развели, и я бы спокойно умер в иллюзиях. И еще пойми, его смерть никого не огорчит. Понимаешь? Вообще никого. Ты не в счет. Так что все счастливы будут. А ты хочешь его сжечь заживо, изнутри. А зачем ему тогда жить вообще потом. Или думаешь просто промолчать, что-нибудь придумать? Так не получится. Уж прости. Будешь юлить, мы все сами ему сообщим, и еще на этой информации в доверие войдем, ну а тебе, тогда извини, на операцию придется лечь.— Профессионал был настроен решительно, он говорил, как человек, идущий ва-банк, с какой-то одержимостью.— Хочешь, завтра ему все расскажи. Давай. Мы тебя тогда не тронем. Ты достаточно уже нам дала информации, придумаем, как с деньгами вопрос решить. Отработаешь нам по-другому. Ты же все-таки гений. Ты мне вот что скажи, ты его любишь хоть немного?

— Не знаю... может, и люблю немного. Я не думала, что так тяжело будет...

— Тяжело. Если готова правду сказать всю, скажи. Вот соберись с силами и скажи. Но если ты его хоть немного любишь, ты не скажешь. А не полюбить ты его не могла за это время. Пойми, любящие правду не говорят.

— А если скажу правду, вы его не убьете?

— А будьте добры кофе американо с холодным молоком,— Сергей Петрович легко переключался.

— Нет, не убьем. Точно не сейчас. Если он, конечно, сам от этого

разговора не умрет. У него слабое сердце. Поэтому и взяли его в оборот.

— Сергей Петрович, вы в загробный мир верите?

— Ночью верю, днем нет, а что?

— Как вы думаете, а там ему правду скажут?

— Боишься — стыдно будет. Там точно нет. Там ведь любят, а любящие правду никогда не говорят, я же уже тебе сказал. Правды в раю не бывает, а он, судя по всему, туда попадет. Да что же они сахар-то так долго несут.

Вечером перед операцией Соня села на диван в гостиной, взяла мужа за руку и встала на канат:

— Вадик, я поговорить хотела...

— Не бойся, если я вдруг умру, все распоряжения уже даны.

Он смотрел на жену глазами мальчугана, сбежавшего к доброй бабушке от злых родителей.

— Ты что, дурак? Ну как ты можешь об этом говорить!

Соня не смогла смотреть в эти детские глаза, ей показалось, что ребра ее начали сжиматься, как тиски. Вадим продолжил.

— Знаешь, я подумал, не так и плохо было бы тихонечко во сне отчалить. Не сейчас, конечно, хотелось бы, а то совсем с тобой не наговорился. Ну хотя бы еще лет десять нам пожить, но вот в остальном, правда, задумался, как бы так умудриться счастливым умереть, а это для меня значит с тобой рядом, но до тебя.

Сонины ребра ломались и разрезали все внутри. Вадим был даже какой-то мечтательный.

— Вадик, ну прекрати, я заплачу сейчас...

— Слушай, а пока ты там не задала свой вопрос, можно я свой, только вот честно?

— Можно, конечно...

— Ничего же нет на свете лучше, чем музыка U2? Ты правда так считаешь? Мне это очень важно.

Соня поняла, что либо она сейчас скажет всю правду, либо потом будет еще сложнее... Оказалось, правду сказать просто нечем. Нет сил, да и она стала сомневаться, что правда — это хорошо, и в том, что U2 — это не лучшее на свете.

— Правда... Ничего нет лучше.

— А что ты хотела спросить?

Соня смотрела на светлого и чуть печального мужа и вдруг поняла, что имел в виду Сергей Петрович, говоря про любовь.

— Да я тоже про U2, просто, мало ли, ты меня тогда надул и уже год

мучаешься, а сейчас можешь сознаться, что любишь Лепса.

— Соня, ну откуда ты все узнала?! Именно Лепса, но я специально подставился под твою машину, до этого все о тебе изучил, и затарился U2, музыка и секс же. Да, кстати, я оргазм симулирую все это время. Как мне кажется, весьма качественно.

Вадим рассмеялся и уже сам взял Соню за абсолютно холодную руку.

— Я люблю U2, и мне хорошо с тобой.

На следующий день Вадим не очнулся от наркоза. Соне дали на него коротко взглянуть и сказали, что будет вскрытие и разбирательство. Он как будто спал и улыбался во сне.

Вечером Соня пила водку из горлышка. Потом она подошла к окну. Восемнадцатый этаж. Внизу магазин цветов. А красиво будет. Точно попадет в светскую хронику. Она подумала, как это комично: закончить жизнь в цветочном магазине — и загадала упасть не на кактус. Больно все-таки. Потом встала у самого края, вспомнила улыбающееся лицо навсегда уснувшего Вадима, прозрачные глаза Сергея Петровича, еще раз обо всем подумала, пропустила весь этот год через то, что осталось от сердца, и сделала шаг.

Шаг назад.

Нет, ну правда, нелогично лететь несчастной, когда ты только что ошастливила кого-то. Соня закрыла окно, вернулась в темную гостиную, включила свет, за столом сидел Сергей Петрович.

— Ну и молодец, что не прыгнула. Оправдала, так сказать, возложенные надежды. Я бутылку коньяка хорошего выиграл.

Он хлопнул в ладоши, как тренер победившей детской команды.

— Теперь тебе можно и серьезный проект дать. Где у тебя кофемашина?

— Кофемашины нет.

Соня наконец упала в обморок.

Через пятнадцать минут кое-как сваривший себе что-то похожее на кофе Сергей Петрович закончил мотивационную лекцию.

— Ты пойми, нам надо было, чтобы ты все сама решила: и молчать, и скайдавингом сейчас не заниматься. У нас работа для искренне верующих. Тут фальшивить не получится. Подарить счастье — это тебе не на пилоне кружиться. Вот ты почему не прыгнула? Страшно?

— Страшно... но не поэтому. Я вдруг поняла, что наконец кого-то сделала счастливым. Я всю жизнь этого хотела и вот... Поэтому решила, что не стоит из-за этого в окно выходить.

— Вооот. Это главное. Я так и думал, что меня поймешь. Я вот пока

никого счастливым лично не сделал, а ты уже. Целого, живого человека сделала абсолютно счастливым.

Редко, кто умел весело и легко произносить фразы, от которых застывал воздух в легких. Сергей Петрович умел.

Соня воздухом не управляла, поэтому вдруг задала абсолютно детский вопрос:

— А если бы я все ему рассказала, что бы было?

— Сказка закончилась бы хорошо. Вы бы умерли в один день. Обманул я тебя в кафе, как ты понимаешь. Но я сразу понял, что не скажешь, как только он сам разговор завел и про U2 спросил.

— Вы все слышали...

— Соня, мы с серьезными деньгами работаем, а иногда с секретами всякими нехорошими. Мы не можем рисковать. Прости, ничего, как говорится, личного. Я и так с тобой заигрался немного, но мне действительно нужны те, кто верит в то, что делает. Знаешь, если бы ты ему рассказала, значит, ты и правда конченная. Нельзя свою карму любить больше, чем счастье близкого человека. Ему сейчас хорошо. Сто процентов лучше, чем нам. — Беспощадный человек говорил так легко, как будто речь шла о санатории.

— Но вот знаешь, чего у него там нет? Кофе. Будешь?

Если бы у Сергея Петровича был бы при себе магнитно-ядерный томограф, он бы увидел, как внутри Сони практически завершились изменения на каком-то клеточном уровне и его жестокий, но честный эксперимент завершился.

— Кофе не хочу, а что за новый проект?

— Двадцать третье место известного журнала?

— Какого журнала?

— «Новости собаководства». Ну «Форбс» — какого еще. Недавно стал вдовцом, так что, у вас много общего.

— Вы и его?..

— Да ты маньяк, Соня. Нет, конечно.

— Опять через ДТП знакомиться?

— Еще не придумали. Может, на кладбище познакомитесь? Ты же с Вадимом тогда, по-моему, в итоге не пошла на свидание после его похорон.

Сергей Петрович хохотнул и посмотрел пристально в глаза. Он просто сделал контрольный выстрел. Проверил, осталось ли чувство юмора. Игры словами и смыслами были его любимым развлечением и идеальной проверкой.

Соня выбрала улыбнуться.

— Сергей Петрович, а как у него с музыкой?
— Лепс.
— О господи.
— Шучу. «Pink Floyd». «Wish you were here»...
— Скачаю. Слушайте, а с «Depeche Mode» никого нет?
— Есть, но мы их тебе не дадим. Ты их точно пощадишь. Эта музыка для тебя сильнее денег и принципов. Я про тебя все знаю, хотя не понимаю, что ты в них нашла. А «Pink Floyd» прям молодцы. Да ты точно слышала. «Another brick in the wall».

— Слышала, но полюбить надо. А можно несколько глупых вопросов.
— Тебе можно.
— Вы сами в любовь верите?
— Любовь — дело молодых, лекарство против морщин.
— Хорошо сказано. Что-то знакомое или сами придумали?
— Н-да. Понятно. Так мы «Форбс» не возьмем. Нет, это не я придумал, точнее, я немного фразу переделал, думал, ты поймешь. Не важно, поэт один сказал. Не суть. Я в любовь не верю, поэтому люблю свою жену. Сильно.

— А она вас?
— Спроси ее после моих похорон. Я уж точно не очень хочу знать правду. Дай угадаю следующий вопрос. Да, мы любим одну и ту же музыку.

Он подмигнул и допил кофе.

— Допрос окончен? А то у меня randevu намечается.

— Последний.

— Ну давай.

Сергей Петрович уткнулся в телефон и улыбался собеседнице в экране.

— А мы с Вадимом там увидимся?

Сергей Петрович не отвлекался от веселой переписки, но лицо его потеряло налет беззаботности, он как будто утвердил позицию в договоре:

— Он с тобой — да. Ты с ним — нет.

Сергей Петрович допил кофе, встал, не отвлекаясь от телефона, дошел до двери, собрался попрощаться и вдруг ощутил на себе пристальный Сонин взгляд. Взгляд, от которого даже у него кровь потекла по венам чуть медленнее.

— Что ты так на меня смотришь?

— Знаете... Вы меня многому научили, изменили даже... Я стала на многое готова. Но я подумала, я не готова убивать...

Она замолчала, но было понятно, что фраза не окончена. Их глаза сцепились, воздух сжался, из крана на кухне капнула вода, грохот был такой, как будто разорвался снаряд, но они его не слышали. Соня выжигала своего учителя взглядом, и он не мог защититься. Просто горел. Она подошла ближе и прошептала ему в ухо:

— Я не готова убивать.

И медленно добавила:

— За тридцать процентов.

Кадык Сергея Петровича дернулся. Ему стало страшно.

Деньги маленького мальчика

Деньги я любил с детства. Это чувство проснулось во мне в момент стояния в углу в возрасте лет десяти. Наказан я был за следующий проступок: приобрел игрушечную пожарную машину на «трешку», данную мне на покупку еды в универсаме. Мы жили небогато, но я ни в чем не нуждался. Наказали же за растрату без разрешения. Итак, я стоял носом в стенку, думал о природе денег, их значении в моей несчастной жизни и твердо решил начать зарабатывать. Трудился на износ, а именно объехал всю многочисленную родню (вот ведь время было, один через весь город, никто не боялся отпускать) и дипломатично подвел всех к необходимости пожертвовать мне рубль в счет подарка на день рождения, до которого оставалось полгода. Убеждать я умел, и слабая нервами ленинградская интеллигенция сдалась.

Собранное было поменяно на красный, как закат, червонец. До сих пор помню вожделение, с которым я на него смотрел. Кажется, мои чувства носили даже сексуальный характер. Недавно, увидев где-то этот бледно-розовый тотем, я испытал такую же дрожь в солнечном сплетении, как бывает при совершенно иных обстоятельствах. «Десятка». Я помню все ее скрипы и шелесты. С купюрой я не расставался ни на минуту. Через пару дней ее отобрали у меня какие-то невыездные гопники. Мне даже удалось врезаться одному перед тем как побежать, но меня догнали и разгрузили на шапку, модный пенал и содержимое карманов. Я шел домой по лужам Веселого поселка и плакал. На следующий день я записался в спортивную секцию. Бега.

Но начнем про реальные заработки.

Мне 11 лет. Лето я проводил на даче, заняться было особо нечем, а в сельпо продавалось много интересного и отчаянно нужного. От безысходности начали с другом собирать бутылки. А кто не собирал?! Двадцать копеек за штуку. Пять бутылок — рубль. Один рубль — эээх! Ну вы помните. Окружные леса никогда не пребывали в такой чистоте, как после наших походов. Людей, разбиравших бутылки, я ненавидел всей душой, а тех, кто их выбрасывал, считал глупцами. Я начал жить, измеряя капитал любого человека количеством бутылок. Даже мамину зарплату младшего научного сотрудника я перевел в стеклотару и визуализировал. Я стал просить покупать мне омерзительный нарзан вместо пепси-колы. Родители удивились, но радостно пошли навстречу. Давясь соленой

гадостью, я помнил, что эта бутылка при сдаче стоит на десять копеек дороже. Иногда в лесах мы находили такой стеклянный антиквариат, что приемщики подозревали нас в ограблении музея раннего палеолита.

В общем, мальчики сошли с ума. Надо сказать, что в трех километрах от дачи, где я жил с прабабушкой, находилась дача моего дедушки по еврейской линии, крупного строительного начальника. На выходных я регулярно являлся туда с лицом, выражающим безмерные страдания и очевидную потребность в деньгах. Воспитывали меня в строгости и домой отправляли сытым, но таким же бедным.

День рождения у дедушки был летом и отмечался на даче с большим размахом. Дефицитные деликатесы украшали богатый стол и доводили меня до невроза. Однако в тот день, о котором идет речь, я не обращал внимания на копченую колбасу и красную икру. Меня интересовали бутылки, места скоплений которых узнавались мною по запаху. Еще до начала застолья я подсчитал свою завтрашнюю выручку и осоловел. Это был первый раз, когда я хотел, чтобы праздник поскорее закончился. Мне не терпелось получить активы в собственность. Когда наступил черед Наполеона и стало понятно, что опустошены все принимаемые в СССР бутылки, я вылетел из-за стола, примчался на кухню, куда уносили все, что мешало в столовой, и начал складывать стеклотару в припасенную сумку безобразного вида. Праздник был веселый, и мои копания в мусоре никто не заметил. Наконец я собрал все богатство и решил откланяться, так как тащить ночью три километра огромную звенящую сумку не хотелось. Как истинный сумасшедший, я боялся ограбления. Удивительно, как мы теряем разум, занимаясь накопительством и стяжательством, идя на жертвы, чаще всего несоизмеримые с ожидаемым результатом.

Провожать любимого внука собрались все участники банкета, дедушка шел последний. Каждый гость, выходявший меня поцеловать, застывал, разглядывая сумку с бутылками, стоявшую рядом с тщедушным мальчонкой, уходящим в сумерки. Разум, замутненный стеклом, постепенно стал ко мне возвращаться, и я осознал потенциальные интерпретации данной мизансцены. В глазах общественности состоятельный дедушка выглядел окончательным Плюшкиным, который заставляет внука переть на себе обоз с бутылками, чтобы дать хоть как-то заработать ему на пропитание. Сумка была чуть ли не с меня размером, но в ней едва ли набралось на пять-семь рублей. Колбаса и икра на столе стоила значительно дороже.

Гости медленно стали поворачиваться к хозяину праздника. Ожидались едкие шутки, особенно на тему отношения в еврейской семье к

русскому внуку.

Дедушку я любил и опозорить его не мог.

— Дедуль, а где у тебя помойка? Я хоть бутылки вынесу, польза от меня будет.

Сердце обливалось кровью, но лицо было безмятежно-беззаботным. Тем более я знал, что помойка где-то далеко, и рассчитывал, что никто меня провожать не пойдет.

— Спасибо. Может, посидишь еще? Наполеон вкусный, арбуз, куда тебе спешить?

Душа рванулась, но бизнес есть бизнес.

Неожиданно один из гостей сделал шаг вперед и хладнокровно убил меня:

— Да оставь ты бутылки, Санек. Я в город отвезу на машине, сдам, пропьем с твоим дедом, чего добру пропадать.

Главное было не зарыдать. Огромные, грубые ладони взяли в охапку эти нежные цветки и вместе с кожей оторвали от меня.

Я шел домой через туманные, покрытые августовской ночью токовские холмы и плакал. Маленький обездоленный мальчик с тонюсенькими ногами, вставленными в тяжелые разваливающиеся сандалии, у которого только что отобрали последние деньги, а с ними — последнюю надежду. Мир казался мне катастрофически несправедливым и бесконечно жестоким. Насладиться летней прогулкой налегке в голову мне не приходило. А ведь сколько счастья было в той теплой ночи беззаботного детства, да и деньги мне были, честно говоря, не нужны. Про упущенный «наполеон» я вообще молчу.

Удивительно, как мы теряем разум, занимаясь накопительством и стяжательством, идя на жертвы, чаще всего несоизмеримые с ожидаемым результатом.

Вспоминая ту летнюю драму, дедушку, который ушел не так давно, но уже навсегда, детство, сбегавшее, словно ветреная любовница, мне подумалось: а сколько я бы сейчас отдал за машину времени. Сумма мне известна, она равна той, что я готов буду отдать через двадцать пять лет за полет в сегодняшний день. Но я же здесь. Так зачем платить. Вот он день, в который я захочу вернуться. Это его воздух. Вокруг его люди.

Я не попаду назад, я не буду платить в будущем. Взаимозачет.

Но прочь рефлексия, следующая история. Очистив токовские леса от всех пустых бутылок, я не сильно приблизился к Рокфеллерам и решил самодиверсифицироваться. Но чем заняться? Руки у меня обе левые и растут прямо из жопы, физической силой не обладаю, фарцовать в

садоводстве некому и нечем. Я правда попробовал рубить за деньги дрова, но на второй день топор слетел с топорница, чуть не убив увернувшегося работодателя и разбив окно в его бане. Все шло к возврату в бутылочный кластер. Но вдруг в моей голове родилась мысль.

Жили мы на полуострове, окруженном дивными холмами значительной, по карельским понятиям, высоты. Зимой даже горнолыжники тренируются. Виды такие, что дух захватывает. Но у холма есть один недостаток: на него тяжело влезать. По старой советской традиции, магазины и другие блага цивилизации удобно разместили на вершине, а дачи у подножья. Хочешь в сельпо — идешь час в гору. А неохота.

Лень. Сакральное русское чувство. Наша лень совершенно иррациональна. Лень наклониться в душе за упавшим шампунем — будем полчаса пытаться поднять его пальцами ног. Лень взять корзинку в супермаркете — будем нести в руках тысячу мелочей, бесконечно их роняя и матерясь. Лень вызвать мастера — сами что-то прикручиваем, приклеиваем, присобачиваем, пока все окончательно не сломается. Лень ходить к врачам регулярно — ждем, пока прижмет, и тратим в итоге в десять раз больше времени и денег. Лень работать — бесконечно празднуем и боготворим проблемы США. И так далее.

На мое подростковое счастье, ряду соседей было лень таскаться на гору, и мое предложение осуществлять доставку продуктов за «долю малую, но справедливую» нашло своего клиента. Но и меня сгубила лень.

Составив список пожеланий и получив финансирование, я сел на велосипед «Украина» и отправился в путешествие. Покупок набралось много, но ехать два раза мне было, как вы понимаете, лень, и я решил, что как-нибудь все привезу сразу, тем более, деньги я еще не заработал, но уже потратил.

Тоже, кстати, особенность нашего менталитета — отсюда популярность кредитов под космический процент на космическую херню. Устроился на работу, посчитал, сколько получишь за десять лет, и сразу все потратил. Уволили — сидишь критикуешь правительство и ненавидишь банкиров.

Но вернемся к моему бизнесу.

Я все купил и кое-как распахал товар по велосипеду. Небольшая детализация. Двухколесное средство передвижения с неполиткорректным по нынешним временам названием было огромным, а я, напротив, — ростом с бублик. Мои ноги доставали только до педалей, но я научился запрыгивать на велосипед, как Боярский на лошадь. В цирке выглядел бы

забавно — этакий суслик на самокате, а вот на шоссе создавал своим плохоуправляемым агрегатом множество проблем. А тут еще куча кульков, неимоверным образом примотанных к заднему багажнику, мешок, висящий на правой стороне руля, и бидон с молоком, уравнивающий его слева. Даже для шапито перебор. Особый шик картине добавляли синие тренировочные с незабвенными бретельками. Вспоминая моду СССР, я понимаю, почему секса в той стране не было. И большевиков погубили джинсы, а не ракеты. Уверен.

Итак, я еду. Равновесие держу с трудом, но мысль все-таки разделить ношу на две ходки гоню как можно дальше. Неожиданно бретелька тренировочных попадает в цепь. Ногами до земли я не достаю, ручного тормоза у велика нет, куча скарба на руле во главе с полным бидоном ситуацию не упрощает. Качусь по инерции, думаю, что делать. Метрах в тридцати от меня остановка сельского общественного транспорта. Людей на ней больше, чем физически может влезть в любой автобус, и все это понимают, так что стоят плотно у края и в дождь, и в зной. Автобус в город ходит регулярно, два раза в день, поэтому кто не влез, тот идет пешком три километра до электрички, и там аттракцион повторяется. Маршруток нет в принципе, машин у людей в основном тоже. Так что стоим, товарищи, и не жалуемся.

Перед остановкой лужа широкая, как Волга. Асфальт положили плохо, автобусы тяжелые и колесами выдавили яму, заполняемую водой частых ленинградских дождей. Мой велосипед начинает терять скорость, решения у меня в голове так и нет. На глазах изумляющейся толпы я въезжаю в самый центр лужи, останавливаюсь и закономерно валюсь в это озерцо со всем товаром.

Я — в грязной воде, на мне — велосипед, сверху — россыпью ВСЬ ассортимент деревенского магаза: пародия на макаронизированные «пиздецы» из «твердых» сортов пшеницы, позапозапрошлогодняя картошка, похожая на прошлогоднюю сливу; серая булка, видевшая Ленина; стальные сушки, размокающие только в кислоте; синяя, как тренировочные, и очевидно умершая своей смертью курица; леденцы с неотдираемой оберткой. Все это залито двумя литрами молока. Хорошего молока, так как оно от недобитого колхозниками кулака.

Падение мое тянуло на «Оскар» и было встречено бурными продолжительными аплодисментами стоящих на остановке. Лежу.

Помочь особо никто не торопится, так как лужа глубокая, да и место у края остановки терять не хочется. Тренировочные плотно зажаты цепью, велосипед тяжеленный. Мокро, обидно, больно, безнадежно.

Именно в эту минуту подъехал автобус. Водитель остановился перед лужей, в которой, как в ванной, развалился я, высунулся из окна и крикнул:

— Уберите этого идиота от остановки, иначе вообще двери не открою, пешком в город пойдете.

Какой-то тучный мужик спешно снял сандалии, зашел в лужу, поднял меня с велосипедом, оторвал кусок тренировочных, выкинул обоих на обочину и побежал, расталкивая толпу, к дверям автобуса, который безжалостно раздавил заказ моих замечательных соседей. В оборванных трениках с разодранным локтем я смотрел на отражение белых облаков в молочно-серой воде, размышлял о природе лени, мечтал о дефицитном велосипеде «Кама» и думал о том, как найти деньги, чтобы расплатиться с инвесторами.

Не влезшие в автобус стали расходиться, оставив после себя любимые мною бутылки. Я подумал: «Ну ее, диверсификацию». Надо развивать ключевую компетенцию и не вкладывать в непонятные стартапы. За неделю я собрал бутылок достаточно, чтобы компенсировать потери от провала в бизнесе по доставке. От судьбы не уйдешь. Кто-то должен был собирать стекло в готовящейся разбиться вдребезги империи. Так закончилось лето, мне исполнилось двенадцать, и на день рождения мне подарили копилку. Тут-то я и сошел с ума. Опустив в классического борова первую монету, я сразу же лишился рассудка. Откуда-то взялась патологическая жадность и развился слух. Тратить деньги я перестал в принципе, а звон выпавшего из кармана чужого медяка я слышал за несколько километров. Мне до дрожи в пятках хотелось поскорее наполнить свиноподобный сундучок и посчитать сокровища. Я даже начал взвешивать копилку на безмене, чем немало озадачил родителей, которые не понимали, как можно перевести силу тяжести в деньги. Незадолго до окончательного заполнения фарфоровый сейф переехал ко мне в кровать. Я засыпал и просыпался с ним в обнимку, так как боялся, что чудовища, вроде бы переставшие жить под кроватью уже как пару лет, вернуться и украдут накопленное.

Наконец наступил день М. Я торжественно расколотил ларец, растекся между монетами, облобызал каждую, посчитал несколько раз, разложил по номиналу и увидел нирвану всеми доступными на тот момент глазами. Ненадолго вернувшись в реальный мир, я задумался, как же это все поменять на бумажные деньги. Пришлось обратиться к бабушке, которая умилилась малолетнему скряге и согласилась помочь. Следующим вечером она сообщила, что обмен произошел, но попросила эти деньги на пару дней в долг. Я был горд. Профинансировать практически главу семьи. Это ли не

верх могущества. Проценты брать не стал. Еще через день бабушка попала в больницу, о чем я узнал из случайно услышанного разговора родителей.

Я, как мне кажется, не самый плохой человек и точно был хороших ребенком. Меня близкие любили, и я их любил, заботился о них, рисовал открытки, читал с табуретки стихи, писал про семью в стенгазете, гордился, ценил. Но в тот момент, когда я услышал о бабушкином несчастье, темная сторона силы сдула все ростки добродетели с поверхности моей души.

«А что будет с моими деньгами, если...» — я возненавидел эту мысль, как только она появилась, и загнал ее в самый дальний угол головы. Но и оттуда она сверкала пурпурно-фиолетовым. Нет, я, конечно, переживал, даже плакал, но мысль-то проскочила. Мне стало очень стыдно, мерзко и противно из-за ее рождения. Ох эти метания порядочного человека, которые так отравляют спокойное совершение непорядочных поступков.

На мое и общее счастье скоро выяснилось, что жизни бабушки ничего не угрожает, и я вновь начал ощущать себя достойным сыном своих родителей, пока опять же не подслушал о потенциальных проблемах с памятью после случившегося.

Если в вопросах жизни и смерти свет, разумеется, победил и я не думал о деньгах, кроме первой молнии сомнений, то вот сейчас дьявол реально занялся мною всерьез, и он был в мелочах, точнее, в мелочи.

Я живо представил себе, как здоровая и невредимая бабушка возвращается домой. Все счастливы. Она все помнит, кроме своего долга. Воспаленное воображение нарисовало мне именно такую картину частичной потери памяти.

«Лучше она бы что-то другое забыла, например про тройки в четверти или про разбитую вазу, но ведь не вспомнит именно про деньги, уж я-то чувствую» — пару дней я провел, подробно изучая амнезию по имевшейся в доме медицинской литературе. Полученные знания меня не порадовали. Настроение ухудшилось до предела.

Ждать исхода не представлялось возможным, и я напросился на визит в больницу. Разумеется, признаваться в посещавших меня страхах в планах не было, но как-то прояснить ситуацию с бабушкиной памятью хотелось.

По дороге я провел разведку.

— Папа, а что, бабушка может про меня совсем забыть? — голосом полным трагического сочувствия, поинтересовался я у хорошего врача.

— А что ты натворил? — без тени сомнения в моей сентиментальности отреагировал хороший отец, знавший, с кем имеет дело.

— Я ничего, просто так спросил,— изобразить научный интерес очевидно не удалось.

— Ты не волнуйся. Я, если что, про тебя напому,— после этой фразы я замолчал до самой палаты.

— Ну вот вы зачем ребенка в больницу притащили? — бабушка была достаточно бодра.

— Сам вызвался,— порадовал папа.

— Спасибо, Сашуль, мне очень приятно. Как дела?

А вот мне не было очень приятно. Вновь стыд и самобичевание.

«Спроси, спроси ее про дни перед больницей»,— шептал в ухо внутренний демон, державший в руках коньки, на которые я собирал деньги.

— Хорошо,— выдавил я.

— Очень твоей памятью интересовался,— огрел дубиной и меня и демона смеющийся отец. Я мгновенно вспыхнул.

— Моей памятью? — удивилась бабушка.

Я ненавидел себя, весь мир, деньги, коньки, копилки и особенно папу.

— Ага, вероятно рассчитывает, что ты о чем-нибудь забудешь. Уж слишком тревожный голос у него был, когда спрашивал,— отец упивался моментом, не подозревая, насколько противоположными по сути были его подозрения.

— Слушай, а может, у меня и правда с памятью проблемы? Саня, напому, что я должна забыть? Я не буду ругать, просто я грехов за тобой не помню последнее время.

Если бы я тогда знал, что такое сюрреализм, то точно бы охарактеризовал ситуацию этим словом.

— Ты ничего не должна забыть! Я просто так спросил, когда услышал про болезнь! Я же все изучаю! — я уже почти рыдал, но это была правда. Я практически жил внутри Большой Советской Энциклопедии, если вдруг узнавал о чем-то новом.

— Да ладно, успокойся ты, ну забыла, значит, забыла. Считай, что тебе повезло,— с улыбкой на лице попыталась меня успокоить бабушка.

На этой фразе даже демон внутри меня начал смеяться. Я же был готов взорваться на месте: «Повезло?!»

— Я пошел в туалет,— дрожащим голосом, полным обиды и разочарования, я прикрыл свой отход.

«Деньги — зло. Я тону во вранье. Я больше никогда, никогда...» — и далее целый список, заканчивающийся клятвой не давать в долг больше, чем готов потерять. Вот такие мысли крутились в моей голове все дорогу

из больницы домой.

Вечером папа сдал мне мелочь, как это периодически происходило последний месяц, и спросил:

— Когда копилку-то разбиваешь?

Мне стало совсем нехорошо. В списке «никогда более» ложь находилась на первом месте, а рассказать отцу о судьбе накоплений в нынешних обстоятельствах означало бы катастрофу. Редко когда осознаешь полную безвыходность положения. Похолодевшими губами я пролепетал:

— Я ее уже разбил, так что мелочь больше не нужна. Спасибо.

— О как, и сколько насобирал? — не отвлекаясь от книжки, поинтересовался отец.

Его равнодушие так диссонировало с бурей внутри меня, что мне казалось, этот контраст осязаем и виден невооруженным взглядом, как парашют Штирлица в известном анекдоте.

— Двенадцать рублей, — обреченность чувствовалась в каждом слове.

— Куда дел?

Я как раз в тот момент читал «Колодец и Маятник» Эдгара По. В рассказе инквизиция создала комнату, в которой сжимаются стены и загоняют жертву в бездонный колодец.

— В долг дал, — выполз ответ.

«Господи, если он не спросит „кому“, я обещаю тебе... Все обещаю, что хочешь!!!» — пронеслось у меня в голове.

— Кому? — папа отвлекся от книги и посмотрел на меня с неподдельным любопытством.

Бога нет. Ок. Я опустил глаза, обмяк, усох и начал сознаваться.

— Баб... — вдруг зазвонил телефон. Я рванул, как раб с плантации.

— Але!

— Саня, это бабушка, папа дома? И, кстати, не забудь у меня свои двенадцать рублей забрать, когда в следующий раз придешь.

— Да мне не горит, — от щек можно было прикуривать в тот момент. — Пап, тебя.

За время папиного разговора я стремительно почистил зубы, разделся, лег спать и, поняв, что не засну, учился изображать спящего. Папа так и не заглянул. Я вошел в роль и вырубился.

Эпилог

Через два дня я заехал к бабушке, забрал деньги, положил их в варежку, которую немедленно оставил в трамвае. Я не удивился и не расстроился. В графе «Уроки» стояло «Оплачено».

История о том, как любовь может быть очень холодной.

Мой друг Коля (нет, он, конечно, не Коля, но мы сохраняем адвокатскую тайну, да и человек он теперь серьезный и влиятельный), так вот Коля всегда любил спорт. А так как речь о времени советском, то я имею в виду не кибер-спорт и даже не керлинг, скайдавинг или виндсерфинг. Коля разбирался в подножках, бросках и прочих захватах. Он был дзюдоистом. Сразу хочу сказать, никакого политического подтекста в истории нет. В СССР почти все занимались дзюдо, даже я. Но я занимался дня три, а вот Коля — много лет. То есть он мог бросить не только любую девушку, но и любого парня. Парня — на татами, разумеется, ну или на асфальт, как уж парню повезет.

Итак, Коля был настоящим мужчиной, причем с самого детства. А настоящие мужчины, в Советском Союзе, как, впрочем, и почти все мужчины, рано или поздно попадали в армию. Коля тоже в один прекрасный день обнаружил себя в рядах вооруженных сил, но с небольшой оговоркой. Служба Коли проходила в спортроте. Спортрота — это практически спортлото. Куда попадешь, не знаешь. Колю занесла военно-спортивная карьера в город... Опять же, в сюжете будут реальные люди, а главное — дамы, и их честь, и даже светлая память, может быть задета, поэтому назовем этот город Черноземск.

Оказался Коля в Черноземске молодым солдатом-спортсменом. Что может интересовать мужчину, если он молод, если он солдат, и если он спортсмен. Даже одного пункта достаточно для правильного ответа. Молодого человека интересуют девушки. А солдата? Тоже девушки. Ну и наконец, о ком мечтает спортсмен? Тоже о девушке. То есть выхода у Коли не было. Все три его внутренних голоса шептали об одном. Поэтому несвободное время у новоиспеченного рядового уходило на поиск барышень и содержательные с ними беседы о любви. У солдата все время — не свободное. Хочешь, не хочешь — начнешь сбегать ночами. Плохо, конечно, но ради любви чего только не нарушишь. Коля смог пофилософствовать с целым отделением черноземских девушек, но одна, по имени Наташа, ему запала в душу особенно сильно, а главное — чуть не стоила жизни.

Он пробирался к ней ночами, используя для проникновения тропу черноземских ниндзя. Забор, какая-то труба, кусок крыши и, наконец, окно. Это сегодня парни способны максимум на чат ВКонтакте, а в СССР приходилось напрягаться. Коля залезал в спальню в середине ночи, разговаривал о высоком и под утро исчезал тем же путем, чтобы не опоздать на подъем. Родители барышни, спавшие в соседней комнате, ни о чем не догадывались. Коля не догадывался, кем были родители. А зря.

Однажды Коля попал в квартиру не через окно, а через дверь. Девушка была дома одна. Он снял верхнюю, так сказать, одежду, открыл шкаф, повесил свой тулуп, закрыл шкаф. Застыл, как будто внутри минигардероба он увидел привидение. Медленно, холодными, как черноземская зима, руками вновь открыл дверцы шкафа и понял, что долюбился. На него смотрели полковничьи погоны. Полковник — это всегда неприятно, но они бывают разные. Бывают страшные, а бывают очень страшные. Коля решил уточнить круг ада, на который он взошел.

— Наташ, а папа что, военный? — равнодушно, но с неприятным треском внутри поинтересовался рядовой ВС СССР.

— Ага, комендант города.

Был бы Коля боксером — ушел бы в глубокий нокаут. Из всех возможных полковников он выбрал самый худший вариант. Уходить в самоволку, чтобы крутить любовь с дочкой коменданта города, — это ультрарусская рулетка. Однако пути назад у Коли уже не было, он все-таки не в секцию бега ходил, а борьбы. Он, как мог, порадовался за Наташу и ее родителей и спросил в порядке праздного любопытства, какое вообще у папы отношение к тому, что Наташа может кого-то любить. И тут выяснилось, что неприятности Коли только начинаются. Товарищ полковник видел будущее своей дочки с курсантом черноземского летного училища Сергеем, которого сама Наташа поматросила и бросила, как принято говорить в мужской среде. Все бы ничего, но родители Сергея и Наташи дружили, и этот династический брак был высечен на асфальте Черноземска задолго до появления потенциальных молодых. Наташа за Сережу выходить не хотела, избегала его, как могла, но Колю папе все равно не показывала.

Наш спортсмен озадачился, но вида не подал. Воевать на два фронта ему не хотелось, но опять же закалка и удаль замутили сознание. Тем временем наступила ночь. Наташины родители были в отъезде, и Коля расхаживал по комендантской квартире в костюме советского купальщика. Квартира была мощная. Особенно гостиная. Дубовая мебель, ковер, и, разумеется, море хрусталя, как ключевого индикатора благосостояния того исторического периода. По словам Наташи, папа ценил волшебное стекло, как гномы — золото, поэтому им никто не пользовался. Боялись разбить. Разумно. Экскурсия по хоромам продолжилась, и вдруг в дверь позвонили. Юные романтики превратились в мумии. Первой очнулась Наташа и приказала молчать. Родителей она лично посадила на поезд. После пары минут тишины пьяный голос сообщил, что это Сергей, тот самый курсант летного училища, и он хочет всё. Поговорить, жениться, родить пятерых

детей и умереть в один день. Коля, разумеется, настроился на битву, но Наташа сказала, что этим он погубит не только себя, но и ее. Она его просто умоляла не подавать голос.

Курсант, не получив ответа, неожиданно быстро ретировался. Коля изумился отсутствию настойчивости, но недооценил соперника. Наша пара переместилась в родительскую спальню, начала артподготовку к диалогу о любви. Но вдруг из Наташиной комнаты раздался шум разбивающегося стекла и очень пьяный голос курсанта Сергея. Он тоже знал секретный путь ниндзя и решил пойти на решительный штурм.

Наташа еще раз взмолилась. Сказала, что если все узнают, что Коля был у нее этой ночью, то больше всех повезет ему. Мол, его просто отправят служить на дно Северного ледовитого океана. А вот саму Наташу ждет такая инквизиция, что если Коля любит ее хоть немного больше своей гордости, то должен немедленно залезть под кровать вместе со всей одеждой. Сам Коля был в тот момент без одежды.

События разворачивались стремительно. Коля спорить не стал и обосновался с обратной стороны ложа любви товарища полковника. Под кроватью было много интересного, помимо пыли, но перечислять весь набор не стану по эстетическим соображениям.

Наташа выпроводила летчика из спальни, и они пошли разбираться в гостиную. Разговор проходил на излишне повышенных тонах. Более того, стало очевидно, что Сережа пытается склонить девушку к любви в прямом смысле слова. Коля убедил себя, что Наташе грозит опасность, выполз из окопа, натянул трусы и пошел в атаку. В гостиной было темно, только два голоса и две тени. Коля нащупал выключатель и зажег свет. Четыре глаза уставились на парня, одетого в достижения армейского дизайна. Два пьяных пытались сфокусироваться, два трезвых решали, что делать. И тут Наташа показала, что она — настоящая дочь полковника. Маневр был блистательным. Важная деталь — Наташа училась на актрису.

— Сережа, вот видишь, как ты шумишь, даже соседи пришли. Коля, мы сами разберемся, все в порядке, идите домой.

И она взяла потерявшего дар речи «соседа» под локоть и выставила из квартиры на лестницу без всяких дальнейших инструкций.

Коля почувствовал себя наполеоновским солдатом под Москвой. Очень холодно. Нет, ну представьте себе. На улице минус двадцать пять, в подъезде немногим теплее. Ты — практически голый. До казармы несколько километров пешком. Живым не дойти. Стучаться к соседям — неминуемо вскрыть всю ситуацию, плюс — очевидная самоволка, хотя о ней Коля уже не думал. Ситуация безвыходная. Коля вспомнил все виды

спортивной и художественной гимнастики, но понял, что хватит его еще минут на десять-пятнадцать. Он уже думал, в какую квартиру стучаться, но неожиданно внизу лязгнула дверь и из нее вылетел Сережа. Попробовал ломиться назад, поднял шум, и Коля понял, что сейчас кто-то из соседей точно вмешается. Но кто?! Коле повезло. Сосед с Наташиного этажа открыл дверь и точно указал Сереже направление движения. Жених покинул поле боя.

Тем не менее Наташа дверь не открывала, Коля прильнул к окну и увидел, как Сережа пытается поймать среди ночи машину. Коля догадался, что за этим процессом наблюдает не только он, но и Наташа. И правда — как только Сережа сел в автомобиль, дверь квартиры открылась, а еще через пять минут практически окоченевшего спортсмена уложили в горячую ванну и стали оживлять. Удалось.

Услышав историю и перестав смеяться, я спросил Колю, а почему он включил свет вместо того, чтобы напасть на курсанта неожиданно и быстро решить схватку в свою пользу. Ответ меня изумил.

— Да я вообще не хотел драться. Во-первых, хрусталь. Мы бы там все перебили. А во-вторых, я бы ему сломал нос в первом же броске в темноте, а он — будущий летчик. Если ему нос сломаешь — все, конец карьере, в небо не возьмут, что-то там с дыханием важное. Нас тренер учил, будете бить летчиков, берегите им носы. Ну я что, зверь, что ли? Хотел при свете его аккуратно заломать и вывести за дверь.

Настоящий мужчина Коля. Умный, сильный и добрый. До сих пор такой. И очень любит с тех пор тепло. Очень.

А Наташа в итоге вышла замуж за Сережу и уехала с мужем в Германию, куда его отправили служить. Просто если комендант города что-то решил, то спорить бессмысленно.

О позах

Две зарисовки, из-за которых я не люблю ряд рекомендуемых роснепотребнадзором сексуальных позиций.

Однажды в юности я смотрел «Animal planet» и увидел очень интересную позицию для занятия любовью. Черепаха была позади другой черепахи, и я подумал, что, наверное, это не спроста. Ведь могли бы, как мы, просто лежать друг на друге, а нет. Потом такую же позицию я подсмотрел у барсуков и даже сусликов. Решил попробовать на практике. Сусликам же явно виднее.

Я встречался в тот момент с приезжей девушкой, снимавшей комнату на последнем этаже дома на углу Пестеля и Литейного. Хорошее место. Питерское чрезвычайно. И вот мы очередной раз что-то там изображаем на ее кровати. Я вспомнил про сусликов и предложил, так сказать, сменить диспозицию. Отмечу, что тогда я не догадывался, почему большинство животных продлевают свой род именно в таком телорасположении, но спасибо Стиву Джобсу — разъяснил. Поза сзади — единственная, позволяющая обоим партнерам сидеть в айфоне так, чтобы другой этого не видел. Но в тот момент айфона у меня не было, и его не было даже у Стива Джобса. Поэтому я просто пытался понять природу.

Итак, я нашел точки опоры, кое-как начал дублировать суслика, и вдруг проекция жены суслика резко остановила процесс.

— Стой, давай развернемся немного.

Я всегда был любопытным и сразу спросил:

— А зачем?

— А вот посмотри сейчас в окно.

Я решил, что в окне как минимум стая сусликов или мои родители, или замдекана. Испугался. Но в окне никого не было. Даже голубя.

— И что там? Я ничего не вижу.

— Балкончик Бродского... Такой вид... Давай продолжай, а я буду смотреть в окно. Обожаю Питер.

Второй раз я уже без «Animal planet» наслушался от старших, что иногда мужчина имеет право на отдых и может лежать на спине, рассматривать потолок на предмет протечек. Девушка в этот момент сама прекрасно себя развлекает. Я позу протестировал, мне не понравилось. Смотреть в потолок было очень скучно, а вот это болтание перед глазами очень нервировало. Я опять же начал встречаться с девушкой. Она один раз

попробовала показать мне потолок, но я сообщил, что считаю данную позицию аморальной и бесчеловечной. Она согласилась, но как-то через пару месяцев нашего душевного романа вновь дерзнула меня перевернуть в бурной ночи, но вовремя опомнилась:

— Ой, прости, я все время путаюсь, кто из вас не любит, когда я сверху.

Ты здесь не живешь

Уста младенца иногда так глаголят, точнее, палят.

Итак, ты — Наташа из Околоомска. И всё в жизни было соответственно этому словосочетанию, пока судьба тебе не улыбнулась. Точнее, улыбнулся Юрген. Хороший такой немец, с женой, бизнесом и летним домом на Сардинии. Вскоре мытьем и катаньем у Юргена остались только бизнес и дом, потому что с женой он решил развестись. Ради, как мы все понимаем, тебя. И вот ты лежишь у бассейна. Прекрасная вилла. Не врал жених. Ты приехала вчера, ключи тебе передал управляющий. Юргена нет, так как он, отсидев на своей даче пару недель, уехал проводить бизнес, но скоро вернется. Ты растеклась по шезлонгу, кризис 2008, только что произошедший на родине, более тебя не пугает, Юрген развелся, все безоблачно, вы почти год вместе в полной любви, и главное, наконец с тобой человек, который только твой. Он верный... Он другой.

Неожиданно перед тобой появляются трое. Серьезные. Три, четыре и семь лет. Ты понимаешь, что это как раз те русские дети, которые живут в соседнем доме и ходят плавать в уже твой бассейн. Юрген про них рассказывал. Старшая в банде — девочка с прищуром генпрокурора. Ты здороваешься. Улыбаешься. Дети — это же цветы, ангелы, и все дела. Они молчат. Хмурые ангелы нынче. Наконец старшая недовольно спрашивает:

— Ты кто?

Ты несколько обескуражена, цветы не очень-то вежливы. В голове стучит: «Ну сейчас они получают».

Вспоминаешь Околоомск.

— Я Наташа. И я здесь живу, понятно?!

Ты истинный Цезарь: пришла, увидела...

Холодный детский ответ складывает шезлонг вместе с тобой:

— Нет. Здесь живут Юрген и Мелинда. А ты здесь НЕ живешь.

С этими словами троица отворачивается, спокойно снимает свои летние наряды и с визгом лезет в бассейн.

И все бы ничего, но жену Юргена зовут не Мелинда. Совсем не Мелинда. И ты знаешь это наверняка. И очень тебе стало пасмурно внутри от невероятной мысли: Юрген тут еще с кем-то только что жил. Вот прямо неделю назад. Потому что ты с Юргеном год, а дети здесь две недели. Значит, пока ты паковала вещи, жених решил немного зажечь?! Зажечь с какой-то Мелиндой прямо на вашей вилле! Так, что ли?!

У Юргена мгновенно наступил в жизни очень и очень тяжелый период. С помощью соседей и мистики он убедил тебя, что дети заигрались и перепутали, и что нет и НЕ БЫЛО никакой Мелинды, что есть обычная Энди (ну, имя-то похожее), и что это девушка приятеля Юргена, и что просто дети на приятеля не обратили внимания, когда они все вместе купались, и еще много такого, от чего становится легко на душе. И все снова хорошо. И вы сидите с русскими друзьями, провожаете закат вином.

Кое-чего ты не знаешь. А мы знаем.

Ты не знаешь, но они так поговорили с дочкой, что она теперь при тебе вообще молчит, несмотря на постоянное припоминание фразы: «Ты здесь не живешь». Ты не знаешь, что ситуацию вытаскивали всей деревней. Мелинда жила с Юргеном неделю, но он сказал, что бес попутал, и раскаялся. Был товарищеский суд над Юргеном, и его приговорили, но решили спасти и дать еще один шанс. Имя Мелинда запрещено к использованию. Даже котов переназвали.

Но ты этого не знаешь, и тебе хорошо. Вечеринка, много гостей, и даже Энди здесь, и ее приятель, ваш сосед, и все смеются. Ты берешь на руки среднего из троицы. Колю. Он еще плохо и редко говорит. Шепелявит. Ты кормишь его арбузом и тискаешь. Подходит Юрген и сажает паренька себе на колени. Катает. Все умиляются. Дети — это прекрасно. Ты их всех обнимаешь. Какой все-таки чудесный мальчуган. И Энди подошла к вам. Все очаровываны Коленькой.

И тут тишайший Коленька громко спрашивает Юргена: «А Мелинда когда придет?» Красота на всех действует... Запомнил мальчик красивую Мелинду. Запомнил.

Коленьке сейчас около тринадцати. Папа до сих пор его зовет Мелинда. На Сардинию они с тех пор на лето не ездят. А в бумеранг верят.

Мистер Вульф

Один из плюсов писательства — тебе рассказывают случаи из жизни, на которые своей фантазии не хватило бы. К герою следующей зарисовки можно относиться по-разному, но в находчивости не откажешь.

Рассказано со слов девушки через год после случившегося, звучало убедительно.

Завела она с тоски и от не востребоованности мужем роман с женатым мужчиной. Так бывает, и хватит высокомерно морщить затылок. Суд в другом чате.

Один раз не вовремя (около полуночи) пришло СМС от Виктора, имени в семейных друзьях не значилось. Муж увидел, от кого. Промолчал.

Вроде бы прокатило. СМСы стерли, Виктора из книжки удалили. Так этот хитрый муж, пока жена была в ванной, с ее телефона отправил ее же лучшей подруге СМС:

«Сережа про нас Витей все узнал».

В ответ через наносекунду, выпрыгивая из экрана, пришло радостное сообщение:

«Совсем всё?!»

«Совсем».

«Пиздец, про секс отпирайся до последнего!»

Эту милейшую переписку муж показал жене и сопровождал следующим:

— Я сам виноват, забил на тебя. Разводиться не будем, но чтобы Виктор исчез.

Ошарашенная жена разрыдалась. И даже Гюго с Пелевиным выбросила из библиотеки.

А муж произвел контрольный выстрел в голову. Нашел жену Виктора и написал ей следующее:

«У вашего мужа роман с моей женой. Я свою проблему решил. Решите и вы».

Виктора выгнали из дома и ему ожидаемо стало не до амуров. Кое-как через месяц втиснулся бочком назад к жене.

Поделился я этой историей с парой представительниц прекрасного пола, таки шо ви думаете они сказали?

— Подруги — зло!

Жаль, Зоценко не дожил.

Сексизм

Нас основательно достали цикады. Мы не единственные на острове, кто страдает от этой сирены, более того, не единственные «дорогие россияне». Соседи по пляжу — пара, в которой муж виноват в самом факте своего существования. Их диалог в разгар концерта насекомых:

— Как же они достали... Другого отеля ты, конечно, не мог найти, без цикад?!

Я перекрестился, что не выбирал ни наш отель, ни даже остров.

Муж решил перевести тему в сторону «Что? Где? Когда?».

— А ты знаешь, кстати, я тут вычитал, что звук издают только самцы, у них еще резонатор на жопе.

Я проверил в Википедии. И правда, Господь постарался.

— Жень, ну вот почему как бессмысленный долбоеб в природе, так самец?

Занятно, что кузнечики заткнулись почти сразу. То ли ветер налетел, то ли некоторые фразы понятны всем атомам во вселенной.

Сексизм (часть 2)

Отправились мы на экскурсию «По рекам и каналам мангровых болот».

В местных лесах «столько диких обезьян», что я, естественно, начал интересоваться, как избежать нападения. Не буду мучить малазийским английским, даю в переводе.

— Главное не улыбаться альфа-самцу.

О, я так и собирался поступить, с тех пор как попал на Лангкави. Каждый день просыпаюсь с мыслью, как бы мне найти мартышкиного альфа-самца, улыбнуться, за жизнь поболтать, научиться чему. Не знал, что делать, а тут такая удача.

— А как я пойму, что это альфа-самец? И почему нельзя улыбаться-то?

— Для них улыбка — это демонстрация клыков и последняя степень угрозы. А альфа-самца определить легко. Он же всем должен показать, что это он. Как только мы подъедем и стая подойдет к берегу в надежде на банан, он выскочит из джунглей, начнет трахать какую-нибудь самку так, чтобы мы видели, потом заползет на дерево и будет орать и качаться, как идиот.

— Зачем? Какой в этом смысл?

— Никакого. В этом смысл поведения альфа-самца, ему МОЖНО совершать самые идиотские поступки.

Все так и произошло. Причем секс был сугубо демонстрационный — секунд пять. Я даже телефон не успел достать. Потом альфа ненадолго вошел в роль одного известного политолога: бессмысленно пошумел на дереве, дико вращая глазами, и свалил. Пока я изумлялся статусу вождя, у нас сперли воду товарищи рангом пониже.

Остаток экскурсии прошел в размышлениях о правах альфа-самца и о Дарвине.

Открытое письмо

Открытое письмо какому-то Владимиру. Хотя, думаю, и имя фейк.

Дорогой неизвестный мне друг, нет, я ничего не имею против, когда моими фотографиями кто-то представляется в «Тиндере» (таких анкет штук пять только я знаю) или на других сайтах знакомств, но я изучил твою анкету и не могу молчать. Что же ты нас позоришь?!

Начнем с ерунды, с волос на груди. Вот зачем писать, что они есть? Нет их у меня. Я пересадки всякие делал, но пока результат нулевой, и я этого не стесняюсь. А ты вот обманываешь граждан.

Но это так, вступление. Итак, поехали. Ты пишешь ниже в анкете, что секс тебя не интересует. Ты хочешь с девушками ДРУЖИТЬ. Не буду врать, я просто охуел. Мне казалось, что волосы на груди (по крайней мере на мужской) не влияют на дружбу... Как-то меня никто из друзей не спрашивал: «Сань, а чо, как, растет? Если нет, давай дружить не будем». Но тебе виднее. А к дружбе мы еще вернемся.

Идем дальше по анкете. Хрен с ним, возрастом, но рассмотрим графу «Чем займешься в свободный день». Ты пишешь: «Пойду гулять или буду читать дома». Ну охренеть как интересно!

Меня теперь домашние спрашивают, какого хуя я не гуляю и не читаю дома. Ты обо мне подумал?!

Хотя о чем мы говорим. Ты сообщаем, что твои интересы — кулинария. Блять, КУЛИНАРИЯ. Мне на 23е февраля подарили пароварку и скалку из-за тебя, но главное — дальше.

Графа «Курение». Ты отвечаешь: РЕДКО. В смысле??? Тебе 38 лет, и ты редко куришь. Редко курят, когда ссут, что мама запалит, или когда нет денег на сигареты. Хочешь, я вышлю? Ну правда, не держи в себе, покури нормально.

Графа «Алкоголь». Ответ тоже меня огорчил: «В компании друзей, изредка». Непонятно, что у тебя изредка, компании или пьянство. А главное, ты опять меня подвел, брат. Я прихожу домой бухой через день, а тут такой камин аут. Дома меня спросили, не симулирую ли я пьянство... Можно ли мне после этого верить?! Начни уже пить один. Это очень круто — нажраться дома и никуда не пойти. Но не экономь. Никакого боярышника.

Двигаем к шедеврам.

Графа «Есть ли гетеросексуальный опыт?». Твой ответ — это «Оскар»!

Ты пишешь: «Да, жили вместе».

А ты не пробовал трахаться и не жить вместе? Прямо, ты знаешь, это целый мир. И еще важный момент, просто уточню, если ты живешь с человеком или котом в одной квартире — это еще не дает тебе права заявлять, что у тебя был сексуальный опыт. Тут мне реально все бывшие домашние животные предъявили, когда прочли анкету.

Насчет машины. Вот ты заявляешь, что у тебя «Форд». Просто поясни, ты жалуешься или хвастаешься? Друг, на будущее: писать в анкете, что у тебя есть машина для среднего класса — это как отвечать на вопрос, есть ли член, «да, есть» и добавлять «но не огонь». Прости, если у тебя «Мустанг», беру свои слова назад. Напиши просто: «Тачка есть». Особенно странно читать, если далее ты пишешь, что хорошо зарабатываешь. Это Россия, бро, здесь только одна машина говорит о том, что ты хорошо зарабатываешь и это все-таки не «Форд».

Переходим к сложному. Вся эта анкета, все эти спизженные у меня фотки, ради того, чтобы с девушкой дружить?! Ты пишешь, что СЕКС ТЕБЯ НЕ ИНТЕРЕСУЕТ. Ты ебанулся??? Ты не мог взять тогда фотку, ну не знаю, Геннадия Зюганова? Хотя думаю, он нас с тобой еще обставит. Нет, вот скажи, о чем ты собираешься там дружить с таким сексуальным опытом и жаждой прогулок?

Я не хочу тебя расстраивать, но девушки дружат всегда по расчету. Трахаются по любви, а вот дружат по логике. Ты что хочешь предложить? Волосы на груди фейковые, кулинарию и средство передвижения? Ну заебись интересное предложение. Отбоя не будет.

Друг, пересмотри ориентиры, я переживаю за тебя. Эта анкета никуда не годится. Ты меня подводишь, а мне и так тяжело.

С уважением и надеждой на перемены.

Честное Ленинское

Случилось однажды так, что у Ленина отлетела голова. И не просто покинула привычное место на шее, но и разбилась вдребезги. Событие неординарное, сами понимаете. Ясно, что речь не о живой голове вождя и даже не о мертвой, лежащей посреди Москвы как указатель: «Куда приводят мечты». Неприятность произошла с гипсовой частью тела Владимира Ильича. Тем не менее шума она наделала на весь город Ленинград, а главное, направила на путь истинный одного из, как сейчас говорят, авторитетных предпринимателей.

1983, а может 1984 год. В одной из школ города на Неве завелся музей революции. Будем честны — музейчик. Рационально верующая в большевиков директор школы Янина Сергеевна Сухарева решила организовать на третьем этаж подотчетного учреждения место для коммунистической молитвы под названием «Уголок Октября». Основой экспозиции стала метровая гипсовая копия товарища Ульянова, полученная Яниной Сергеевной в качестве, вы не поверите, взятки, с которыми последователи симбирского студента яростно боролись, как мы все знаем. Возможно, именно этот кармический бумеранг и стал всему виной.

Цель у мзды была тривиальной. Скульптор средней руки очень хотел, чтобы его сын учился в данной школе, нашел дверь к директрисе и чуть ли не сам предложил такой оригинальный ход, как установка памятника Ленину в школе. Янина Сергеевна, женщина практичная и с фантазией, подумала, что такое идолопоклонничество выделит ее среди других директоров и точно приведет к ремонту школы или, по крайней мере, того этажа, где будет находиться статуя. Кстати, вопрос расположения вождя стал неожиданно камнем преткновения. Творец предложил стандартный памятник — Ленин куда-то показывает рукой.

— И в какую сторону должен показывать Владимир Ильич?

Янина Сергеевна в миру была учителем географии.

— В смысле, в какую?

— Ну на север, на юг или не знаю на восток, может быть? Надеюсь, не на запад.

Скульптор подвис.

— А это имеет значение?

— А это я Вас спрашиваю. Вы же их много уже сделали. Должна же быть какая-то логика. Вон я слышала, мечеть и церковь строят в

зависимости от сторон света. Может, с Лениным так же? Может, он должен всегда показывать на Зимний дворец. Знаете, не хотелось бы ошибиться. Могут же понимающие люди заглянуть.

— Давайте спросим у кого-нибудь, — предложил мастер.

— У кого? Вы хотите, чтобы я, директор одной из лучших школ города Ленина, кому-то дала понять, что не знаю такого общеизвестного факта?

Тучи над будущим сына скульптора начали сгущаться, но выход был найден.

— Я знаю, что делать. Можно его поставить на крутящуюся подставку и...

Янина Сергеевна скептически посмотрела на скульптора и поняла, что если генетика существует, то новый ученик за места на олимпиадах бороться не будет. Стало очевидно — взяточник может только лепить. Думать ему противопоказано.

— Вы предлагаете из Ленина сделать флюгер или карусель?

— Нет, я просто подумал... А давайте...

— Давайте без давайте.

Янина Сергеевна взяла инициативу с свои руки.

— Вы можете сделать Ленина без указывающий руки?

— Как без руки? Совсем?

Директор школы начала гордиться своими учениками, которые до этого казались ей непроходимыми тупицами.

— Нет, разумеется. С руками, но пусть их он держит в карманах. Так мы решим вопрос стороны света. Смотреть он, я надеюсь, может куда угодно. Сможете?

— Да, конечно!

Восхищению скульптора не было предела.

Пока лепили Ильича, Янина Сергеевна насобираала еще каких-то артефактов. Например, газету «Правда» от 7 ноября 1937 года, дня двадцатилетия революции, и организовала экспозицию. В последующем, кстати, газету убрали. Учитель истории на торжественном приеме в школьной столовой, закусывая компот с водкой винегретом, порадовал Янину Сергеевну тем фактом, что именно в 1937 году почти все участники-организаторы революции принудительно отправились строем в мир иной. Их расстреляли как врагов народа. С революциями всегда такая неразбериха в итоге получается. Лучше не начинать. Янина Сергеевна, наслушавшись, газетку от греха выменяла на копченую колбасу у какого-то товароведа-коллекционера.

Но это все мелочи. Главное, что памятник В. И. Ленину занял свое

место в просторной школьной рекреации, справа и слева от него поставили горшки с цветами, вменив учителям, преподающим на этом этаже, следить за их поливанием. Те перепоручили школьникам старших классов, от старшеклассников задание упало к пионерам, от пионеров — октябрятам и наконец, как обычно, — к нянечке, убирающей за всеми. В итоге цветы регулярно засыхали. Назначались новые ответственные, но ничего не менялось, как и во всей стране. Чаще всего гипсовый вождь видел вокруг себя лишь горшки с землей. Думаю, он уже начал искать крестьян, которым бы ее отдать, но в него неожиданно прилетел арабский мячик, и жизнь статуи развернулась на 180 градусов.

Кстати, всегда было интересно, почему теннисные мячи называли арабскими, и знают ли об этом арабы.

Ну да Бог с ней, с этимологией. Для чего нужны в школе рекреации? Правильно. Чтобы детишкам было где играть в футбол любым предметом, кроме кирпича. Обеспечить всех советских детей полями и мячами не удалось. Выкручивались, как могли. Играли всем подряд. Ластики, или, как их там, стирательные резинки, всякие баночки, коробочки, целлулоидные шарики и наконец теннисные мячи занимали детишек часами.

Ленинская рекреация была не маленькой и три семиклассника спокойно дулись в футбол после уроков, не боясь повредить статую. Но у судьбы были иные планы. Проходивший мимо громила из 10 класса, к которому прилетел мяч, со всей дури приложился и изобразил Роберто Карлоса. Мяч, как ракета, полетел в сторону намоленного пионерами уголка Ленина. На то он и десятиклассник, чтобы уметь испаряться, когда дело пахнет керосином. Не успел арабский снаряд влететь в Ильича, как маг исчез.

Семиклассники охнули. Статуя зашаталась. Вождь мирового пролетариата стукнулся затылком об стену и потерял голову. Без всяких Аннушек, отмечу. Пока голова летела вниз, за эти доли секунды футболисты стали верующими. Бог услышал детские молитвы, и голова Ленина упала в горшок с землей, да так ровно, что стала напоминать кадры из знаменитого фильма «Голова профессора Доуэля». Вождь рос из почвы весьма органично.

— Пиздец нам.

Прервал молчание несуразный Коля по кличке Болт.

— Старшеклассник слился, кто он — мы не видели. Зато много кто видел, что мы здесь играли. За голову Ленина нам наши оторвут. Чего делать будем?

Шесть глаз смотрели на Ильича в горшке.

— Повезло, что в горшок упал, хоть не разбился.— Долговязый Костя Крынкин начал искать светлую полосу.

— Офигенно повезло. Может, пойдем прямо сейчас к Янине, сдадим целую голову, пятерку получим. Костян, какое на хрен повезло!

— Болт, ты что, тупой? Ее приклеить можно.

Крынкин вынул дедушку из, так сказать, клумбы, отряхнул и приставил назад. Скол был идеальным.

Петька и Болт хором выдохнули:

— Нужен клей. Побежали к трудовику!

— Дебилы, какой трудовик?! Он спросит, зачем клей, или с нами пойдет. Да и вообще не факт, что он у себя. Жёва нужна. Есть у кого?

— Крынкин, ты нормальный? Ты хочешь голову Ленина на жвачку приклеить?

Болт не унимался, но Костя был до предела логичен.

— Есть идеи лучше? До перемены десять минут. Здесь хоть уроков и нет, но народ будет. Пока ты там клей найдешь. На жвачке она день точно простоит, а я из дома клей завтра притащу. Вечером приклеим. У кого жева есть?

Жёвы ни у кого не было. Но Болт почему-то мялся и смотрел в пол.

— Болт, ты чего? У тебя жева есть, а ты давать не хочешь?! — Крынкин практически кричал.

Круглолицый Болт хмуро ответил:

— Это не простая жёва. Это «Дональд».

Надо отметить, что жевательная резинка «Дональд» в советское время приравнивалась к спортивной машине сегодня. За нее продавали душу, тело и прочие человеческие активы.

— Откуда?

Двое друзей на минуту забыли про Ленина.

— Купил.

— У кого?! У Зайцева? Ты же сказал, что у этого барыги никогда ничего не купишь?

Гриша Зайцев был настоящим анфан териблем всея школы. Хулиган, драчун и наконец бессовестный и беспощадный спекулянт. Папа у него был моряком и привозил Грише всякий зарубежный яркий хлам, который от бедности в СССР ценили дороже золота. Много чего продал Зайцев школьникам, но ничего не было притягательнее жевательной резинки «Дональд». Я тоже до сих пор дрожу от ее запаха, а еще в ней были вкладыши, и они стоили отдельных денег. Стыдно сказать, даже у жеванной, секунд-рот, резинки и то была цена.

— Я Зое ее купил. Хочу гулять с ней пойти. Я две недели копил...

Парни замолчали. Чувства Болта к Зое вызывали уважение, тем более все знали, что Болт из очень бедной семьи, но Крынкин набрался смелости на адекватность.

— Слушай, Болт, ты же сам сказал, если башку не прилепим, тебе не до Зои будет...

Болт огорчился еще больше, но согласился.

— Ну давайте хоть пожуюем все.

Тотем разделили на троих и впали в негу. Каждое движение челюсти вызывало оргазм. Наконец Крынкин высказался:

— Ладно, хорош жевать, давайте сделаем три точки и прилепим эту голову чертову. Петька, у тебя у одного руки не из жопы. Сможешь ровно поставить?

— Давайте.

Операция прошла успешно. Голова держалась. Крынкин нежно покачал статую.

— Дедушка, ты, главное, головой не кивай, пока я клей не принесу.

В голосе Крынкина слышались забота и уважение.

— Валим, пацаны.

На следующее утро Янина Сергеевна привела к памятнику человека из РОНО. Тот хлопнул Ильича по плечу. Голова накренилась и рухнула. На этот раз мимо горшков. Товарищ из РОНО был атеистом. Ему никто не помог.

Янина Сергеевна стала гипсовой и мысленно подготовила приказ о колесовании сына скульптора.

— Владимир Михайлович, скульптор — начинающий, мог ошибиться в расчетах.

Владимир Михайлович не зря носил свою голову. Осмотрев место преступления, он обнаружил не только две из трех клепок из жвачки, но и обертку, которую паникеры почему-то не забрали с собой. Она валялась за горшком.

— Янина Сергеевна, скульптор ни при чем. Думаю, это ваши ученики на днях его уронили, а скорее — попали в него чем-то, когда в футбол играли. Думаю, что вчера дело было, раз фантик уборщица не подмела еще. На жевательную резинку прилепили, сорванцы, и жвачка как раз — это ключ к разгадке. Это не наша клубничная, — он рассматривал фантик как Пуаро. — Это «Дональд». Странно, что они обертку обронили. Торопились, наверное, что тоже о многом говорит. Значит так, ищите, Янина Сергеевна, кто Владимира Ильича обезглавил.

Последнюю фразу сыщик сказал холодно и резко.

Янина Сергеевна вспыхнула. Она не понимала, шутит чиновник или нет, поэтому решила на всякий случай найти преступника. Проведя опрос общественного мнения, она выяснила, что кто-то видел, как ученики вроде бы какого-то из седьмых классов вчера играли в футбол, ну а «Дональд» привел сразу к Зайцеву.

Янина Сергеевна вошла в класс.

— Зайцев, встань! Ну что, доигрался? Теперь у тебя неприятности крупные. Рассказывай, как ты Владимиру Ильичу Ленину голову отбил.

Крынкин&Со вжались в стулья.

— Янина Сергеевна, я не знаю, о чем вы говорите. Какая голова?

Зайцев был спокоен. Он, скорее, изумился.

— Обычная голова. Вчера тебя видели после четвертого урока играющим в футбол рядом с памятником. А сегодня у него голова отвалилась. Судя по всему, ты ее вчера отломал и на жвачку свою мерзкую иностранную прилепил.

Янина Сергеевна брала Зайцева на понт. Зайцев ответил равнодушно и убийственно.

— Я не мог этого сделать, у меня алиби.

Янина Сергеевна ушла в плоский штопор. Во-первых, слово «алиби» от семиклассника она слышать не рассчитывала. Во-вторых, понт не прошел.

— Что у тебя? — со смесью раздражения, изумления и неуверенности спросила директриса.

— Алиби. Несколько уважаемых человек могут подтвердить, что вчера меня в школе не было.

— Интересно, почему тебя не было и кто эти уважаемые люди?

— Участковый, к примеру. Вчерашний день я провел в милиции, мне не до футбола было.

Янина Сергеевна вышла из пике, настроение ее ухудшилось до предела.

— Я не удивлена. Хорошо, об этом мы отдельно поговорим. Тогда расскажи, кому из одноклассников ты дал жвачку «Дональд».

Лицо Болта вытянулось. Он посмотрел на Зайцева и снова вспомнил о боге.

— Никому.

— Врешь! И если ты мне правду не скажешь, то будешь за всех отвечать все равно. Так что лучше скажи сам, тебе и так в нашей школе не место.

— Даю честное пионерское и честное ленинское слово.

— Чтоб я от тебя честного Ленинского не слышала!!!

Дальнейшая инквизиция никаких результатов не принесла. Определить виновных не удалось. Зайцева помучили по пионерской линии, но не сильно. Ленина без головы убрали. Скульптор начал лепить нового, что-то там затянул, потом переехал в другой район, и сына в новую школу перевел. Затем началась перестройка и уголок Октября умер.

Крынкин на перемене подошел к Зайцеву.

— Спасибо, что не сдал, должны мы тебе теперь. Слушай, Заяц, тут такое дело, Болт жвачку для девушки купил, для Зои, он ей обещал. Ты же знаешь, что у него с деньгами-то не очень, может, продашь со скидкой?

— Интересная у тебя логика, вы мне должны и при этом я еще и дешевле продавать должен. С хрена ли?

— Ну будь ты человеком, мы же в одном классе учимся. У тебя этих жвачек целая коробка, а Болт не ел дня три, чтобы накопить.

— А ты не считай. Можешь за друга заплатить, если его тебе так жалко. Но честно говоря, у Болта и с жвачкой шансов с бабой нет. Дебил дебилом, а еще и голодранец.

— Заяц, я понимаю, у тебя, кроме денег, в голове ничего нет, но ты за словами-то последи, а то я купить-то куплю, но морду тебе набью.

— Ну попробуй.

Костя попробовал начать потасовку, но Зайцев, чаще участвовавший в драках, чем обедал, с трех ударов отправил его в глубокий нокаут и, уходя, пнул ногой. Жвачку Зайцев продал в итоге с наценкой, сказав, что это за моральный ущерб. Крынкин после того случая записался в секцию бокса, вошел во вкус, натренировался. Через год по какому-то другому поводу как следует отметелил Зайцева, сломав ему нос. После школы сам двинул в ВДВ, чем немало удивил родителей — музыканта и университетскую преподавательницу. Знали бы, кто всему виной...

Зайцева через несколько лет взяли на каком-то мошенничестве. Он никого не сдал. Сел один. На шесть лет. На суде лишь сказал, что ни в чем не виноват, что дело сфабриковано и что он дает честное ленинское. Об этом «честном ленинском» год все гудели. Вышел Заяц по амнистии и начал бизнес. Лихой русский бизнес. Он удался.

На одной из встреч одноклассников он принес Болту коробку «Дональдса». Болт, Заяц и Петька поднялись в рекреацию, открыли коробку, напихали в рот по несколько резиновых прямоугольников, обнялись и стали жевать свое детство.

Потом Заяц достал бутылку дорогой водки, три рюмки и они выпили

за талантливого и благородного Костю Крынкина, который погиб в никому не нужной и непонятной войне от «дружественного огня», свои что-то напутали и накрыли его роту «градами». От него ничего не осталось. Фрагменты тела, говоря официальным языком. Всё.

Гриша Зайцев взял на содержание Костину жену, ребенка и нищих родителей. Государству было не до них.

Помянули, собрались уходить, и тут Болт неожиданно спросил:

— Заяц, я вот до сих пор не могу понять, на хрена ты тогда, соврав, сказал честное ленинское? Если бы все-таки раскрылось, тебя бы Янина за одно это выгнала.

— Я не соврал.

— В смысле?

— Я же тебе жвачку тогда продал, а не просто дал. Янина спросила, не давал ли я. Есть разница! Я и на суде тогда правду сказал, кстати. Должно быть у человека что-то святое. У меня вот Ленин. Мне папаша всегда говорил, что если бы не Ленин, были бы всей семьей в жопе, а так в люди выбились. Он каждый раз, когда американские ношенные джинсы в СССР за 100 рублей продавал, вечером за Ленина пил. А ты что, Болт, думаешь, в Америке тебя кто-нибудь за «Дональд» поцеловал бы?

Болт усмехнулся, а Зайцев вздохнул:

— Такую страну просрали, конечно. Ладно, пойдем к Янине зайдем.

— Ой, пойдем, она тобой так гордится, особенно после ремонта, который ты в школе отгрохал. Говорит, вырастила настоящего российского купца, еще и невинно осужденного.

— Осужденного, Петь, осужденного.

Понятийная уха

Москва. Кропоткинская. Иду голодный. Внезапный ресторанчик, заполненный странной, слегка мутной публикой. Меню, похожее размером да и содержанием на собрание сочинений Дарьи Донцовой. Гренадерского роста официантка с милым, но широкоформатным лицом ждет, когда я определюсь.

Я зацепился взглядом за царскую уху и стал задавать много уточняющих вопросов. Дескать: рыба какого возраста используется, морковка откуда прибыла... Цари-то разные бывают. Сходила на кухню — уточнила. Поинтересовался ее личным мнением по поводу ухи и спросил, хороший ли к ней пирожок прилагается. Не знаю, чем мне эта похлебка уперлась, но вот только допрос скоро женщину явственно заебал. Да так, что это стало слышно в ответах. Потом уху бросил, перешел на мясное горячее. В конце концов выбрал какие-то котлеты, салат и уткнулся в телефон, четко давая понять, что барин свое отказывал, прочь поди.

Неожиданно услышал следующее раздраженно-силовое:

— Простите, а насчет ухи мы просто так, что ли, беседовали. Мои ответы чем-то не устроили?

Мозг автоматически перевел это в: «Ты чего порожняки гоняешь, баклан? За базар теперь перед коллективом ответить бы надо».

Рот автоматически согласился с обоснованностью предъявы:

— Забыл, и уху, конечно.

Широкоформатное лицо засветилось справедливостью.

Я еще раз посмотрел на публику и вспомнил, что бытие определяет сознание.

Р. S. Пирожка мне дали неожиданно три. Два в подарок от гренадерши, упакованных и сопровождаемых ласковым и душевным: «На утро вам. Приходите еще, у нас солянка вкусная».

И оставьте попытки нас понять. Сами-то не всегда понимаем.

Пауза

Лучшие актеры и сценаристы работают официантами. Не первое подтверждение.

Сидим в глубокой ночи после открытия. Короче. Едим. Я, Елена Полякова, Катерина Шпица и Кирилл Васильев. То есть два режиссера/актера и актриса. И тут такой персонаж, и сразу с текстом.

Официант — мощный, брутальный Антон. Очень четкий, выдержанный и осведомленный. Шутит с совершенно непроницаемым лицом. Не смеяться невозможно, запомнить тоже, но финал я просто сразу записал.

Для Киры это был третий бурный ужин за день, и он обоснованно решил сесть на диету. Мы втроем, наоборот, заказывали, как в последний раз. По очереди. На каждого из нас у Антона уходила страница в блокнотике и пять минут обсуждений.

Наконец очередь доходит до Киры. Антон ожидает еще одного обжору с вопросами.

Кирилл: Американо.

Антон: Всё?

Кирилл: Всё.

Антон моментально изменил разговорную парадигму на строгую. Никаких дешевых разводов: «может, подумаете...» Кофе, так кофе.

Мы зачистили кухню и решили выпить. Оживленная беседа повторилась. Снова полный блокнот на каждого. Снова Кира последний.

Антон: Выпьете?

Кирилл: Американо.

Антон: Всё?

Кирилл: Всё.

Антон полуулыбнулся полууголками губ. Чуть накренил свое гигантское тело в сторону Кирилла, немного прищурил глаза, взял паузу, и с интонацией учителя труда закрыл тему барских заказов нашего любителя кофе:

— Гулять, так гулять.

Астроном от эротики

Двухтысячные. Питер. Время моей изысканной полигамии. Изыскал барышню.

Начали периодически встречаться, беседовать о садоводстве. Обычно у меня, но тут позвала к себе. Я, конечно, не очень любил ездить из Петербурга в Ленинград, новостройки меня деромантизировали, но Она обещала накормить.

Приезжаю. Звоню в дверь. Встречает меня абсолютно голой. А надо сказать, там было чему встречать. Размеры и формы радовали глаз издали. Такой велкам разжег, про еду даже думать перестал, а я о ней в том возрасте думал всегда. Девушка, однако, была сдержанна, и мы прошли на достаточно просторную кухню. Занавески отсутствуют. То есть как класс. На улице темно. Напротив дом. Близко. Мне даже одетому как-то стеснительно. Хозяйка же шуршит с тарелками, как будто мы на необитаемом острове.

— Не пробовала шторы повесить или одеться?

— Нее, я замуж хочу выйти.

Меня сложно поставить в тупик логической цепочкой, но после минуты молчаливого обсуждения мои мозги попросили помощь Александра Друзя.

— Прости... Ммм... А какая связь... Ну... Между шторами и замужеством.

— А у меня подруга месяц так ходила. Два соседа из дома напротив пришли замуж звать.

Я посмотрел на огромный муравейник напротив и ощутил себя героем передачи «За стеклом». Захотелось сбежать.

— Я чего-то не голоден, пойдем в спальню.

В спальне все оказалось еще хуже. И занавесок нет и зеркало огромное. Я один раз видел свое отражение во время секса и понял, что российская комедия многое потеряла, а тут еще целый дом зрителей. Моментально выключил свет.

— Стесняешься, что ли?

— Не в форме я.

— Ну надень форму. Ладно, я тоже вообще-то не готова трахаться на весь двор, тем более женихов мне разгонишь.

Через пару недель звонок.

— Приезжай, потусим, я, кстати, шторы повесила.

— Чего, жених нашелся?

— Ага, блять, пришла тут одна сумасшедшая, сказала: если я не перестану голой перед окном ходить, она меня кислотой обольет. Мол, ее муж из-за меня курить начал.

Я опять захотел позвонить Друзю.

— Курить? Почему?

— Я тоже сначала не поняла. Оказалось, он, чтобы была причина ходить на балкон смотреть на меня, начал курить, ну и попался со своим телескопом. Астроном хуев!

От женщин один вред здоровью.

Чуйка. Логика

Как то раз моя подруга нашла мужчину, влюбилась и решила сделать из него мужа. Она была хорошо воспитанной питерской девушкой, то есть никакой морали и никакого стыда. Ревнивостью не отличалась, выступала за свободу самовыражения в отношениях и минимальный контроль друг за другом. Девиц, смотрящих в мужские телефоны, считала ошибкой эволюции и позором перед инопланетянами, которые скоро прилетят. И тут она мне звонит почти в рыданиях. Чистый диалог, как был, без эпитетов и описаний.

— Цыпа, надо выпить.

— Я на просушке.

— Ничего, высохнешь потом.

— Что случилось-то?

— Этот сука мне изменяет с какой-то п-дой, которой от него нужны только деньги.

— Ща зарыдаю...

— Для меня это серьезно! Я, может, замуж собралась! У меня чувства!

— Ну потрахается и перестанет. С чего ты взяла, что все серьезно. И вообще расскажи, в чем дело. Откуда ты все узнала?

— Не важно.

— Нет, важно.

— Ну, короче, знаю я.

— Откуда?

— Ну вот только не смейся, ладно?

— Ты что, в телефон влезла?

— Ну ты за кого меня принимаешь?! Понимаешь, он в Канны ездил, вернулся и теперь часто сидит онлайн ночью.

— И???

— Что «И»? Этого, что, недостаточно?!

— Ты совсем ебанулась? Это все, что у тебя есть?

— Я не виновата, что ты такой тупой, чтобы не построить простую логическую цепочку.

— Жги.

— Он никогда раньше онлайн не сидел ночами, а теперь сидит. Я же это вижу, хоть и в разных городах живем. Значит, он кого-то там зацепил и теперь чатится. Просто так чатиться не будет. Значит трахался. Раз он

трахался, значит, там все серьезно, он не такой, как все вы тут. А раз все серьезно, то значит, эта пизда поняла, что чувак на бабле, и уже его никуда не отпустит.

— Это все паранойя сотового уровня. Но хорошо, допустим, он там кого-то склеил! Почему это не мог быть просто отпускной секс?! Вы даже не женаты еще!

— Ты его видел?! С ним просто так никто в отпуске трахаться не будет! С ним либо по любви — как я, либо за бабло — как она. Она же не могла его полюбить за три дня.

После такой шедевральной аргументации я сдался.

— А ты уже с ним поговорила?

— Еще как! Такой скандал вчера закатила! Он, конечно, в отказ, но видела страх в глазах, значит, я права. Вот теперь не знаю, что делать дальше. Сразу уходить или подумать.

— А я понимаю, почему у него страх в глазах.

— Почему?

— Потому что он понимает, что с полной психопаткой связался! И пить я с тобой не буду. Я бы на твоём месте заткнулся и надеялся, что он тебя сам не вышлет.

— Думаешь, подождать?

— Уверен.

— Ладно, я подумаю.

Через неделю она мне позвонила.

— Ну Цыпкин, ну у меня всегда чуйка, а ты мне не верил!

— Что случилось?

— Он уже неделю не в онлайн! Скажешь, это совпадение?

— Я тебе перезвоню, у меня встреча.

Я повесил трубку, налил вискаря и, не чокаясь, с зеркалом выпил за чувака.

— «Держись, брат, tobi... Ну, ты в курсе».

Накипело

Лечу из Израиля. В самолете оживленно. Начали разносить еду. Нигде так не хочется джанкфуда, как в театре и в самолете. Феномен, но не суть. Позади меня исключительно взволнованная пара. Они долго решали, кто сядет у окна, включать ли вентиляцию, кому смотреть айпад... Муж разумно сдался по всем направлениям, но, судя по сопению, обиду затаил. Стюардесса громко сообщила заключенным опцию по баланде: баранина с гречкой и курица с макаронами. Наша пара услышала издалека эти варианты и тут же начала ругаться, пока полевая кухня медленно к ним приближалась.

Ж: Давай я возьму баранину, а ты курицу.

М: Почему? Я тоже хочу баранину.

Ж: Я не хочу гречку, а хочу макароны. Ну тебе не все равно? Съешь курицу с гречкой.

М: Я не хочу курицу. Возьми себе курицу и будут тебе макароны.

Ж: Ты что, потерпеть не можешь? Я не хочу курицу, я хочу баранину с макаронами. Я вообще не понимаю, о чем мы все время спорим. Какая тебе разница? Ты вообще дома ешь все, что дадут.

М: Можно подумать, у меня дома выбор есть. Могу я хотя бы в самолете съесть, что хочу! Не хочу я курицу! Ты ее готовишь три раза в неделю!

Ж: Так ты до рынка доедь, купи нормальную баранину! Ты, что, жене уступить не можешь?!

М: Да я все время уступаю, можно я (нецензурно) съем то, что хочу. Я ненавижу курицу.

Ж: Ненавидишь?! А дома ешь! Мучаешься, да?!

М: Да!

Ж: Да, я ее тоже ненавижу! Я тебе готовила! Будешь теперь сам себе готовить! Достал меня больше, чем курица. Подавись своей бараниной!

М: И ты меня! И буду готовить! И точно не курицу!

Тележка тем временем подъехала. Дуэт пациентов клиники неврозов орет, выпрыгивая из ремней:

— Баранину, пожалуйста!

— Баранина кончилась. Курицу будете? — железным голосом закрыла еврейскую дискуссию русская женщина.

Кавычки

Как-то я запил в конце девяностых. Пошел дватый лонгайленд. Прекрасный коктейль. Ничего не понимаешь, когда пьешь. Ничего не понимаешь, когда приходишь в себя через пару дней. В общем, мне было тепло. Рядом обнаружился человек. Разболтались.

Выяснилось, что он еще ребенком уехал в Израиль, но теперь часто навещается. Я, разумеется, сразу вспомнил историю на тему эмиграции и запутывающимся языком поделился. Текст был приблизительно такой...

Конец восьмидесятых. СССР очевидно разваливается, будущее от этого неочевидно. Граждане семиты натуральные и фальшивые уезжают. Власти, разумно полагая, что евреям, кроме мозгов, с собой ничего не нужно, несколько ограничивают возможности вывоза всего, что можно ТАМ как-то продать. Валюта меняется только на срок в камере и поэтому уезжающие пытаются взять хоть что-то для натурального обмена по прибытии. Это сейчас все смешным кажется, а тогда отнюдь. Состоявшиеся, зрелые люди уезжали в нищету и неизвестность. Но, как всегда бывало с избранным народом, изощренность властей всегда проигрывала рискованности и таланту. Чего только и как только не везли контрабандой... Наиболее примитивным решением было экспортировать в чемодане черную икру. Таможня разрешала брать с собой две банки (может больше, но не суть) и поэтому, если находила сверх лимита, то за отсутствием тогда модных нынче печей, тупо конфисковала.

Разумеется, потом эта «еврейская икра» таможенниками продавалась. Отцовский приятель, будучи пойманным, икру не сдал. Он, глядя в лицо подсчитавшему прибыль вымогателю в погонах, открыл синие банки и съел на глазах у общественности все, что можно было съесть. В самолете ему стало дурно, и он таки вернул икру родному государству, но в непригодном для продажи виде. Случай с ним разошелся по тусовке отъезжающих, но тем не менее с икрой стали аккуратнее. Однако один из рискованных парней как-то замотал в одежду лишние консервы и попытался их вывезти. Не вышло. Чуть ли не пять банок было найдено доблестным сотрудником. Ожидался очередной сеанс уничтожения санкционной еды. Но горе-контрабандист рисковать здоровьем не стал. Он стал просить разрешить ему в виде исключения все взять с собой, так как реально, чем там жить, он не знал. Просил по-человечески. Таможенник сказал, что еврею побыть нищим не помешает. С каждым словом иммигрант унижался

все больше, а чиновник давил его со всей сладостью власть имущего.

Наконец слабый сдался. Он с тоской посмотрел на символ родины и попрощался:

Забирай, смотри не подавись.

— Вали давай,— отрезал антиверещагин,— а то я еще все твои конверты проверять начну, что ни чемодан, то почтовый вагон. Кому вы там все пишете, не лень ведь!

Через два дня таможеннику сломали нос и выбили два зуба. Несчастный отъезжающий оказался достаточно известным в Питере мошенником, он договорился на рыбзаводе и сделал лимитированную версию особой черной икры. Жестянка правильная, а внутри «заморская» баклажанная. Таможенник открывать ничего не стал, а традиционно продал каким-то спекулянтам. Шутки они не поняли.

Нищий провез в той ходке несколько каратных камней. Его же не обыскивали после унижения с икрой.

Мой собеседник рассмеялся, но потом как-то вдруг погрустнел. Спросил, хочу ли я услышать его историю про иммиграцию и письма, не такую смешную, конечно, но искреннюю. Я помню, как он ее начал...

— Ты вот не понимаешь, а в семидесятые уезжали навсегда.

Это очень страшное и какое-то чужое для нынешнего времени словосочетание. Уезжать навсегда. Вот представьте, что вы решили поучиться в Америке, забегаете привычно к бабушке, что-то там болтаете про излишнюю полезность заокеанских наук, про новый опыт, а на ней лица нет. Смотрит на вас, как будто напиться вами хочет, и стареет прямо на глазах. Она знает, что больше никогда вас не увидит. Никогда. Да и вам от этого пусто и холодно вдруг становится. Невыносимо пусто. Невыносимо холодно.

Просто посмотрите сейчас на близкого вам человека. Вы все поймете. Даже в тюрьме разрешены свидания, и у большинства есть право когда-нибудь вернуться домой. У тех, кто эмигрировал из СССР, не было ни прав ни надежд. Поэтому старались уезжать семьями и поколениями.

Драмы при такой бесчеловечной системе были неизбежны.

София Яковлевна решила остаться. Ее сын Миша с женой Таней решили иначе. Пятнадцатилетнего внука Лёнечку, которого вырастила именно баба Соня, особо никто не спрашивал, может и к лучшему, нельзя ребенку предлагать такой выбор.

Не выдержит.

Почему она осталась? Из-за дедушки Коли. Она его любила, а он уезжать не хотел. Воспитав Мишу как родного, он разумеется евреем от

этого не стал, хотя несколько раз усердно начищал ноздри всем, кто только подумывал сказать «жидовская морда» в адрес любого из членов его новой семьи.

Дед Коля, кстати, не был истовым большевиком, скорее наоборот, и к отъезду Миши с Таней относился без злости, но с горечью. Своих детей у него было двое, но, как часто это бывает, если любишь женщину всем своим внутренним миром, то и ее детей постепенно начинаешь любить точно так же неумемно и безгранично, иногда даже больше, чем своих, но рожденных от нелюбимого человека. Ну а уж Лёначка... Лёначка так вообще был для него родным.

Когда вокруг начали уезжать, дед Коля вспомнил, как на войне попал под артобстрел и остался живой один из взвода. Каждый летящий снаряд он ждал тогда, как последний. Каждый раз, когда Миша с Таней забегали к ним в гости, он боялся, что они скажут: «Мы уезжаем». Из-за этого страха он даже несколько раз просил их не приходить, ссылаясь на болезнь. Но от осколка уйти можно, от судьбы нельзя. В тот вечер все плакали, кроме Софии Яковлевны. Точнее, она плакала внутрь. Никто этого не видел.

Остальные же пытались себе доказать, что безвыходных положений не бывает, что все как-нибудь образуется, ввали себе отчаянно. Только по-настоящему смелые люди смотрят правде прямо в зрачки. Смотрят до тех пор, пока либо правда, либо они не уводят глаза в сторону.

Миша, Таня и Лёначка уехали. Дед Коля долго смотрел вслед самолету, как будто надеясь, что тот развернется, а Лёначка смотрел в иллюминатор. Он сразу попросил родителей называть его теперь Лёня.

Полетели письма. Власть тогда сделала все, чтобы отрезать людей друг от друга, и даже телефонный звонок за рубеж становился огромной проблемой. Из дома Тель-Авив не наберешь. Специальное место, специальное время — молодым-то сложно, а уж старикам... Значит — письма. Длинные и короткие, теплые и холодные, редкие и частые. Сколько же жизней проживали люди по разные стороны границы в этих листках бумаги, отправленных из одного пожизненного заключения в другое.

Слезы внутрь — это самый сильный яд. Через три года София Яковлевна заболела. Солнце перед закатом особенно быстро бежит по небу. Миша как раз в это же время сломал руку и так неудачно, что письма мог печатать теперь только на машинке.

Каждый раз в письме извинялся, что никак они не могут созвониться, он работал в каком-то пригороде и дома появлялся только на выходных, и то нечасто. Да и София Яковлевна уже не в силах была ходить на телефонную станцию. Так что только строчки и буквы. Она и читать-то уже

не всегда могла, больше слушала деда Колю в роли израильского информбюро. Хранила баба Соня письма на тумбочке у кровати, иногда возьмет в руки и спит с ними. Так и умерла с листками в высохшей ладони.

Дед Коля тогда все-таки дошел до телефонной станции и позвонил. Лёнечка ему опять ничего не сказал. Не смог.

Его папа не сломал руку, он по глупости утонул в январском море шесть месяцев назад, как раз когда бабушка вдруг заболела. Сказать бабе Соне правду сил ни у кого не было. А узнав, что ей недолго осталось, решили с мамой придумать историю про руку и про работу в пригороде. Деду Коле тоже ничего не сообщили, конечно. Лёнечка стал писать за себя, и печатать за отца. Через пару недель после смерти Софии Яковлевны от нее пришло последнее письмо.

Почта иногда так безжалостна.

Письмо было Лёнечке. Оно застало его в армии. В нем было всего четыре предложения, написанные неровным, выдыхающимся почерком.

«Спасибо тебе, мой любимый Лёнечка, за папины письма. Я всегда говорила Мише, чтобы он научился у тебя писать без ошибок. Не бросайте дедушку. Он вас так любит. Бабушка».

Лёнечка заплакал. Внутрь. Шла бесконечная арабо-израильская война. А на войне не плачут.

Дед Коля Лёнечку дождался. Пятнадцать лет. Они оба отсидели по полной.

Лёнечка извинился, что загрузил меня и как-то незаметно исчез. А может, просто лонгайленд был таким забористым.

Я лишь подумал, что не хочу в СССР. Никогда.

Э-ге-гей-карма

На злобу дня и в тему Обамы-геелюба достал из архива уморительную кармическую сагу, рассказанную мне одной питерской знакомой в разгар кризиса.

Она не дала начальнику, а через месяц он пригласил ее в ресторан и начал беседу с эпической фразы: «Катя, прости меня за тот случай. Я понимаю, как это было мерзко с моей стороны. Поверь, такого больше не повторится никогда».

Катя удивилась, так как в целом шеф ее особо-то правил приличия российских не нарушил. С чего такое раскаяние?

Но обо всем по порядку.

Итак, подруга моя пошла личным ассистентом к предпринимателю средней руки и средней внешности. Немного пухловат, немного начитан, о сотрудниках заботится, корона приемлемых размеров, женат, лицо приятное, даже, можно сказать, местами изысканное. Пытается хорошо одеваться и быть галантным. Не злой.

Поехали они вместе на какую-то мощную конференцию, на которой Алексей Александрович должен был выступить с презентацией. Ресторан в отеле неуютный, а подготовиться и правда надо. У шефа съют с гостиной и спальней. Он предлагает доработать в номере, туда же заказать ужин. Катя, девушка «палец не клади никуда», в свои двадцать семь охлаждать пылких умеет лучше многих моих ровесниц, хотя и пуританкой ее не назовешь. Поэтому предложение пойти в номер поработать она не восприняла как оскорбление.

Сидят обсуждают выступление, пьют, естественно, шабли — что еще у нас считается аристократизмом? В один прекрасный момент Алексей Александрович кладет руку на Катину запястье и говорит:

— Я очень рад, что ты со мной работаешь.

Обручальное кольцо не вовремя сверкнуло, душевный начальник трогательно смутился и убрал руку.

Катя понимала, что за таким жестом последует следующий, но устраивать сцену не хотела. Мало ли, ошиблась в намерениях, да и потом человек хороший, милосердие никто не отменял. Хотя рабочий секс никогда ни к чему хорошему ее не приводил.

Пошла вторая бутылка, и малоопытный обольститель предпринял еще одну попытку. Поймав момент, когда Катя решила снять пиджак, он с

неожиданной ловкостью подскочил, с еще более неожиданной нежностью помог и задержал руки на плечах чуть дольше, чем можно было объяснить случайностью. Намерения стали очевидными, но Катя надеялась избежать ссоры. Еще через пятнадцать минут Алексей Александрович предложил сделать своей ассистентке массаж головы, так как, дескать, он ему обучался у каких-то особо продвинутых мастеров. С анатомией у начальника было не так, как с массажем, голову он быстро перепутал с шеей, шею со спиной, а потом и вовсе попытался расстегнуть пуговицу на блузке. Катя встала с кресла и тихо сказала: «Я на работе не могу, и у меня есть молодой человек». Именно в такой последовательности, как бы щадящей эго руководителя.

Начальник опечалился, вернулся на свой стул, стал угрюмо пилить рыбу, и вскоре Катя ушла в свой номер. Надо отдать должное благородству А. А., никаких репрессий не последовало. Он искренне грустил, но на работе это не отразилось. Повторных штурмов не предпринималось, двусмысленных шуток не было — тоска, а не Дон Жуан. И вот вдруг это приглашение в ресторан с таким непредсказуемым началом разговора. И последовала исповедь.

Бизнес у Алексея Александровича был на редкость незамысловат. Торговля западными «бусами» для российских аборигенов. «Бусы» шли прекрасно, пока кое-что в Черном море не стало нашим, а отечественной валюте не стало дурно, вместе с ее хранителями. Ситуация А. А. была проста и безнадежна. Закуплен товар по одному курсу, а продавать нужно по совершенно другому. Бизнесмен наш был патриотичен и патриархален, но данные скрепы не влияют на курс и задолженности.

Пришлось благородному русскому князю собираться в Золотую Орду, договариваться об отсрочках, скидках... Владелец «бус» и кредитор сказал приезжать в город NN, где он вещал со средней трибуны на какой-то бессмысленной профессиональной конференции. Поселился должник в соседнем с объектом челобитной отеле омерзительных четырех звезд. А. А. выслушал доклад, аплодировал громче всех и даже хотел встать, чтобы публично прослезиться.

После выступления Анри окружили, и А. А. не смог с ним поговорить. Вскоре ему была прислана смс с предложением встретиться в лобби около девяти. Алексей Александрович посмотрел на часы и понял, что до девяти целых двадцать одна тысяча семьсот сорок восемь секунд. Терпеть он мог с трудом. Ровно в девять, вооружившись компьютером, презентацией и скорбным выражением лица, наш герой вошел в лобби. Анри сидел с какими-то буржуями и попросил А. А. подождать за соседним столиком.

Прошло еще тридцать минут. Патриотизм торговца начал кипеть. Он втыкал Анри «Искандеры» прямо туда, куда его послал российский банк, в который А. А. пришел за отсрочкой платежа по кредиту. Неожиданно француз встал, подошел к Алексею Александровичу и предложил пойти к нему в номер, так как в лобби поговорить им не дадут.

Где-то глубоко в животе у российского предпринимателя похолодало. Надо сказать, Анри выглядел именно как те, кого некоторые российские ценители прекрасного предлагают кастрировать. Такой радикализм А. А. не поддерживал, но просто сажать считал очень хорошей и перспективной идеей. Это не мешало ему (как водится) вести бизнес с подозрительно метросексуальным Анри, но после каждого рукопожатия он особенно тщательно мыл руки. Анри же, наоборот, очень тепло относился к российскому партнеру, обнимал при редких встречах и присылал подарки на Рождество. Это, конечно, ничего не значило, но в брутальной России считалось странным. Тем не менее открыто тема никогда не поднималась, с личным Анри пойман не был, и вообще, у него, как говорили, была жена.

Учитывая, что в российской действительности любой мужчина, который следит за собой и соблюдает гигиену, уже вызывает подозрения, А. А. понимал, что мог ошибиться, и опасался промазать как следует. Отказ идти в номер означал бы только одно: А. А. считает Анри геем и ссыт оставаться с ним один на один. Если первое не так, то можно серьезно обидеть нормального человека, да и признаваться в трусости российский купец не хотел.

— Конечно, — излишне бодро отчеканил гееборец и двинулся за Анри.

Номер был двухкомнатный и оставлял надежду. Француз достал бутылку какого-то белого вина, но не шабли, чем немало озадачил Алексея Александровича, считавшего, что есть только два вида белого — ркацителли и шабли. Чокнувшись за бизнес, партнеры начали беседу. Ярославна рыдала.

Справедливости ради отметим, что Родине А. А. не изменил. На любые вопросы про Украину он отвечал, что во всем виноваты американцы.

Француз смотрел с пониманием. Неожиданно он положил руку на запястье Алексея Александровича и произнес:

— Я очень ценю наше сотрудничество и сделаю все возможное, чтобы поддержать тебя в трудную минуту.

Булки А. А. непроизвольно сжались. Он вспомнил Катю. Ему стало очень и очень стыдно. Даже противно. Даже омерзительно. Если бы он не был женат, он в тот же момент послал бы Кате предложение выйти замуж,

и всю жизнь целовал бы ноги, чтобы искупить свою вину. Раскаяния прервал Анри:

— У тебя такое лицо, что мне больно смотреть, всё будет хорошо.

— Да нет, просто голова болит. Спасибо большое за поддержку, я ее очень ценю.

Про болящую голову вышло очень правдоподобно, хотя и напомнило А. А. о слишком часто болящей голове его любовницы из Москвы.

— У меня есть таблетки,— Анри убрал руку с запястья.— Или хочешь, я тебе сделаю массаж головы. Я недавно был в Азии, и там меня научили снимать головную боль.

Алексей Александрович вспотел до желудка, в котором кусок льда хоть как-то поддерживал температурный баланс. Рот застыл в глупой улыбке, а в голове мелькало «один раз — не Элтон Джон». А еще он поверил в карму и Страшный суд, поклялся не только отдать Кате почку, но и расстаться с московской подружкой. Но все это было в будущем, а сейчас вопрос стоял копчиком: давать или не давать за деньги. В России его ждали сотрудники, дети, жена и неприятный российский банк, который в кризис патриотично отжал уже пару бизнесов у зазевавшихся товарищей. В процессе переговоров некоторые сопротивлявшиеся оказались под следствием и с трудом откупились от еще больших проблем.

Ситуация для А. А. была напряженная. А главное, он сомневался в порядочности Анри. То есть не было уверенности, дадут ли денег ему, если даст он. А. А. и его товарищи не раз заманивали барышень в постель, обещая заоблачный шопинг и прогулку на яхтах.

Выполнялись обещания в тех редких случаях, когда девушка была не дура и стулья предлагала после денег. Такие сучки вызывали у наших любовничков особенную аллергию, они обозлялись на всех женщин и кидали менее продуманных подруг в отместку всему прекрасному полу. Но просить денег у Анри до секса было бы совсем уже унижительно. Параллельно А. А. пообещал, что если выкрутится, то купит всем своим партнершам всё, что обещал.

Анри принялся массировать голову А. А., который думал только об одном, спустятся ли руки француза ниже головы или нет. Шея была его последним рубежом обороны. Алексей Александрович попытался представить себе, как все будет, ужаснулся, вспомнил еще раз Катю и решил, что без любви он не может. Фраза родилась сама собой из воспоминаний о героической помощнице и ее отказе.

— Я на работе не могу, и у меня молодой человек! — на полном автомате выпалил А. А.

Не успел он сообразить, что сказал, а Анри отреагировать на такой каминг-аут, послышался звук открывающейся двери.

«Он что же, с кем-то вдвоем драть меня собирался?!» — возмутился А. А.

— Анри, ты здесь? — голос был женским.

— Да, привет. Я тут как раз тренируюсь снимать боль. Это Алексей, наш российский партнер, и да, из нас гей только он, несмотря на мой массаж, — Анри хохотнул, подошел к жене и поцеловал ее.

— Алекс, вы гей?! И как вам живется в России? Это же ужасная страна для таких, как вы! — жена у Анри была красивая, гораздо привлекательнее и жены А. А., и большинства его любовниц.

Медленно выходящий из комы российский ложный голубой понял, что ситуацию может спасти только чистосердечное признание.

— Анри, прости, я не гей, мне очень стыдно, но я подумал, что этот массаж, это... ну-у-у-у... ну... что... что ты... в такой ситуации никогда не был и почему-то ляпнул, английский не родной, вот и получилось... в общем, прости, пожалуйста!

— Голова-то прошла?

— Да.

— Ну, вот видишь! А вообще, смешно, конечно, получилось. Насчет массажа прости, и правда, для вас, русских, это, наверное, непривычно, да и для нас, честно говоря, тоже, просто я так горжусь, что научился снимать боль, что уже скоро в больницу пойду работать.

Алексей Александрович в тот вечер напился и много думал о том, что секс и зависимость не совместны, как гений и... ну, вы в курсе.

Кредит он получил. Долги девушкам раздал.

Цветы

Когда нам было «двадцать плюс», мы любили трахаться. Не заниматься сексом (мы не умели), не заниматься любовью (мы не понимали), а именно трахаться. Сплошное удовольствие и никакой ответственности. Но были и проблемы. С кем и где. С кем — мы кое-как решали, а вот где — оставалось сложной задачей, особенно в осенне-зимний период, когда грядки впадали в спячку, и родители бессмысленно торчали дома. Нас спасали машины, и поэтому приобретение авто стояло первым в списке предметов особой необходимости.

Я организовал рекламную акцию по распространению презервативов, как сейчас помню, «Durex», заработал на этом благочестивом деле и купил себе ВАЗ-2105. Сразу скажу, не лучшая тачка вообще, и для секса в частности. Но теплая. А что еще зимой нужно? Мне в ней бывало хорошо. Даже очень. Но однажды стало горячо.

У меня случился роман. Длительный. Дня три. Девушка была фигуриста, и я весь изводился. Хотелось очень. Я бы даже сказал — требовалось. Причем не обязательно секса, а просто в руках подержать. Но в том юном возрасте мы же не знали, что женщины принимают решение да/нет в первые три минуты, а потом уже начинаются шахматы. Я-то думал, она не решила, и боялся даже поцеловать, а тем более — предложить что-то более.

Вы бы видели меня тогда... Рост тот же, но минус двадцать килограммов. Спиннинг с лохматой головой. Мне только фигуристой в пару не хватало для бесконечного глумления со стороны друзей.

Итак, катаемся мы по городу, слушаем музыку, печку я в «пятерке» натопил так, что можно было брать веник и париться. Девушка сняла куртку и осталась в свитере с вырезом. Мои глаза так косили, что я был не уверен, что они вернутся назад. Подъехали к ее дому. Она неожиданно предложила посидеть еще в машине. Я стал смутно догадываться, что это неспроста. Но тупил отчаянно. В итоге ей пришлось даже за руку меня взять. Ровно через наносекунду после этого я вцепился ладонями в ее грудь, как щенок бультерьера в резиновый мячик. Были бы силиконовые — лопнули бы. Подруга предложила хотя бы от дома отъехать и найти место немного поукромнее. Я опять стал подозревать ладное.

Помчал, дрожа всем телом, на Крестовский. Тогда его еще не застроили, это был практически лесопарк в самом центре города с редкими

домами. Ночами он превращался в лес автосвиданий. Качественные ниши нужно было занимать заранее. Поздним вечером, куда фарами ни посветишь, — везде секс в большом городе. Пришлось покружить. Наконец нашел какой-то глухой кустарник. Осень, темно — глаз выколи. Въехал. Фары выключил, мотор глушить не стал. Не мерзнуть же. Набросился опять. Чуть не разорвал бюстгальтер и не сломал застёжку. Держу. Глазам не верю. Рукам тоже. Если честно, мне бы этого хватило, но девушка думала иначе, и я понял, что меня сейчас-таки трахнут. Цинично и без чувств, а я ведь другой, я же про любовь, но решил пойти на компромисс с собой и согласился. Грудь я из рук не выпускал, как альпинист страховку. Девушка поняла, что и не отпускаю. В итоге я остался на водительском сиденье, а она — сверху, лицом ко мне, так, чтобы не отбирать у ребенка игрушку.

Кстати, тогда я понял, для чего нужны чулки. Удобно.

Процесс идет. Вдруг фонарь — прямо в глаза. Картина прелестная. На мне девушка, я руками впился в ее голую грудь. Зубами открываю окно.

— Ну что, молодежь, нарушаем общественный порядок?

Два милиционера — один постарше, другой совсем пацан — с любопытством рассматривали объект моего вожделения. Фонарь нежно скользил по произведениям искусства. Девушка опешила, а потом резко прикрыла грудь руками. Пип-шоу закончилось.

— А нам с женой сексом заняться негде! Дома дети, теща! — возмущался я достоверно. Отмечу, в двадцать лет я выглядел на подростка-акселерата, не более.

— Дети, значит, жена... И как жену зовут?

Я поплыл. У меня проблема с именами. То есть я до сих пор могу вдруг забыть имя даже близкого мне человека.

Раздался шепот: «Маша, идиот!»

Я как в школе на физике отчеканил:

— Маша.

Сажу ждущую пятерку. Сияю.

Милиционер оказался с юмором:

— Молодец. Ну а сколько Маше лет? А Маша теперь молчит и не подсказывает.

— Извините, а можно я хотя бы оденусь и слезу с мужа? — женщины в любом возрасте обладают фантастическим самообладанием.

Страж порядка (по-отечески заботливо):

— Ну да, дети, одеваемся и выходим из машины. Сначала парень.

Я вышел.

— Ты что, не мог другого места найти?! Устроил, блять, международный скандал!

— В смысле?

Какой может быть скандал в кустах у темного, как мне казалось, заброшенного здания, я не понимал.

— Зачем ты встал у стен датского консульства?! Вас камеры засекли, охранник их местный подходил, но решил нас вызвать. Постеснялся, говорит.

— Консульство???

Питерцы знают этот массивный замок, который я умудрился не заметить, будучи в «сексзальтации».

— Они тут что-то чинят, работяги забор сняли, распиздили и не вернули вечером, натянули ленту какую-то, а ты нырнул к ним на задний двор. Ладно, это не важно уже. У тебя документы есть, она совершеннолетняя, где ты ее снял?

— Я никого не снимал! У нас отношения!

— Что ты меня лечишь, имя не помнишь же. Поедем вас обоих оформлять за нарушение общественного порядка, а там, может, и расколется, где работает. Поехали.

Ехать не хотелось. Я начал работать на шведское, считай, консульство, и они не простили бы ни аморальное поведение, ни измену с датчанами.

— Да говорю же, она моя девушка! Имя не помню потому, что у меня побочный эффект от эуфиллина! Я астму лечу. Слышите, как дышу? Вот таблетки. Память выборочная, хотите, у врачей спросите (чистое вранье, но астма была, и эуфиллин был всегда с собой). А то, что она не проститутка, я доказать могу!

— Доказать? Доказательства мы любим. Давай.

— У меня цветы на заднем сиденье. Думаете, я проституткам цветы покупаю? Я ж не Есенин!

Кролик был очень вежливым и всегда приходил на свидания с цветами.

Особенно на первые, особенно в двадцать лет.

— Цветы... Есенин... Романтик. Это хорошо. Учись, Серега! — обратился он к младшему.

Паспорт Маши подтвердил, что она совершеннолетняя. Мы еще немного поныли, и нас отпустили. Напоследок милиционер шепотом посоветовал одно укромное местечко недалеко. Советский Союз еще тлел в головах, и люди были добрыми, даже милиционеры.

Байка про эуфиллин сработала и с Машей. Грудь мне вернули. Всё

кончилось хорошо. Даже очень.
Покупайте девушкам цветы.

Правила игры

Грустная, удивительно банальная и поэтому практически экзистенциальная история. Разговорились на днях.

Мой товарищ юности Игорь решил развестись с женой и на этом сложном пути ему открылась истина. Не поделиться новыми знаниями с общественностью он не мог. Оказалось, он жил впотьмах, в полном неведении о силе, так сказать, дремлющей внутри желеобразного тела. Но по порядку.

Итак, в свое время Игорь женился. Брак даже самый нежный, если не теплица, то либо война, либо игра. У войны есть законы, у игры — правила, но вот кто, как и когда их устанавливает? Согласитесь, один и тот же мужчина может быть тираном в одном союзе и овощем в другом. И как говорится в известном анекдоте, в психиатрии важно, кто первый надел халат. Правила и законы прописываются практически с первого свидания — кто в первую ночь спит у стенки, тот там и благоденствует до старости. Кто кому чаще звонит в конфетно-букетный период, тот и через двадцать лет будет отчаянно смотреть в экран. Не обманывайте себя, переписать кодекс первой недели можно ценой очень серьезных жертв и усилий. И еще одна неприятная правда.

Чувства чувствами, а война войной. Как бы вас ни обожали, но если территория сдана, ее никто бескровно не вернет.

Игорь в силу неумейной влюбленности и интеллигентских иллюзий подписал контракт, не глядя. Девушке Татьяне даже не пришлось вести позиционных боев. Пришла в город, а там Игорь, с белым флагом, наручниками, веревкой, мылом и табуреткой. Услужливо лакействует. Где госпожа прикажет, там буду висеть.

Абсолютная любовь разлагает абсолютно.

Сначала Татьяна решила, что друзья у Игоря не несут никакой смысловой нагрузки, и оставила ему для встреч 7 утра первого января и поздний вечер 31-го августа. Затем под нож пошел, как бы пошло это ни звучало, домашний просмотр футбола, затем горные лыжи («кто тебя потом будет выхаживать, если ты переломаешься»), поездки к родственникам Игоря, ряд непрофильных активов в виде дедушкиной дачи... Отдадим должное нашему борцу за равноправие. Он пытался отстоять хоть что-то, но каждый раз упирался в готовность Татьяны идти до конца. То есть Игорь просчитывал, к чему приведет ссора, и понимал, что он из-за такой мелочи

чемодан не соберет, да и просто серьезно скандалить не будет, а вот насчет жены он не был уверен. Проверять было страшно. К тому же Таню он любил, так что если она еще и применяла тактику выжженной слезы, то он тем более проигрывал. С каждым годом территория независимого государства уменьшалась. Игорь стал реже видаться с дочкой от первого брака, не пошел на повышение, потому что это привело бы к большому количеству командировок.

Было бы смешно, если не факт — живой человек тихонечко превращался в мертвого. Нет, никто не говорит, что Таня его не любила. Отнюдь. Если он заболел, то купался в курином бульоне и антибиотиках. Если изнашивал костюм, то все выходные огнем и мечом перепаживались правильные бутики. Более того — Игоря иногда даже ласково гладили за ухом.

Но случилась неприятность. Несмотря на тотальное безволие и домашний арест, Игорь увлекся. В это сложно поверить, но в девушку, которая его подвезла. Сделав из мужа турнепс, жена перестала думать о возможных рисках и выключила сигнализацию. Влюбленность перешла в любовь, и Игорь, набравшись смелости, начал задумываться о разводе. Стоит ли говорить, что мужества сказать все в лицо у него не было. Игорь решил поступить по обычной мужской парадигме: взять измором и сделать все, чтобы жена сама его бросила.

Началось все с мелкого саботажа. Он совершил неслыханное. Сообщил, что встретился с друзьями, и выпьет. Если называть вещи своими именами, то мужик в тот вечер нажрался до полного отказа всех систем. Пришел в три, перебудил весь дом и свалился в гостиной. Утром начался террор. Но где-то глубоко внутри человека, состоящего только из клетчатки и дистиллированной воды, синтезировался вдруг белок отваги. Да, он был в чем-то искусственный, но работал как настоящий. Игорь хотел, чтобы жена указала ему на дверь, он ее даже провоцировал, а значит, был к этому готов.

И вот что удивительно. Жена в этот раз не стала давить на газ. Закончила скандал равнодушным «да хоть упейся с ними» и уехала по каким-то важным делам. Игорь был рад неожиданной индальгенции, и чуть не забыл, ради чего он все затеял. К разводу муж не приблизился.

Он поднял ставки и сообщил, что поедет на детские каникулы с дочкой кататься на лыжах. Сначала в квартире повис столп цианистого калия. Затем ураган «Татьяна» стер с лица земли полгорода, но Игорь внутри себя знал, что в этот раз тем, кто пойдет до конца, будет он. Ему, собственно, и нужен был этот конец. За сантиметр до пропасти жена остановилась. А вот дальше начались чудеса. Войска неприятеля сдавали деревню за деревней.

В финале каждой разборки возникал только один вопрос, паривший над линией фронта:

«Ты готов из-за этого развестись?» — молчали Танины нейроны.

«Да, готов», — молчали в ответ Игоря.

В ситуации обычной семейной ссоры такой подход звучит глупо, инфантильно, но...

Женский радар всегда считывает эту мужскую позицию. Особенно, если человек в нее верит, а тем более, если женщина где-то глубоко внутри себя понимает ее обоснованность. Себя же не обманешь.

За месяц Игорь стал гибридом Маркиза де Сада и Александра Македонского в отдельно взятой семье. Ну скорее — мог бы стать. Неожиданно оказалось, что жена более чем вменяемый и терпимый человек. Было понятно, что у нее есть своя черта, за которую она не отступит, но она находилась там, где и должна находиться у мудрой женщины с нормальным чувством собственного достоинства. Отмечу, что Игорь, как человек воспитанный, ее не переходил. Весь в губной помаде домой не возвращался, в хамство и унижения не сваливался. Он понимал, где проходит эта разумная граница дозволенного в жизни двух уважающих друг друга людей. Он понимал это сам.

Впервые за восемь лет брака все стало хорошо. Только ему было очень и очень грустно, а точнее, больно и в чем-то даже обидно. Восемь лет. Как все бездарно и как все до предела предсказуемо.

Да, он изменил правила игры, но было поздно, и он уже сильнее любил другого человека. Та, другая, один раз, кстати, попыталась что-то сказать насчет встречи Игоря со своими детьми. Добрый и мягкий по своей природе Игорь вспомнил, как это быть готовым иди до конца, если знаешь, что ты прав, и просто тихо промолчал, но так, что слышно было на весь город:

«Ты готова из-за этого со мной расстаться? Я вижу, что нет, а я да».

Он разучился любить абсолютно. Его научили, если быть до конца точным. Может, и к лучшему, может — нет.

Имена изменены. Суть — нет.

Утренний «секс»

2012 год. Зима. Мой приятель Коля очнулся в лондонской гостинице после катастрофического запоя. Детали вечера он представлял смутно. Сам вечер был. Это он знал доподлинно, так как если наступило утро, значит была ночь, а перед ночью обязательно бывает вечер. Но, кроме этого, он не мог вспомнить почти ничего. Да, начали пить еще в офисе, а потом кто-то достал памятестирующий девайс из «Map In Black». Надо сказать, еще в студенчестве Коля удивлял товарищей по счастью. Один раз он в пьяном беспамятстве доплыл от Кронштадта (где были военные сборы у наших друзей с первого медицинского) до какого-то форта рядом, там заснул, а утром пришел в ужас от предстоящего заплыва назад. В общем пить он умел, а жить пьяным — нет. Но вернемся в Лондон.

Коле было очень плохо, ему снилась пустыня Сахара, через которую течет река из рассола, но он никак не может до нее дойти. Проснулся он как раз, когда начал погружаться в спасительную жидкость с головой. В реальности рассола не было, а Сахара была. На столе стояла бутылка с водой, но до нее пришлось бы полдня ползти, а тело Колю не слушалось. Глаза моргали по очереди, и иногда веки зависали как у сломавшихся Барби. Дышать не хотелось, особенно выдыхать. Неожиданно рядом с подушкой прогремел взрыв. Сработал будильник на телефоне.

«Сегодня суббота, зачем я будильник поставил?!»

В голове что-то булькнуло, веки синхронизировались, дыхание нашло опору и вдруг все остановилось: «Катя же сейчас приедет!»

Мой товарищ жил в командировках и периодически к нему в разные города наведывалась жена, чтобы захватить выходные и вместе потусить. В принципе удивить Катю уже ничем было нельзя, но не привести себя в санитарно-приемлемый вид аристократичный Коля не мог. Он уже собрался встать, как вдруг ощутил холод в животе от неопознанного тепла рядом. В кровати был кто-то еще.

Коля замер и решил не оборачиваться: «Нет, нет, нет, я не мог кого-то притащить, зная о приезде Кати, я же сейчас ничего не помню, но ночью-то я соображал».

Мораль моего товарища прогибается под изменчивый мир, но вот воспитание — никогда.

По Колиным расчетам, у него было минут двадцать — убрать девушку из номера. Параллельно он пытался вспомнить, кто бы это мог быть. Свои?

Ну, теоретически, да. Двое из лондонского офиса его банка еще днем заявляли, что сегодня уйдут в разнос. Официантка из русского ресторана? Менее вероятно, но возможно. Они зашли туда на ужин всей компанией, и это он помнил. Он мог позвонить после ее смены. Усилием воли Коля заставил себя вспомнить, как попал в гостиницу. Все кричали, он с кем-то целовался, а вот с кем он зашел в сам отель, нейроны не рисовали.

Неожиданно раздался стук в дверь.

Коля решил спрятаться под одеяло и вообще оттуда не выходить никогда. Ему стало очень страшно, как и любому мужчине, которому светит роль заслуженной скотины. Он живо представил себе, как Катя дает ему по лицу, как кричит: «Я ж просила делать все так, чтобы я ничего не знала».

Бежать было бессмысленно, попытаться соврать — тоже. Решил сказать полную правду: напился до беспамятства, рядом тело, и он не знает, чье оно. И еще он подумал, что если жена простит его, то это будет последний загул. На самом деле Коле не так нужен был секс, как ощущение первого свидания, какого-то юношеского азарта, пинг-понга ледяным шариком, который таял быстрее, чем игра заканчивалась. Но так как юношей Коля уже не был, то убирать секс из программы ему казалось оскорблением по отношению к партнерам.

Он искренне полагал, что иначе он девушку обидит. В эти доли секунды между первым и вторым стуком, когда мысли проносились в Колиной голове со скоростью света, вышеуказанная мотивация показалась ему наиглупейшей, да и игра перестала выглядеть такой уж захватывающей в сравнении с реальной перспективой потерять жену или хотя бы серьезно испортить с ней отношения. Можно сказать, что с кровати, шатаясь, поднялся новый человек, адепт морали, трезвости и семейных ценностей.

Он встал и пошел на амбразуру голый телом и чистый душой. Неожиданно из-под одеяла недовольный женский голос пробурчал:

— Пусть они номер потом уберут. Дебилы, что за привычка по утрам в выходные людям спать не давать.

Голос Коля узнал. Он принадлежал его жене.

Глаза его снова заморгали несинхронно, колени подкосились. Коля икнул. Затем он автоматически подошел к двери, открыл, посмотрел полумертвыми зрачками на горничную, покачал головой, закрыл дверь и залез обратно под одеяло.

— Катя, а ты что здесь делаешь? — откуда-то издалека прокаркал незнакомый Коле голос.

— Господи, как же от тебя разит. Я время перепутала и приехала

раньше, взяла ключ. Я же жена твоя как никак, решила тебя не будить и легла спать.

Колино лицо, судя по всему, было настолько перекошенным, что Катя начала смутно догадываться.

— А ты думал, ты с кем спишь?

— А я вообще ничего не думал, я не могу думать уже часов десять последних, я еще посплю, а потом сразу умру.

Коля проглотил бутылку с водой, залез под одеяло, еще раз посмотрел на свою жену, убедился, что это точно она, поклялся не пить больше никогда и уйти в разрешенный семейным кодексом монастырь. Клятву он ни одну не сдержал. Люди не меняются. Это и хорошая, и плохая новость.

Одним абзацем

Из жизни подкаблучников

Из жизни подкаблучников. (Я возглавляю ассоциацию, если чо.)

Итак, товарищ, живущий в постоянном inferнальном ужасе, не расстроил ли он барыню-жену, был ею попрошен разрулить один вопрос уровня покупки крючка в ванную комнату. Бросив обязанности топа крупного холдинга, он со всей пролетарской одержимостью взялся за дело. Молниеносно исполнил, послал отчет Верховному. Оттуда — ожидаемая тишина. Много чести холопам отвечать. Через час сел на совет директоров, выключил телефон. Закончил, оживил связь и упал в обморок. Пять пропущенных вызовов от жены. Отмечу, что за последний год дважды подряд она звонила, лишь когда гражданин не встретил ее в аэропорту. После того случая ему отрубили голову, пришили, снова отрубили и так все выходные. А тут пять звонков. Он быстро уволился, попрощался с родственниками, взял кеш из сейфа, билет на ближайший самолет и решил сбежать из страны. Было очевидно — случился пиздец, а жить хочется, как никогда.

И вот уже почти в аэропорту снова входящий от жены.

Несчастный решил все-таки ответить, так как не взять трубку при включенном телефоне — это моментальная дистанционная кастрация. У него такой гаджет прикреплен.

— Алё.

— Звонила тебе сказать спасибо, что помог!

— ... пять раз звонила?

— Ну я чтобы не забыть в суматохе. Ладно, пока — спасибо, целую.

Бессердечные циники

Меня всегда окружали бессовестные циники. В свое время приятель долго встречался с двумя девушками одновременно. В какой-то момент он задолбался и решил сделать выбор. Долго взвешивал все за и против, советовался, ходил к астрологу, прислушивался к тому месту, в котором у обычных людей сердце, и в итоге определился.

— Ну всё, я решил. Выбрал Алёну.

— Почему?

— Не хочу говорить, ты решишь, что я совсем скотина.

— Да ладно тебе, из-за жопы, что ли?

— Нет. Ну правда, пообещай, что не скажешь, что я идиот.

— Ты идиот. Колись.

— Я реально охренел выбирать... Сил никаких нет уже.

— Ты что, издеваешься?! Можешь уже сказать, почему Алёна?

— У нее в душе такой напор!

Женское

Из разговора с одной из средних сестер:

— Вернусь в Россию, пойду на «Трейнспоттинг-2».

— Напомни, что это?

— Это продолжение главного фильма моей юности.

— А он когда вышел?

— Первый — двадцать лет назад.

— Какой ужас.

— Почему?

— Фильм твоей юности вышел двадцать лет назад, это просто пиздец!

— Да ладно, я еще ничего.

— Господи, при чем тут ты вообще?! Как всегда, только о себе думаешь. Ты, как никто, умеешь портить мне настроение, пока.

Обожаю женщин.

Женское. Прожитое

Булошная на углу Малого Афанасьевского и Сивцева Вражка.

Захожу. Пустынно. Ассортимент — диета, умри. Пирожные, бублики, круассаны, рулеты, корзиночки, булочки... Я хочу это всё. Вождедею. Этот огонь считают три милейшие продавщицы, и, в силу одиночности моего пикета, они все собираются по ту сторону витрины прямо напротив меня. Со срывающимся с губ азартом я почти безумно начинаю свой, как мне кажется, ЗАКАЗ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ. Три грации закатали рукава и открыли все прилавки.

— Как все вкусно! Значит, так. Давайте для начала корзиночку с малиной...

Затем я вижу в отражении витрины свой живот. Вспоминаю утреннее взвешивание, клятвы, обеты, споры и пари. Беру себя в руки и скучно заканчиваю:

— ... и всё.

Разочарование продавщиц осязаемо и видимо. Две просто осыпались, а третья со всей мудростью и прожитой болью пристыдила меня:

— А так все начиналось!.. Нельзя так с женщинами, нельзя.

Дилер

Из ночных историй, рассказанных в Стокгольме.

Герой зарисовки оказался по работе в маленькой арабской стране. Закончив дела, он решил культурно отдохнуть с использованием в некоторой степени запрещенной субстанции. Страна, как сказано, старомодная, могут и голову отрубить. Но у товарища кнопка аларм залипла в детстве. Начал спрашивать у коллег, кто отвечает за разложение и разгул. Привели дерганного араба, боящегося собственной тени. Наш друг спрашивает:

— Есть чего?

— Есть.

— Сколько?

— 500 долларов.

— Охренел! Что так дорого?!

В пять раз дороже стандартной цены в московской спецаптеке.

— Тут за это знаешь, что бывает?!

— Ладно.

Сдал деньги. Через тридцать минут араб вернулся. Он еще больше мандражировал, а глаза вращались вокруг головы, как Фобос и Деймос вокруг Марса. Дилер сунул в руки искателю приключений ТЯЖЕЛЫЙ пакет и испарился. Вес пакета изрядно озадачил. Он приблизительно в тысячу раз превышал вес заказанного товара.

Развернув, россиянин обомлел. В «газетке» была бутылка водки. В стране за поллитра можно под меч попасть, и она реально на черном рынке стоила, как самолет. Араб не обманул. О требуемых субстанциях даже речи никто не ведет. Друг напился. Ему было хорошо.

Люблю, когда меня ненавидят

Люблю, когда меня ненавидят. Прекрасное состояние. Лечу домой. Соотечественники традиционно выстроились к гейту за час. С котомками, узлами, курицей в фольге, баянами и балалайками. Стоят, как будто мест в самолете хватит не всем. Топчутся, мнутя, жмутся. Взглядом прожигают любого, пытающегося «подойти спросить». Уверен, найдется смельчак, который полезет без очереди. Его тут же разорвут на куски и съедят.

Несколько вальяжно сидящих в креслах (я развалился, как мог, у всех на виду) вызывают ярость и сладострастное ожидание торжества в момент зеленого свистка. Время приближается. Напряжение растет. У первого десятка на лице уже практически оргазм. Сейчас они войдут и сразу сядут одной жопой на двадцать кресел, а их барахло сложат в кабину пилота.

Наконец к стойке подходит гражданка, игравшая надзирателя в плохом кино про войну, и сообщает, что первыми к проходу приглашаются товарищи с двадцатого по тридцатый ряд, остальные могут перекурить, оправиться.

Я медленно и так, чтобы все видели, плыву мимо очереди торопыг, одаряю улыбкой каждого и прохожу в самолет третьим. Из первого десятка нужного билета не оказалось ни у кого!

Вы бы видели эти перекошенные лица. Я спиной чувствовал их любовь. Давно не было так хорошо.

Татуировки

Я люблю татуировки и всегда, если уместно, узнаю, есть ли они у собеседника. Вот лучший диалог на тему.

— У тебе есть татуировки?

— Ага, на спине.

— Что набила?

— Фразу.

— Какую?

Пауза...

— Что я дура.

Я тоже завис.

— На каком языке?

— На латыни.

— Написано на латыни, что ты дура?

— Нет, написано: «Я мыслю, значит существую», но сейчас я понимаю, что означает такая татуировка лишь то, что я была дура.

Уважаю умных, ироничных и самокритичных женщин. А первая татуировка всегда такая, у самого, знаете ли... ну... похожая.

Детское. Логичное

Абу-Даби. Отель. Мамаша с двумя «неуловимыми». Одному десять-одиннадцать. Второму... нуу максимум шесть. Старший все больше по телочкам у бассейна. За столом не удержать. Поэтому начальник трудового лагеря сконцентрировал любовь на младшем. В него заправляют весь буфет. Наконец кран отцелкнулся. Бензобак полон.

— Мам, а я хорошо поел?

— Да

— Я молодец?

— Конечно!

— А Федя?

— Федя — нет, Федя плохо поел.

— Ты его накажешь? — с надеждой и любопытством.

— Нет, он потом поест.

Малыш помолчал, посмотрел в небо и спросил то ли у мамы, то ли у облаков.

— А зачем мне тогда хорошо есть?

Мамаша откровенно зависла. Небо затянуло.

Языковое. Убийственное

Сон приснился. Итак, ты позвал ее домой, а она малого того, что богиня, так еще и согласилась. Ждешь к восьми вечера. Срочно убрал все следы разгула и отсутствия домработницы, продал родственников на органы и купил что-то infernalное, ну не знаю, Шато Лафит (наслушался БГ). Она пришла, голубое платье, каштановые волосы, глаза морсковолновые, но ты видишь только два торчащих соска. Когда она села на диван, ты понимаешь, что белья нет нигде. Температура растет, руки дрожат, электричество раздирает, и тут твоя мечта наклоняется, прикасается языком к уху и нежно шепчет...

— Сейчас допью винишко и сделаю тебе минет.

Именно так, блять, винишко и минет. Нет более омерзительных по звучанию и прекрасных по сути слов. Но звучание всегда убивает суть. Встаешь спокойно, берешь нож, вонзаешь ей в сердце, вызываешь полицию, допиваешь Лафит уже из горла, как учили великие.

Приезжают, допрашивают. Полицейский смотрит на этикетку.

— Так и сказала «винишко и минет»?

— Ага.

— Ну это самооборона, хорошего вечера.

Садись, два

Время американских историй, которые мне начали массово прилетать.

В семьях, в которых дети родились уже в США, но их пытаются с грехом в пятьдесят процентов учить русскому, происходят расчудесные скетчи. Бабушка провожает мальчика-отличника на экзамен.

— Ну ни пуха ни пера.

Товарищ притормаживает, вспоминает идиому, и через паузу и концентрацию, широко улыбаясь, выдает с акцентом.

— Бабушка, иди на хуй.

Школьная история

Прекрасные у меня родственники. Изобретательные. Рассказал мне чрезвычайно уважаемый ныне врач историю. Перешел он в новую школу уездного города N, восьмой класс. Устроил небольшой дебош, его учительница оставила после уроков, провела беседу и попросила родителей на следующий день зайти.

— Мама не может, она в командировке

— А папа? Папа завтра может, где он завтра?

Парнишка посмотрел в окно, выдохнул и печально так ответил:

— В тюрьме, не сможет папа завтра и послезавтра не сможет...

Пустил слезу практически. Учительница была душою тепла, нервами слаба, мальчонку пожалела, сняла все обвинения и даже пошла с ним в столовую, купила какой-то пирожок. Отпустила домой. Села сама с компотом, закручинилась. Подошел директор школы.

— Чего грустим, Татьяна Андреевна?

— Да вот с Т. из 8а поговорила. Сначала отругала, отца в школу на завтра вызвала, а он как скажет: «Папа завтра в тюрьме»,— у меня аж сердце зашлось. Хороший парнишка такой... Эээх, жаль.

— Конечно, в тюрьме. А где ему еще быть? Он председатель городской коллегии адвокатов.

Партия зеленых

«Сапсан» всегда был для меня источником знаний, но как жить после того, что я узнал сегодня в вагоне, сказать не берусь.

Сел спокойно с тремя тетушками, одна начала сразу же говорить про котов. Точнее, про их туалеты. Я узнал много нового и чрезвычайно мне необходимого. Лекция о том, как именно они ходят, куда, что при этом чувствуют и как научить их спускаться за собой и пользоваться освежителем воздуха, изрядно меня достала, и я решил переслушать новый альбом «Депеша». Через час он кончился, я вынул наушники и услышал обрывок фразы:

— Но если он писает в ботинки — это протест и необходимо разобраться в его сути.

Блять. ЧАС. Блять. Протест! Осознав, что передо мной Кастро от котов, я свалил в вагон-ресторан, там была расчудесная компания красоток-врачей (под руководством достойного «товарища Сухова»). Весело шутили и даже пили нефilterованное. Но неожиданно, без объявления войны мне рассказали, что есть в Москве услуга по снятию сексуального напряжения с кобелей. Я уточнил, о каких кобелях идет речь. Не то, чтобы я напряжен, но просто любопытно. Оказалось, речь о собаках. Я перестал жевать. Задумался. Фантазия боялась и давала сбой.

— Простите... Кхе-кхе... А как они... Мммм... Как именно они снимают собаке напряжение?..

Врач, есть врач.

— Как-как, руками! Недешево, кстати. Я когда узнала сколько, расстроилась.

Я понял, что есть еще работа мечты, но, пожалуй, вернусь-ка я к котам.

Пошел на место. Присел. Тетушка отпивала чай и поэтому молчала, я замер. Она проглотила, выдохнула.

— Поймите, у котов все проблемы с туалетом от недостатка... ну как сказать, секса (через мягкое Е), но есть выход...

Я не хотел знать выход и срочно начал слушать «Depeche Mode». Не страна, а партия зеленых сплошная. Все остальные проблемы решили.

Клиентское

Старший товарищ благородной внешности и достатка регулярно летает из Европы в Юго-Восточную Азию. Раньше он всегда перемещался при помощи «Эмирейтс», но тут был замечен в «Аэрофлоте».

— А чего ты на «Аэрофлот» пересел?

— Да не сложилось с «Эмирейтс», но они сами виноваты!

— Что случилось?

— Нет, ну представляешь они три раза подряд в качестве комплимента пересаживали меня из бизнеса в первый класс.

— Ииии?.. Это же прекрасно!

— Что прекрасно?! Ты знаешь, что у них в первом классе на этих рейсах?

— Что?

— Черная икра и «Кристал» без ограничения! Мне лететь восемь часов, что остается? Я ее ем не останавливаясь, запиваю это все двумя литрами шампанского. Мне потом неделю плохо так, что скорую вызывали в прошлый раз. Так и умереть можно. Я уже не в том возрасте! Очень рискованно, чем они думают, идиоты! Вот пересел на «Аэрофлот».

Размер имеет значение

«Сапсан», как всегда, порадовал. За соседним креслом доведенный до психоза начальник орет по телефону на нерадивого подчиненного, который прислал ему не тот отчет. Масштабно так прессует, я прям заслушался. Гражданин внутри трубки, вероятно, пытается отмазаться и тем самым вызывает еще большую ярость. В вагоне притихли все, кто не спал, и проснулись все, кто спал. Я так вообще сразу решил все неотправленные имейлы отправить, пока до меня товарищ не добрался. Не буду передавать весь речитатив, но финал прекрасен:

— Иван Иванович, если вы еще раз начнете дурака включать, я включу своего! Мой больше! Лучше вам не проверять!

Обожаю Питер

«Англетер». Ресторан. Я мрачный. Официантка нежно спрашивает:

— Будете что-нибудь?

Я, с абсолютно гранитным лицом, отвечаю:

— Пять литров водки и огурец.

И начинаю смотреть прямо в глаза. Молчу. Ни один мускул не дернулся. Грозен. Она тоже смотрит мне в глаза и молчит. Секунд десять. Не меньше. Потом улыбается уголками рта и прибавляет меня к стулу.

— Ну если Вы отвечаете за свои слова, я принесу.

Обожаю Питер.

Белая зависть

Я редко испытывал зависть, белую — в данном случае. Но вот подумал, что где-то у телевизора сейчас сидит паренек, для которого это первый финал. Ему лет семь-восемь, он наверняка болеет за кого-то, родители разрешили ему посмотреть дополнительное время, он весь в экране, рот раскрыт, иногда он прячет глаза за ладошками, если вдруг опасный момент у ворот его любимой команды, в остальное время руки сцеплены, он выпрыгивает с дивана, пинает кресло, бабушка его успокаивает, она сама уже увлеклась за компанию...

А потом болельщик пойдет спать счастливый или в слезах. А завтра до вечера будет лупить мяч, представляя себя «звездой».

У него еще столько финалов впереди. Он этого пока не знает и даже не может понять своего счастья.

Вспомнил, как я смотрел на даче в Токсово финал Евро 1984. Платини и Со.

Блять, как быстро всё.

Александр Васильев внимательно посмотрел на нашу команду и порадовал, как я уже сказал, хрупких барышень:

«Думаю, здесь не меньше тонны».

Тщеславие. Лайфхак

Москва. Выгуливаем питерских друзей. Излишне модный клуб на Цветном.

4.39.

Пришел к выводу, что хочу в туалет. Он общий, ну в смысле — ресепшн и кабинки. Оживленно. Напряженно.

Влетает истерзанный аналогичными выводами джентльмен. Сразу видно, очередь ему не выстоять. Обращается к народу:

— Извините, а кто в туалет по прямому назначению?

Знал, что спросить. Все колхозники тут же решили, что вот они-то точно стоят нюхать или трахаться, поэтому промолчали. Я тоже особо не ... лся, руку не поднял. Чувак облегченно вздохнул:

— Ну раз всем не срочно, можно я без очереди?

Пропустили.

Тщеславие. Лайфхак.

Милосердное

Лайфхак от мудрого Рашида Велемеева.

Встречает Рашид товарища. Все хорошо в этом событии за исключением напряжения внутри головы старого знакомого. Улыбается, обнимается, спрашивает, как дела и дело, а в лице 220 вольт. Тужатся мозги. Мысль не находится никак. Рашиду становится очевидно, что приятель забыл его имя. А беседа уже так далеко зашла, что сознаться сейчас совсем неудобняк. С каждым новым воспоминанием совместных попок звон извилин все громче. Скоро закоротит бедолагу. Пожалел мой друг своего друга. Начал что-то рассказывать и вдруг поэтично так:

— И тогда я сказал себе, Рашид, надо что-то менять.

Ни до, ни после не видел Рашид более своего друга таким моментально счастливым.

Я бы не догадался.

О семейном счастье и посуде

Были в гостях у представителей научной интеллигенции. Родители настояли мои, вот и ходим по семейным друзьям. Обоим уверенно к шестидесяти. Живые настолько, что я ощутил себя мумией. Пообедали. Обсудили генную инженерию и грядущий финал Лиги Чемпионов. Муж, вероятно, чтобы спокойно вечером смотреть футбол, вызвался помочь вымыть посуду. Сказал, что ему руками удобнее. Понимаю! Леня же в посудомойку все складывать...

У раковины оживленно. Жена пошла с инспекцией.

— Гриша! Ну как всегда! Чтоб у тебя так бабы в рот брали, как ты сковородку вымыл, уйди отсюда.

Любовь так многообразна.

Родные

Еду из аэропорта домой. Самолетный фастфуд проспал, поэтому неистово хочется есть. Прошу остановить у «Глобус Гурмэ». Ну люблю я их салаты. Грешен. Купил и прямо в отделе смел. Подхожу к кассе. Никого. Ну в смысле покупателей нет, три девицы скучают над счетами. И тут я. Загорелый. В корзине у меня опять же три абсолютно пустые коробочки и такая же безнадежная бутылка из-под кваса.

Посмотрели на меня как на ежика-беженца. С любовью и сочувствием. Ухожу, слышу одна другой с такой тоской безграничной:

— Да... А ведь вроде женат.

Хорошие бабушки растут.

Финиш шампейн

Я думал, так не бывает, чтобы анекдоты оживали.

Опять «Сапсан». Очередь в буфет местной столовки. Бабушка-итальянка с лицом дедушки-француза спрашивает:

— Шампейн, плиз?

— Финиш.

Глаза преобразились.

— Финиш?!

— Йес.

— Финиш шампейн?

— Йес, йес, финиш шампейн.

— Невер херд бифор. Окей. Смол ботл, плиз.

Стоят молча. Смотрят внутрь друг друга. Там пусто.

Бабушка в ожидании финского шампанского не выдержала:

— Окей! Ай эм окей виз финиш шампейн. Хау мач?!

Буфетчица достала огнемёт — Ноу шампейн! Нет шампанского! Нет! — здесь беззвучная цитата Лаврова.— Андестенд? Совсем финиш! Ноу ботл!

Я понял, что сейчас будет поножовщина, и помог. Теперь меня все любят.

Тайм-менеджмент

Звоню подруге на девятом месяце. Мягко так узнаю:

— Какие планы?

— Напряженно. Пятого — проект, шестнадцатого — проект, окно, чтобы родить, всего неделя.

Тайм-менеджмент. XXI век.

Вспомнил Татьяну Казеннову: «Цыпкин, я рожая, наберу попозже сегодня, если не срочно. Ок?»

Этот «Ок?» я надолго запомнил.

Женская солидарность

Сен Мартен. Остров метр на метр, поэтому разгружают туристов, как могут.

Порадовала пробирка с местным песком за двадцать долларов вместо магнитика. Беседуем с консьержем — милой француженкой лет двадцати на вид. Дает нам карту с внушительным списком развлечений, зафиналенным caribbean zoo^[6] и adult entertainment^[7].

Рассказав обо всех фантастических возможностях этого куска коралла, который умудрились еще и попилить французы с голландцами, девушка почему-то не стала рассказывать про зоопарк и развлечения для взрослых, на которые я не то чтобы возлагал надежды, но интересовался из антропологических соображений, разумеется.

— Excuse me and what about the zoo?

— It's not worth seeing. Two old turtles^[8].

Француженка посмотрела на возвращающуюся жену и, не дожидаясь моего вопроса про последний пункт программы, дала исчерпывающую рекомендацию:

— Absolutely the same personnel works in the adult entertainment^[9].

Купить помаду

Летим в Лондон. Ходим по Домодедово парой с Александром Маленковым. Наконец осели в каком-то антимитшенковском кафе. Вокруг brutальные семьи с детьми (едут на каникулы), и тут мы, такие модно-толерантные. Обращаем на себя внимание. Саше дали задание купить помаду и, судя по частоте фразы «главное, помаду не забыть», звонил сам Путин. В момент, когда в кафе повисла тишина, всем пиццу принесли, он встает и, выходя из-за стола, говорит мне так, что слышно всем отчаянно жующим:

— Пойду помаду куплю.

Общественность напряглась. Я притворился чашкой.

Саша понял, что ситуация односмысленная и эгоистически, спасая свою репутацию, добавил:

— Тебе.

Имхо, не спас. Скорее — наоборот. Не оставил пространства для интерпретации совсем.

Гамлет

Очень характерно.

Питерский товарищ мой развелся с женой. Наконец пошел на свидание. Неожиданно оно закончилось постелью.

Гражданин приличный, и это был его первый секс за пару месяцев, а с другой женщиной так и вообще за несколько лет. Аниме не в счет. Финал по вышеуказанной причине был соизмерим с падением Тунгусского метеорита. На три этажа блочного дома вверх и вниз, соседи вскрылись и вызвали МЧС. Штырило человека долго, почти как хрюшу. Оргазм свиньи — сорок минут, источник не назову, сам не проверял, но где-то читал.

Барышня не ожидала такого шоу и не сдержалась.

— Ну, пиздец, ты, Гамлет.

Питер. Я люблю тебя.

Все мужчины проходили это

Мысли: «Ну вставай, ну поднимайся, ну не сейчас, ну не на первом свидании, сейчас я успокоюсь».

Слова: «Сейчас-сейчас, еще десять минут. Да не, я не переживаю, не главное, конечно. Да, давай кино досмотрим. Да, смешно, конечно, получилось, очень просто ждал этой встречи».

Мысли: «Поднимайся, блять!»

И на нефть мы смотрим так же. Результат вы знаете. Ложитесь спать.

Ничего святого

Притча о настоящем цинизме и стопроцентном ивентщике.

Недели три назад встречаю в баре главного по премии «Ивентиада» Алексея Сафронова. Он смотрит прямо мне в костыли и говорит: давай ты будешь ведущим наших дебатов и соведущим премии. Я понимаю, что ему интересны костыли на сцене, а не мой богатейший внутренний мир (осознал тяжелую судьбу женщин с четверкой), но согласился.

Московские врачи отобрали у меня чертовы палки на неделю раньше и я заявился в РИА Новости, где шло мероприятие, без них. Встречаю Лешу. Он смотрит на меня двуногого, изменяется в лице и с недоумением на грани разочарования почти кричит:

— А где костыли?!

Ощутил себя злоупотребившей пушапом. Стыд, раскаяние и комплекс неполноценности.

В сценарии ОНИ БЫЛИ ПРОПИСАНЫ.

Художественное

Подруга-москвичка пару лет назад выпила лишнего и решила, что хочет жить в Питере. Душа какая-то чего-то там потребовала. И немедленно. У москвичек так всегда. Причем я четко спросил — мужик? Она — нет. Говорит — душа. Я долго отговаривал и предупреждал, что хорошо себя чувствуют в психиатрической лечебнице лишь те, кто в ней родился. Уперлась. Вот возвращается. Я поднял злорадство до пятого уровня и съязвил: «А шо так?»

«Да ваш Питер... Ну это как роман с художником. Сначала все круто: искусство, мольберты, духовность, блять, а потом вдруг понимаешь, что живешь в каком-то сарае, именуемом мастерской, дышишь красками, и куча голых баб придурочных вокруг все время твоим мужиком восхищаются. А, да, забыла, мелочь, но все-таки: картины при этом ни хуя не продаются».

Образование

Только вчера говорили о высоком уровне общей эрудиции в СССР.

Прохожу сейчас границу. Тетушка в очках, надетых на лицо учительницы биологии, которая одновременно завуч, интересуется:

— Цель поездки?

Мне, как всегда, нейдет.

— Тунеядство.

Сняла маску завуча, осталась в биологии, то есть чуть меньше диктатуры, чуть больше снисходительности.

Ну а я улыбаюсь, как будто все тычинки с пестиками выучил.

Сопроводила штамп бесценным:

— Тоже мне Бродский, проходите.

Принц

Избранное воскресное от моих друзей-женщин.

— Он такой замечательный, такой умный и такой добрый, что у меня на него совсем «не встало».

— А что не так?

— Да, сука, блять, принц.

На дне, или Добро пожаловать, месье Цыпкин

Заселяюсь в отель. На ресепшен обычный допрос, производимый француженкой скорее преклонного, чем непреклонного возраста:

— Чего приехали?

Я поправил корону и сообщил:

— Книжку презентую.

— Вы же русский?

— Ну да.

Скептический взгляд:

— О чем книга?

— Комедии об отношениях мужчин и женщин.

На меня посмотрели, как будто я подал заявку на «Мистер Олимпия».

— Неожиданно... Очень неожиданно... Хотя после английских шеф-поваров меня уже ничего не удивляет.

Уважаю

Помнится, в период одинокого разгула понравилась мне девушка. Начал аккуратно ухаживать, но она без всякой вменяемой мотивации не поехала ко мне после первого свидания. Я изумился, но списал это на низкое давление или магнитные бури. Бури продолжались месяц.

Однажды я даже заманил ее домой, но Мережковский не сработал. Я решил, что это в конце концов неуважение и перестал стучаться в ворота. Ворота проигнорировали мое игнорирование.

И вот чуть ли не через полгода звонок в субботу утром.

— Занят вечером?

Голос съезжился и кое-как выдул в трубку:

— Ну были дела...

— Думала в кино сходить.

И трахнули меня в ту же ночь. С душой так. Глубокомысленно. Я, честно говоря, вообще не принимал участия в процессе. Просто тихо охреневал. По окончании с меня встали, взяли телефон и, яростно показав в него средний палец, прошипели:

— Вот тебе, сука!

Даже ночевать не осталась. Уважаю.

Оплачено

На приеме в «Англетере» разжился новой историей от питерской богемы.

Приятель попросил жену сдать в химчистку пиджак. Этот растяпа оставил в кармане наполовину полную пачку презервативов и сто тысяч рублей (нежданный приход), сумму для него чувствительную и, главное, — незамеченную финженконтролем. Ну бестолочь он. Что возьмешь.

Весь день как на иголках. По двум поводам одновременно. К вечеру начал глаз дергаться.

По возвращении домой жена его умиротворила.

— Пиджак сдала.

Перестал жевать.

— Карманы проверила.

Перестал дышать.

— Вроде, в них ничего (пауза, взгляд с улыбкой) не было?

— Нет.

Жаба внутри подала голос, но разумно заткнулась.

— Ну и хорошо.

За всё нужно платить.

Фундаментальное

В рамках Культфорума позвали играть в «Что? Где? Когда?»

— Александр, приглашаем вас в команду писателей. Тема игры литературная: творчество Булгакова.

— Это тот, который «Анну Каренину» написал?

Затем — равнодушно, без паузы и удивления:

— Нет, это Толстой, а Булгаков — «Мастера и Маргариту». Придете? Повидали люди писателей...

Рубрика «Фак-ап-дня»

Мало ли, кто не знает, но особо запаренные модники специально держат расстегнутыми одну пуговицу на рукавах пиджака. Это как бы подтверждает то, что петли реальные, костюм сшит по меркам и вообще дорогой, а не фабрики имени Фрунзе. Жажда — всё, в общем. Но страшно далеки эти люди от народа. Выходит, стало быть, в одном журнале материал с фотографией такого стильного предпринимателя. Все вроде бы хорошо, но вот пуговица на фотографии почему-то застегнута. Звонят в редакцию. Там им говорят: «Скажите спасибо, что наш дизайнер заметил и в фотошопе подправил». Вот зайка. Заботливый.

Бабушка

Когда я родился, бабушке было 41. Конечно, обидно, если ты молодая женщина, а тебе с горки орут: «Бабушка, я не замерз», — и все мамы (и особенно папы) смотрят на тебя застывшими глазами. Тем более, непредсказуемо, когда ребенок болтлив.

Помню, нашел себе друга. Он тоже с бабушкой, но с настоящей, такой четкой бабулей.

Стоим у горки, трем за жизнь. Нам лет по пять. Бабушки неподалеку. Оказалось цензурируют беседу.

— А у тебя бабушка-то старая? — скептически-сочувственно.

— А у тебя? — удивленно-обиженно.

— У меня... — самодовольно, но пытаюсь подобрать слово. — У меня новая.

Фамилия на «Ц»

Книжный магазин «Москва». В ночи покупаю книжку, чтобы разыграть в утреннем эфире. Спрашиваю уставшую продавщицу:

— Ну как продается?

— Отлично! Видите, где книжки лежат, тут только хиты. Не продавались бы — с вашей фамилией знаете, где лежали бы.

Мое лицо стало похоже на грушу. Я вспомнил все школьные унижения.

— Ну в смысле фамилия на «Ц», а у нас по алфавиту.

Книжку-то я нашел, но...

На массаже в реабилитационном центре

Массажистка — девушка серьезная. Мой поток колкого сознания игнорирует. С появлением ее цепких рук на моих ягодицах (ничего себе, ахилл у меня) я, разумеется, начал еще больше ерзать и шутить.

— Вы можете расслабиться?! — голосом учительницы химии рявкнула девушка.

— Не могу! У меня женские руки на заднице.

— То есть мужские были бы привычнее?

Предусмотрительное. Гастрольное

Москва. Никитская.

Обедаем мы с представителями театральной общественности. Обсуждаем новости сцены. Пять человек. Две пары, включая нас, и подруга, чей муж разболелся. Звонок умирающего от насморка отвлекает от высокодуховной беседы. В помещении тихо, люди все воспитанные, разговаривают негромко. А вот у барышни с болезненным супругом сломался пульт управления, и ее звук особо не приглушить. Отвечает она так, что слышно не только нам.

— Ну как, где градусник?! В ящике. Нет, не в том. Да нет, ну что ты за тупица-то! В том, в котором пластиковый хуй. Ага, целую.

Ностальгия

Сегодня очередной раз проспал завтрак в «Англетере». Жалуюсь на ресепшн — мол, что же мне делать. Меня там любят, поэтому шутливо так:

— Раньше вставать надо, Александр Евгеньевич.

— Поздно ложиться привык.

— Значит, веселая у вас жизнь.

Вспомнил шедевр.

1995 год. СПбГУ. Военная кафедра. Психологическая борьба. Контрольная на тему «Психологическое воздействие на наступающего противника». Мы с приятелем с запоя. Пишем полную ахинею. Ржем шепотом, но звук не удержался и вырвался наружу. Подходит подполковник Новиков, отличный дядька с очень харизматичным заиканием. Такое бывает. Берет мой листок и, любя так, вырезает в мраморе:

— Ну что Ц-ц-цыпкин. В-в-весело живешь, вв-весело п-помрешь. П-п-пшел вон отсюда.

Пьеса «Фейсбук»

Действие первое:

Появляется какая-то неебически-бессмысленная хрень — ролик про друзей, осенние листья, тест «похож/а ли я на барсука или все-таки на Монику Белуччи», индикатор IQ по загадке «два конца, два кольца», контрольная по русскому из «мама мыла раму»... Лента похожа на однообразный сон сумасшедшего нарцисса.

Действие второе:

Мощно вступает хор из проспавших тренд с арией «как же задолбали те, кто...» смотрите выше список опций. Лента похожа на сон во сне. Фенобарбитал уже не помогает.

Действие третье:

Выхожу я, весь в белом.

Овации. Цветы.

Эзотерично

Питер, как всегда, вдохновил. Встретил подругу на своих чтениях. Не виделись пару лет, она тогда собиралась разводиться из-за пьянства мужа, не алкоголизма, а именно пьянства.

— Как с мужем?

— Ну вот, разводимся.

— Не бросил?

— Бросил. Вылечился духовными практиками, йогой и эзотерикой.

— Почему разводитесь???

— Тогда он хотя бы трезвел...

Дорогостоящие покупки

Подруга сделала себе грудь. Муж сказал, что впервые понял возможность приобретения счастья за деньги. Не уточнив, правда, чье счастье он имел ввиду, но не суть. Венеру лепили в Германии, скульптор постарался, бюджет виден издали. Проходит она границу по дороге домой. Спящий таможенник вскочил как ужаленный и срочно начал ловить контрабандистов.

- Девушка, незадекларированные дорогостоящие покупки есть?
- Есть.
- Покажите, пожалуйста.
- Вы на них все время смотрите.

Паспорт

Мой паспорт похож на «хрущевку». Вроде бы не так давно получил, а уже разваливается на части и держится на скотче. В банке даже карточку отказались выдать. Но зато регулярно слышу приятственное:

— Александр, что же это вы паспорт так запустили. Вы так молодо выглядите, а паспорту как будто лет сто.

Я, разумеется, постоянно шучу:

— А это портрет Дориана Грея.

Не все, однако, понимают мой высокомерно-эрудированный юмор.

Сегодня на казанском контроле в аэропорту наконец услышал достойный ответ.

— Вы бы лучше для этого загранпаспорт использовали. Удобнее. А вообще он плохо кончил. Проходите.

Пуля и Бог

Прадед военврач рассказывал про случай на Зимней войне. Снайпер у финнов появился. Либо в голову стрелял, либо в сердце. Без шансов. Приносят очередного на стол. Дырка в сердце, а он жив. Прохрипел:

— Доктор, у меня сердце справа.

Дед говорил, что к бойцу чуть ли не как к иконе потом прикладывались.

Декстрокардия называется.

The iron balls^[10]

Товарищ, наслушавшись о кризисе на рынке недвижимости, возомнил себя Баффетом, решил вскрыть паркет, достать зеленый кэш и купить квартиру на Никитской, пока дешево. Нашел. Пришел. Начал душить хозяев — интеллигентную московскую семью, попавшую в ситуацию. Натянул равнодушно-беспощадное выражение лица, но глубоко внутри своего еврейского сознания определился. Хороша квартирка. Ох, хороша!!!

— У вас цена стоит 40 миллионов.

— Да.

— Я готов за 38.

— Мы не торгуемся.

— Ок, я позвоню через неделю, и это будет 36.

— Вы позвоните через неделю, и это будет 41.

Мягко и доброжелательно сбрила спесь с моего друга хозяйка мужа и квартиры.

Охуевший, по-другому не скажешь, покупатель так просто решил не сдаваться. Вежливо откланялся.

Позвонил РОВНО через 168 часов.

— Хорошо, 39.

— 41.

— До свидания.

— До свидания.

Он купил ее за 42,5.

Вот обмыли конец ремонта.

Хорошо, что я уже буду старый.

Постправда

Рейс из Таиланда. Прилетел, стою на паспортный контроль. Два центра шума. 100 500 детей и один пьяный детина в шортах и зимней куртке, которого пытается усмирить жена, но это — что танку скалкой мешать. Гражданину до всех есть дело, ибо он в совершеннейший фарш.

На мое несчастье, громил в параллельной очереди. Говорит (ну, точнее, барахтается языком) без умолку. Наконец притих. Перед ним мамаша успокаивает парнишку лет четырех-пяти.

— Ну не плачь, сейчас папу увидим, папа ждет.

— Не хочу домой... ы-ы-ыы...

— Ну мы опять скоро поедем!

— А почему дядя Коля с нами домой не поехал?.. Ы-ы-ыы...

Мамаша неловко замолкла. Может, просто ответ искала, но детина шанса не упустил:

— А потому что дядя Коля папе бы не понравился... Бугага... Дядя Коля — он для Таиланда...

И залился хохотом под тычки своей жены и вспыхнувшее лицо мамаша.

— Как вам не стыдно! Это муж моей подруги! Они там остались!

Она начала зачем-то оправдываться, и всё перешло уже в неподконтрольный гротеск.

Мужик говорил, заплетаясь, перемежая смех с бульканьем и прочим алкотюнингом:

— Муж подруги... Бугага... Это же так удобно... Ну что ты меня затыкаешь? — Он перевел подобие взгляда на жену. — Я что, дядей Колей никогда не был, что ли? У каждой девушки в Таиланде должен быть свой дядя Коля, вот поэтому ты без меня туда и не ездишь... Бугага... Да ладно, шучу я. Пошутить уже нельзя. Дядя Коля, жду тебя у моря... ла-ла-ла.

Зал рухнул. Дети зарыдали все. А девушка, судя по цвету лица и несчастным глазам, была абсолютно чиста перед браком и совестью, но кого это волнует в эру постправды?

Реставратор

Товарищ познакомился в клубе с барышней и убедил, что ночевать у него ей будет значительно комфортнее.

Дома девушка показала парню такой handjob, что тот подумал о бессмысленности всего его предыдущего секса. Находясь в астрале, он сообщил:

— Какие у тебя руки фантастические!

Польщенная мастерица ответила:

— Это профессиональное.

Чувак атомно напрягся от такой «профессии», стал мандражировать, кого он пригласил домой, задумался, искать ли в сумочке клофелин, но взял себя в руки. Дребезжащим голосом спросил:

— А кто ты по профессии?

Девушка нежно и самодовольно шепнула:

— Реставратор.

Светлые души

Я почетный пассажир «Аэрофлота». Недавно был золотым, но сдулся до серебра. Тем не менее в полете ко мне приплывают нимфы и спрашивают, всем ли доволен г-н Цыпкин. Вот и сегодня подходит хрупкая барышня с лицом Натальи Ростовской-Гончаровой и интересуется, хорошо ли прошел мой полет и нет ли нареканий.

Я не нашел ничего лучше, чем с добрейшей улыбкой сообщить:

— Катя, все, заебись.

Катя стала цвета формы «Аэрофлота» и, справившись с волнением, уточнила:

— А это значит плохо или хорошо?

— Катя, заебись — это хорошо.

— Спасибо, Александр, что выбираете нашу авиакомпанию.

Вот есть еще нетронутые, светлые души.

Квантовое казино

Мой бывший коллега по работе в казино задумал наконец закрыть вопрос с детьми. Но жены для этого не нашел. Решил на авось, посредством своего регулярно ротируемого гарема. В итоге ждет двоих. От разных девушек. Они обе в курсе. И все довольны, что радует. Ну хороший человек. Ему многое простительно.

Ситуацию он определил профессионально:

— Один раз сыграл... Поставил на красное и на черное, выпало и красное и черное. Вот такое, блять, квантовое казино!

Чудны дела твои...

В женщине должна быть загадка

Самая младшая из сестер вновь зажгла. Решил подарить ей на Новый год деньги. Сообщил заранее о моей вселенской милости и атомной щедрости. В ответ меня опять извозили паспортом об асфальт. Переписка.

— Я читала, что ты пишешь. Вроде бы у тебя все в порядке с фантазией, придумай что-нибудь интереснее денег.

— Ну я же не знаю, что ты хочешь.

— В женщине должна быть загадка.

Блять, когда ей было 11, все решал. Теперь нам 15, и в нас, видите ли, загадка.

Новая знакомая

Сидим в кабинете вдвоем. Саша (41 год), Серёжа (26 лет), Даша (24 года).

Серёжа: У меня новая знакомая, отлично на выходных пообщались.

Саша: Симпатичная?

Серёжа: Нууу... Ты знаешь, она очень хороший человек.

Даша: Убила бы, блять.

Винни-пух

«Сапсан». В кресле через проход — гражданин. Мрачный. Терзающийся. Очки стильные, лицо изрядно поизносилось. Глаза в сомнениях. Наконец, встал. Достал чемодан, долго в нем копался, вытащил 0,7 Мартеля. Долго смотрел, говорил с внутренним я. Открыл. Еще переговоры. Решился. Отхлебнул из горлышка. Стремительно завинтил бутылку, закопал ее в рудники барахла, закрыл чемодан. Сидит. Прошло минут пять. Начал ерзать. На чемодан пробовал не смотреть, не выдержал, снова открыл, отрыл, отпил, закрыл, зарыл. За четыре часа он выпил по глотку всю бутылку, каждый раз повторяя весьма трудоемкую процедуру. В какой-то момент обратил внимание на мой изумленно-насмешливый взгляд.

— Думаешь, я с запоем борюсь? Нет, я другу хороший коньяк вез... Но (икнул) не судьба. Будем с ним пить, как обычно, наш. Не вышло.

И прикончил всё. Давно такого счастливого человека не видел.

Друзья, прошу вас, будьте счастливы, поступайте как мой сосед, я вас заранее простил.

Откуда мы знакомы?

Вспомнил сегодня после фразы в мой адрес на вечеринке #brwe: «Откуда мы знакомы?»

Был я когда-то одинок и уверен в собственной неотразимости. За это регулярно получал в коленную чашечку. Итак, давным-давно подходит ко мне на ивенте барышня, лицом и фигурой опережающая мои самые смелые мечты. Я моментально охорохорился. Спрашивает:

— Мне очень знакомо ваше лицо, откуда?

Я надеваю маску наглого обольстителя и отрезаю:

— Ну не знаю, может, мы спали.

Жду пунцового лица и полной победы.

На меня посмотрели как мишленовский шеф-повар на советскую курицу:

— Возможно. Вас, я так понимаю, легко забыть.

Член абонента занят или находится вне зоны действия сети

Питерские коллеги по «МегаФону» в выходные напомнили. Один хороший муж, работавший в данном коллективе, попал под артобстрел навязчивой гражданки. Написала она ему смс, дескать, отдамся в хорошие руки, немедленно, страстно. А он взял, да и показал жене, ну типа сразу сдал, куда следует.

Она ответила:

«Член абонента занят или находится вне зоны действия сети. Жена».

Наш еврейский вертолет

Сию на загородной еврейской свадьбе. Неожиданно раздался «жжжжжж». Напрягающий так «жжжжжж». Все евреи, включая меня контрафактного, напряглись. Мы иначе не ощущаем пульс жизни. Нет напряжения — ты умер.

Поднимаем голову. Мать его, дрон. Снимает и жужжит.

Ведущий не растерялся:

— Спокойно, никакого антисемитизма. Это свои, это наш еврейский вертолет.

Немного передохнул

Из беседы со старшим товарищем, обремененным детьми-студентами, бизнесами, личной жизнью, коллекциями, квартирами, виллами и прочей суетностью: «Честно говоря, я немного зае... ся, но не бросишь же всё, вот, слава богу, пару месяцев назад был инфаркт, я хоть передохнул немного, в себя пришел».

Родители — такие родители

Море. Плюс двадцать шесть. Рядом шведская семья.

Вот сейчас все закончили смеяться. Шведская семья, шведская стенка и шведский стол — это исключительно российские понятия. Скандинавы знать про них не знают.

Итак, обычная шведская семья на соседних лежаках. Папа, мама, дочка, сын. Все блондины, всем сразу хочется дать щит и двуручный топор. Как большому знатоку шведского языка мне нейдет произвести впечатление. Обожаю этот момент. Нет, ну когда шведы узнают, что я из России, у них на лицах выражение такого изумления, как будто их барсук в лесу спросил, что там в новом Шерлоке, а то он еще не посмотрел. Разболтались. Родители в счастье, говорят, впервые здесь, но надо детей на море возить, вот они и поехали, потому что детям очень нравится в тепле.

Сын (12 лет) сидит с постным лицом. Даже на говорящего барсука не реагирует. Потом его уже отдельно спросил, чего рожа такая кислая.

— Не хочу я на это море, у меня друзья в Лулео все остались. Еще и школу пропущу, а у нас сейчас хоккей, лыжи, весело. А тут с тоски сдохнуть можно.

В Лулео сейчас минус 23 и полярная ночь. Родители — такие родители.

Удобно

Такси. Подъезжаем к театру Станиславского и Немировича-Данченко.
Водитель, вежливый, миролюбивый гражданин.

Таксист: Вы в этом театре служите?

Я: Нет, здесь прием.

Я отметил слово «служите».

Таксист: В честь какого праздника?

Я: В честь юбилея российского еврейского конгресса.

Таксист: А вы, извините, еврей?

Я: Сочувствующий.

Таксист: Удобно.

В темноте

Приятель рассказал, что в свое время в Дубае он оказался в ресторане, в котором все происходит в полной темноте. Товарищ туда пошел с пассией. Существует такой возраст, в котором любая темнота — афродизиак. Он был в нем. Уж не знаю как, но он уболтал девушку скрасить его ожидание борща с пампушками оральным сексом. Темно же, никто не видит. Парень развалился. Девушка скрасила. Никто даже не знал, краснела ли она. Выходя из ресторана, счастливец похвалил администратора:

— Круто, что у вас официанты наизусть все знают, в темноте так быстро обслуживают.

— У них приборы ночного видения.

Таким красным, он говорит, не был более никогда.

Кто любит крафт

Иду к другу на ДР. Подарок скромный, поэтому хочу красиво упаковать. Захожу в цветочный. Там три покупателя не могут определиться, какие розы брать, и две продавщицы в тоске. Настроение у меня ядерное. Так легли снежинки. Продавщица спрашивает:

— Во что упаковывать? Вам мужчине или женщине дарить?

Я буднично и равнодушно:

— Трансгендеру.

В магазине отключается даже гравитация. Вакуум, полная тишина.

Из продавщицы кое-как вытек вопрос:

— Это как? В смысле?

— Ну у меня друг пол поменял, член отрезал, сиськи пришил, вот отмечаем, я не знаю, ему как мужчине упаковывать или как женщине.

Спиной вижу, как единственный мужчина покупатель прощупал похолодевшими руками, на месте ли его член.

Продавщица стала цвета олигархической розы, но собралась:

— Ну... Давайте в крафт завернем, раз такое дело. Крафт всем подходит.

— Давайте.

Руки у нее дрожали. Теперь я знаю, кто любит крафт.

Летальный вопрос

Мама моей знакомой наслаждается ретрошоппингом. Этот термин не означает страсть к покупкам старомодных ветхих шушунов. Речь о близком к маниакальному сожалению о совершенных покупках.

Схема такая: купила чашку, пришла домой, начала всем вынимать серое вещество насчет целесообразности покупки и желании вернуть чашку в магазин. И так от машины до газировки. Вечное сомнение в правильности уже совершенного поступка. Сомнение, тотально отравляющее жизнь твою и окружающих. Дочь — человек нордический, но иногда хватается за помповое ружье.

Но даже в таком недуге есть Эверест. Недостигаемая высота, возводящая обычную черту характера в статус Дао.

После смерти мужа женщина, выходя из крематория с урной под мышкой, озадачила дочку следующим:

— А может, все-таки зря мы папу кремировали?

Опубликовано с разрешения.

В одной фразе

Возвращаюсь в Москву с чувством выполненного долга, услышал душевное. Сначала думал из этой истории сделать повесть, потом рассказ, потом пост, теперь понимаю, что она самодостаточна в одной фразе.

Знакомая третий год в браке. Неожиданно у мужа обнаружилась любовница. Я разумно осведомился, чего подруга кипишит, раз сама была любовницей и он к ней ушел от жены. Дескать, ничего удивительного. Ответ размазал.

— Я и не думала, что он меня верностью удивит, хрен-то с ним. Но, б. ть, как можно быть настолько неоригинальным, чтобы начать встречаться в итоге с бывшей женой, и, что более всего выморозило, в том же отеле, в котором он трахался со мной.

Опубликовано с разрешения.

Когда папа — бессердечный кардиолог

Я в сорок второй раз собрался умереть от весенней аллергии. Звоню папе уточнить, какие препараты облегчат мой уход. Папа выслушал оду симптомам, назначил пару стандартных колес, от которых я так и не умер прошлой весной. Я загрустил, начал давить на жалость, и тут папа обнадежил:

— И возьми еще вот что... (название лекарства).

Три лекарства для человека, не очень справляющегося с задачей «одна таблетка через день», — это вызов.

Иду в аптеку. Беру указанную хрень. Читаю инструкцию. П... ц. Шесть раз в день и в разной дозировке. Принимать месяц.

Звоню папе.

— А вот последнее — обязательно нужно?

— Да.

— Оно поможет?

— Отчасти.

— От какой? Ну правда, зачем мне оно? Тут такой список заболеваний, ты что-то мне не говоришь?

Пауза.

— Это бесполезный набор трав, но я надеялся, что ты так задолбаешься его принимать, что хотя бы какое-то время не будешь меня дергать по ерунде.

Одной строкой

Люблю пиздец

Помог тут подруге (женщине-другу в смысле, разумеется), попавшей в ситуацию. Пишет мне сообщение по итогу: «Люблю пиздец».

И вот как по-разному можно интерпретировать фразу из всего лишь двух слов. Обожаю русский язык.

Решай быстро

Меня часто спрашивают, правда ли, что я женился за неделю. Да, правда. Рецепт простой. Нехуй себе пиздеть. Если тебе более тридцати и ты не дебил, то в первые два часа знакомства ты знаешь о человеке всё. Как смеется, как плачет, как орет, как жалеет, как кончает (секс не обязателен), как радуется, как печалится, как любит и как ненавидит. И нужно время принять все плюсы и минусы или не принять. Ничего нового не будет. Ты ВСЁ знаешь. Два часа. Всё. Остальное — ложь. Или попытка убедить себя. Так что решайте быстро. НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИТСЯ.

Как можно понять, что человек «свой»

Вы за неделю договорились встретиться по важному делу в воскресенье в три. Накануне подтвердили. Потом он звонит тебе в час, а ты не то, что встречаться, ты жить-то не можешь после вчерашнего, но трубку берешь, и только по тому как слово «алё» с муками выкарабкивается из твоего рта, он сразу делает спасительный вывод.

— Сань, я все понял. Давай завтра. Отойдешь — напиши.

Кот

Вот все говорят, мол, какой ужас, для одинокой женщины кот рано или поздно станет мужем.

И что-то никто не переживает, что для замужней муж настолько же рано или поздно станет котом.

Женская логика

Занятно все-таки женщины устроены. Полюбить за поступок — это мы не можем, нужен урок химии и божественная лазерная указка, а вот разлюбить за поступок — пожалуйста.

Прокрастинация

Наступил рай легальной прокрастинации, и на любой входящий звонок можно отвечать: «Давай уже после Нового года».

Питерские поймут

Жена прислала мне СМС:

«Купи два батона хлеба».

Друзья, два вопроса:

1. Что это значит?

2. Где в центре Москвы оружейный магазин?

О женской логике

Задаю в вотсапе вопрос по делу.

Ответ: «Сейчас прожую и напишу».

Это все, что нужно знать о женской логике.

Разговор с женой после очередной свернутой моей головы

— Обратил внимание на хорошую задницу?

— ... ну да, — врать было смешно.

— Неправильный ответ. Должен был обратить внимание на сопутствующие короткие некрасивые ноги.

Учиться, учиться и учиться.

Блондин

Выхожу из «Сапсана». Звоню таксисту узнать, где он.

Ответ:

«Я у вокзала в желтой машине на аварийке».

Не стоит говорить, что ВСЕ стоящие в радиусе километра машины — желтые и на аварийке.

Я все же нашел. Вы не поверите — БЛОНДИН.

Мама научит

Москва. Ресторан средней гламурности. Мама стервозно-образованного вида и дочка лет двенадцати с похожими перспективами. В разговор не вслушивался, но я так понял, у девочки разборка с подругой. Мама учит жизни. В итоге ребенок показывает смс, который хочет отправить:

«Все правильно, но не здохни, а сдохни».

Петербуржец

Обращаюсь к таксисту:

— Может, по Яндекссу поедем?

— Я бы с радостью, но в последнее время он БЕСКОНЕЧНО ЛЖЕТ.

Захотелось дать навигатору пощечину.

Wi-Fi

- А чего не загорел?
- Крем хороший.
- Как называется?
- Wi-Fi.

Чтобы девушка решила выйти замуж просто за хорошего человека, ее жизнь должна складываться очень плохо

Переночевать

Собираюсь в Питер, живу как всегда в «Англетере/Астории», пишу прекрасной Веронике — PR-начальнику в данном доходном доме:

«Завтра приеду,пустишь переночевать?»

Ответ:

— «Два года не появлялся и такой заход. Наглость твою люблю, но нет».

Оказалось, не той Веронике я написал.

Пойдем в кино?

— Маша, пойдем в кино? — я четырнадцатилетней сестре.

— Увы, я обременена таким понятием, как уроки, — точная цитата.

Я обременен исключительно таким понятием, как похмелье и поэтому просто сказал:

— А-а-а.

Не Анатолий

Сижу на Патриках. Жду визави. Подходит дама, которая в прошлой жизни была жалобной книгой или металлоискателем. Мрачно у меня спрашивает:

— Вы не Анатолий?

— Нет, а надо?

— Вот точно не надо. Поверьте.

Анатолию, я так понимаю, пиздец.

Порядочность

У зубного врача. Спрашиваю:

— У меня некоторым пломбам более десяти лет. Не пора их менять?

— Обычно пломбы оказывается пора менять, когда доктору пора менять телевизор или кухню. Мне не пора. Идите.

СЕГОДНЯ его зовут Максим

Иду по Конюшенной. Встречаю подругу с коляской.

— Кто?

— Мальчик!

— Сколько?

— Две недели.

— Как зовут?

— СЕГОДНЯ его зовут Максим.

Девочки...

Семейное

— Мамуль, я в Израиль в итоге не полетел. Прости, забыл тебе сказать.

— А ты забыл сказать, что полетишь. Все нормально.

Друзья

Есть много чувств, обусловленных кровью. Ряд обусловленных либидо. Избранные, обусловленные деньгами. И единицы — дружбой. Друзья, конечно, идиоты, но... свои идиоты, любимые, родные.

Лучшие подруги

Наблюдая за девушками в состоянии маниакально-деструктивного шоппинга, вспомнил барышню, принимавшую решение так:

«Выбираю платье, надеваю, фотографирую, вешаю в Инстаграм, если ЛУЧШИЕ подруги неистово лайкуют и визжат, как мне идет, — не беру. Значит, платье дерьмо и сидит ужасно».

Пьем с англичанином

— У вас лучшее метро в мире, чистое, красивое, но одно мне не ясно. Почему вы показываете не время, оставшееся до прихода поезда, а время, прошедшее с ухода поезда, на который вы, получается, опоздали. В чем логика? Будущее не определено?

Я реально задумался. Ответа у меня нет.

Сестра 15 лет

— Возьми меня на съемки.

— А ты мне что?

— У меня есть подруги, но ты старый и женатый, поэтому просто возьми меня на съемки.

Чайковский Дунаевскому

Наглость — первое счастье.

Папа вчера порадовал историей. Он, как вы понимаете, когда-то учился. Более того, на врача. В первом меде.

В группе был разгильдяйского склада товарищ по фамилии Чайковский. Проректором (или деканом, сейчас уже не вспомнить) трудился человек по фамилии Дунаевский.

Когда господина студента представили к отчислению, он написал короткое заявление без всяких дат, регалий и ФИО:

«Чайковский Дунаевскому.

Просьба разрешить пересдачу».

Разрешили.

Эпоха созерцания

Услышал сегодня от человека, разглядывавшего меню в ресторане:

— Благодаря кризису в России завершилась эпоха потребления и началась эпоха созерцания.

ЛЮБОВНОЕ

Встречался с новым приятелем/коллегой по кинопроекту. Он ушел в туалет, а телефон оставил. Жужжит входящий. На весь экран характеристика: «Ненормальная из самолета». Во время звонка товарищ вернулся и ответил. По разговору понятно, что жена. Я не сдержался, расспросил. Оказалось, и правда познакомились в самолете, а он не запомнил имя и записал как записал. Поженились. Мнения не поменял. Любовь.

Опубликовано с разрешения.

Анализ конкурентов

Встреча. Визави предлагает прям отличный отраслевой проект.

— Слушай, а конкуренты могут сделать то же самое?

— Теоретически — да, практически — нет.

— Почему?

— Долбоебы.

Аналитика.

Утреннее посольское

Оформляю визу. Закончил. Пытаюсь выйти. На двери кнопочка, истово тыкаю, молчаливо матерюсь. Сим-сим, сука, мне не дает. Яростно топчусь. Из зала рекомендация такого же просящего, но еще не получившего.

— Вы долго жмите, до щелчка и жужжания, как в тюрьме.

— Я не был в тюрьме.

— Это НАЖИВНОЕ.

I love this game (с).

Россиянин в душе

Дубай. Бранч-буфет. Пью, так как взял сет с вином с какого-то перепугу. Подходит официант, бангладешец, который только успевал доливать.

Шепотом (перевод дословный):

«Мистер Александр, в 16:00 эти жадные люди прекращают разливать вино. Налить вам три-четыре бокала про запас?»

Свой чувак. Россиянин в душе.

В отделе салатов

«Глобус». Зашел купить йогурт. В отделе салатов застыл. Я же уехал в декабре. Пока вы все отрывались, я пил сок и ел сок. Попросил себе два вида оливье и селедку под шубой. Во взгляде просто одержимость. Продавщицы начали смотреть с подозрением. Решил добить. Предельно серьезным голосом спрашиваю:

— А где у вас мандарины, елку и игрушки можно купить?

Одна из тетушек деловито:

— Нда. Завидую...

Суровый юмор стюардесс «Belavia»

Посадка. Толкотня. Все торопятся, словно у них самолет взлетает раньше остальных.

— Чей ребенок в проходе упал?

Тишина.

— Я спрашиваю, чей ребенок упал. Я понимаю, что ребенок — не кошелек, но можно как-то отреагировать?

Ты мне позвонил

— Блять, ни хрена не слышно! Какого хуя ты по вотсапу звонишь?! Позвони по нормальной связи. Бесишь меня своим вотсапом! Или найди нормальный интернет!

— Цыпкин, это ты мне позвонил.

Себя не жалко

Удивительно, я всегда думал, что самое сложное будет смотреть на себя в зеркало и видеть, что уже не двадцать. Особенно если вдруг попадаютсЯ фотки из универа...

Оказалось, гораздо тяжелее смотреть на тех, кого любишь с юности.

Себя, выясняется, не жалко, за себя не болит. За них — да.

Прогноз погоды

Такой ливень, и на улице ни одной девушки в футболке на голое тело, а могли бы замуж выйти. Прогноз погоды вообще для кого, для Пушкина?!

Катарсис

Очень трогательно, до мурашек. Дождь, Сивцев Вражек. Стою с народом, переживаю. По улице под зонтом топает папа с малышом, и поют хором: «Что мне снег, что мне зной». Хорошо поют, громко, на всю улицу, отец мультяшно басит, паренек картавит, за руки держатся, шагают уверенно, семья, команда, припев повторяют. И тут папа, чей обзор закрыт зонтом, на полном ходу влетает в колонну дома, под крышей подъезда которого я скучаю, песня неожиданно заканчивается, раздается:

— Блять!!! Ебаный в рот!!!

У всех стоящих рядом зрителей катарсис.

Подумалось тут

Вот понравилась тебе песня. Сначала слушаешь ее бесконечно, ждешь свободной минуты, чтобы утонуть в мелодии и словах, засыпаешь в наушниках — болеешь, в общем. Потом начинаешь проматывать места, которые нравятся чуть меньше, затем слушаешь только некоторые отрывки, еще через какое-то время оставляешь себе лучшие двадцать секунд из трека и ими относительно регулярно наслаждаешься. Ну и вскоре перестаешь ставить песню вовсе. Просто она у тебя в избранном.

С любовью иногда все то же самое.

Завтра

Разговор с другом по телефону:

— Витёк!

— Завтра.

— Блять...

— Ну да.

— Пока.

— Пока.

Ну завтра у него ДР, завтра.

Ну что ж, спектакль подошел к концу, пора домой, но после ваших продолжительных аплодисментов я не могу не выйти на бис.

Бис

Ежовое

Звонок. Сразу по сбивающемуся голосу я понимаю, гражданка на том конце молода и волнуется.

— Александр, здравствуйте, меня зовут... Хотела бы узнать, можно ли вас пригласить прочесть рассказы и лекции в город такой-то.

— Здравствуйте. Можно.

— А с вами обсуждать стоимость?

— Лучше с продюсером, я вам дам контакты.

— Ага, а райдер?

— Обычный человеческий.

— Нет, ну мало ли что-то нужно, чтобы обязательно в номере было или диета какая-то

И тут у меня загорелись мысли.

— Да, в номере должно быть два ежа.

Тишина. Голос задрожал сильнее.

— Кто, простите?

— Два ежа.

— Каких ежа?

— Обычных, живых, из леса. Это правда важно,— голос сделал максимально серьезным и даже скорбным.

— В смысле, вы с собой возите ежей?

— Нет, вы должны доставить мне в номер после концерта двух ежей, потом увезти.

— Ага... Я не знаю... Я думаю, мы решим этот вопрос. Простите... Ммм... А обязательно два?

— Обязательно два.

Я уже просто сползаю по стене и ухожу в полный сюр.

— Причем два ежа-мальчика, это тоже важно.

— ... Ммм... вы серьезно?

— А похоже, что я шучу? Вы не подумайте ничего плохого, просто ежики, когда бегают по номеру, стучат лапками, и это вводит меня в успокоительный транс. Но один еж бегать не будет, ему обязательно нужен друг. Самка тоже бегать не будет, как показали исследования. Вы что, не слышали о ежетерапии? Это сейчас очень модно в Москве, лечат депрессии. Конечно, российские ежи не совсем подходят, лучше немецкие, но их из-за санкций запретили ввозить.

— А они отличаются!?

— Разумеется, ворсистость иголок, вес, размер лапок — все это влияет на топот. Вы что, правда не слышали про этот метод? У нас пол Москвы теперь живут с ежами, гуляют с ними, в рестораны ходят. Особенно весной, обострения же у многих.

— Я не знала. Ничего себе... До нас еще мода, наверное, не дошла. Спасибо большое, я тогда всё уточню и вашему продюсеру напишу. Очень рада была познакомиться.

— Насчет ежей я пошутил.

— когда вы приедете, я вас убью.

Откуда мы знакомы?

Был я когда-то одинок и уверен в собственной неотразимости. За это регулярно получал в коленную чашечку. Итак, давным-давно подходит ко мне на ивенте барышня, лицом и фигурой опережающая мои самые смелые мечты. Я моментально охорохорился. Спрашивает:

— Мне очень знакомо ваше лицо, откуда?

Я надеваю маску наглого обольстителя и отрезаю:

— Ну не знаю, может, мы спали.

Жду пунцового лица и полной победы.

На меня посмотрели как мишленовский шеф-повар на советскую курицу:

— Возможно. Вас, я так понимаю, легко забыть.

Дорогие зрители и читатели, я надеюсь, вы меня не сразу забудете. Спасибо за внимание. До новых встреч!

notes

Примечания

1

Заведующая городским отделом народного образования. Решает вопросы по школе.

2

Он ест деньги, это нормально. Тебе нужно еще две копейки? (Англ.)

— Да. Нужно (англ.).

— Десять долларов, но ты мой друг, поэтому пять, но не один (англ.).

Десять долларов, но ты мой друг, поэтому пять (англ.).

Карибский зоопарк (англ.).

Развлечения для взрослых (англ.).

- Простите, а что относительно зоопарка?
- Не стоит смотреть. Две старые черепахи (англ.).

Совершенно тот же персонал работает в «Развлечениях для взрослых» (англ.).

Железные яйца (англ.).